

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»**

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

СЕРИИ «ПРАВО»

Выпуск 19

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**Донецк
2020**

УДК 082.1:34
ББК Ч25я54+Х400.73
Г72

Государственное образовательное учреждение высшего

Г72 профессионального образования «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»: сборник научных работ серии «Право». Вып. 19: Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях / ГОУ ВПО «ДонАУиГС». – Донецк: ДонАУиГС, 2020. – 193 с.

В сборнике представлены результаты научных исследований учёных, аспирантов правовых кафедр ДонАУиГС, высших учебных заведений ДНР, ЛНР, России и СНГ. В материалах рассмотрены актуальные вопросы становления и развития национальной правовой системы в условиях формирования современного государства. Освещены пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического и правового развития государства.

Сборник предназначен для научных работников, аспирантов, магистрантов, студентов, практических работников.

УДК 082.1:34
ББК Ч25я54+Х400.73

Сборник научных работ серии «Право» включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Министерства информации Донецкой Народной Республики серии ААА №000067 от 16.11.2016 г.

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики сборник научных работ серии «Право» включён в Перечень рецензируемых научных изданий.

Учредитель:

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»

Главный редактор:

Ворушило В.П. – кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель главного редактора:

Саенко Б.Е. – кандидат экономических наук, доцент.

Редакционная коллегия:

Голос И.И. – кандидат наук по государственному управлению, доцент;

Саенко В.Б. – кандидат наук по государственному управлению, доцент;

Сасов А.В. – кандидат юридических наук, доцент;

Витвицкая В.В. – кандидат юридических наук, доцент;

Сабирзянова И.В. – кандидат философских наук, доцент;

Каблов Д.С. – кандидат юридических наук;

Сичкар В.А. – кандидат юридических наук, доцент;

Смирнов А.М. – кандидат юридических наук, доцент, профессор Донецкого Национального университета;

Шестак С.В. – кандидат юридических наук;

Кушаков М.Н. – кандидат юридических наук;

Моисеев А.М. – доктор юридических наук, профессор Донбасской юридической академии ДНР;

Седнев В.В. – доктор медицинских наук, профессор, сотрудник Генеральной прокуратуры ДНР;

Беляев В.П. – доктор юридических наук, профессор Юго-Западного государственного университета г. Курск, РФ;

Маркова-Мурашова С.А. – доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», РФ;

Стремоухов А.В. – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Ответственный секретарь:

Сасов А.В. – кандидат юридических наук, доцент.

Адрес редакции: ДНР, 83015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163-А.

Телефон: (062) 337-66-09

Издаётся по решению Учёного совета ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

© ГОУ ВПО «ДонАУиГС», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Ашурков Я.В., Орлова Н.А.

Международный правовой механизм урегулирования
инвестиционных споров 5

Абашина Я.В., Виденина И.Д.

К вопросу о пределах компетенции органов местного
самоуправления: зарубежный опыт 24

Витвицкая В.В., Кураксина А.А.

Уголовно-правовая характеристика ятрогенных преступлений ..32

Дербишева О.А.

Процессуальный порядок доказывания вреда в делах о
компенсации морального вреда 41

Завгородняя А.А.

Физическое лицо как участник гражданских правоотношений:
гражданин или человек 48

Каблов Д.С.

Профилактика административных правонарушений в
современных условиях 58

Матюшайтис Н.В.

Эволюция правового статуса органов местного
самоуправления в Российской империи
во второй половине XIX – начале XX столетия 67

Мельниченко Ю.С.

Правовой режим географических указаний в Донецкой
Народной Республике..... 79

Прокофьев Н.А., Абзалова Я.А.

Воздействие концепции безопасности
на международное право.....88

Прокофьев Н.А., Моргун В.В.

Материальная ответственность лиц
по трудовому договору 97

Саенко Б.Е., Щербань О.В.

Принудительная ликвидация юридических лиц
в системе гражданско-правовой ответственности 105

Сасов А.В., Виденина И.Д.

Проблемы реализации принципа состязательности
в уголовном процессе 114

Сасов А.В., Богославская К.Э.

Актуальные проблемы последствий преступлений:
общетеоретические вопросы классификации 123

Сасов А.В., Куринная К.Ю.

Проблемные аспекты деятельности переводчика
в уголовном процессе 135

Соловьёва Ю.А.

Современное понимание принципа
самоопределения народов 146

Сичкар В.А., Фоменко А.А.

Проблемные вопросы при осуществлении
уполномоченными органами функций по распоряжению
имуществом государственной собственности
Донецкой Народной Республики на стадии судебного
разбирательства 159

Трандафилофа И.В.

Брачный договор: правовой аспект и восприятие общества 168

Токарева А.М., Ку-ян-мы О.В.

Актуальные проблемы проведения
доследственной проверки о дорожно-транспортных
происшествиях с пострадавшими в контексте
соблюдения сроков УПК ДНР 176

Шестак С.В., Квасницкая И.А.

Проблемы правового регулирования наследования
по закону наследниками первой очереди 186

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ

АШУРКОВ О.А.,

канд. юрид. наук, доцент,
зам. директора института по научной
работе ГУ «Институт экономических
исследований»;

ОРЛОВА Н.А.,

канд. экон. наук,
старший научный сотрудник
отдела экономико-правовых исследований
ГУ «Институт экономических
исследований»

В статье проанализированы международное инвестиционное законодательство и правовой механизм разрешения инвестиционных споров, исследованы международный опыт и практика Российской Федерации по созданию юрисдикционных органов, осуществляющих урегулирование инвестиционных споров, рассмотрена система двусторонних, многосторонних и региональных инвестиционных договоров и соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций. На основе этого обоснованы направления адаптации позитивных тенденций развития международного правового механизма урегулирования инвестиционных споров к правовым условиям в Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: инвестиции, международное инвестиционное законодательство, двусторонние, многосторонние, региональные договоры и соглашения о защите инвестиций, инвестиционные споры, международный инвестиционный арбитраж.

The article analyzed international investment legislation and the legal mechanism of investment disputes arbitration, examined the international experience and practice of the Russian Federation in creating jurisdictional bodies of investment disputes resolution, considered the system of bilateral, multilateral and regional investment treaties and agreements on the encouragement and mutual protection of investments. Consequently, the directions of adapting the positive trends in the development of the international legal mechanism for the resolution of investment disputes to the legal conditions in the Donetsk People's Republic have been substantiated.

Keywords: investments, international investment legislation, bilateral, multilateral, regional treaties and agreements on investment protection, investment disputes, international investment arbitration.

Постановка задачи. Механизм правового регулирования иностранных инвестиций формирует совокупность принципов, норм и правил международного и внутригосударственного права, которая определяет правовой статус иностранных инвестиций с момента их учреждения до момента ликвидации. Системообразующим фактором в механизме правового регулирования инвестиционной деятельности является защита прав инвесторов.

В связи с этим вполне очевидна необходимость научного осмысления общих принципов, стандартов, механизмов международного права по урегулированию инвестиционных споров, исследования международно-арбитражной практики конструктивного их разрешения. Особую значимость представляет изучение опыта Российской Федерации по заключению двусторонних и многосторонних договоров и соглашений по вопросам поощрения и защиты инвестиций, практики разрешения спорных инвестиционных правоотношений путём использования досудебных процедур, передачи дел по инвестиционным спорам для рассмотрения в компетентные органы государств-реципиентов или обращения к механизму международного арбитража.

Изучение названных выше и других аспектов международной нормативно-правовой системы регулирования иностранных инвестиций и урегулирования инвестиционных споров является одним из важных условий своевременной подготовки перспективной и совершенствования действующей нормативно-правовой базы Донецкой Народной Республики в этой сфере правовых отношений, потребность формирования которой с учетом стратегических целей экономического развития и создания благоприятного инвестиционного климата на территории Республики не вызывает сомнений.

Анализ последних исследований. Различные аспекты этой проблематики, в частности, вопросы регулирования капиталовложений, заключения международных договоров об

иностранных инвестициях, стимулирования инвестиционной деятельности, защиты инвестиций, разрешения инвестиционных споров получили обстоятельную разработку в публикациях российских экономистов и юристов: С.В. Бородина [1], Н.Н. Вознесенской [2], Н.Г. Дорониной [3; 4; 5], А.А. Данильяна [6; 7], В.В. Замятиной [8], С.Ю. Козаченок [9], Н.Г. Семилютиной [10], Р.С. Оганезовой [11], И.З. Фархутдинова [12] и др.

Цель статьи: на основе исследования международно-правового механизма урегулирования инвестиционных споров обосновать направления адаптации позитивных тенденций развития зарубежной и российской практики поощрения и защиты инвестиций к правовым условиям в Донецкой Народной Республике, что принципиально важно для формирования эффективного законодательства в этой сфере деятельности.

Актуальность. Для Донецкой Народной Республики применение международного правового механизма урегулирования инвестиционных споров в настоящее время в силу сложившихся обстоятельств пока что не является первостепенной задачей, однако в перспективе, по мере укрепления экономической системы Республики, более тесного сотрудничества с государствами-членами СНГ, ЕАЭС, БРИКС и другими международными региональными объединениями и, соответственно, дальнейшего развития инвестиционной деятельности эта проблема, безусловно, актуализируется.

Изложение основного материала. В научной литературе обоснованы выводы о том, что связанные с осуществлением инвестиционной деятельности правовые (инвестиционные) споры многообразны и могут быть классифицированы по различным направлениям: по субъектному составу, характеру отношений, подлежащему применению права, компетентному органу, порядку разрешения споров и др., которые с разных сторон характеризуют две группы принципиально отличных друг от друга инвестиционных споров, а именно:

1) споры между принимающим государством и государством инвестора или международной организацией, носящие международный (межгосударственный) характер и

разрешаемые на основании норм международного публичного права в рамках международной правовой системы;

2) споры между иностранным инвестором и иным физическим или юридическим лицом либо принимающим государством, возникающие из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, носящие транснациональный характер и разрешаемые государственными судами и арбитрами на основании норм права, относящихся к разным системам права, в рамках национальной правовой системы [13, с. 312-313].

Исторически защита иностранных инвестиций осуществлялась механизмами, предусмотренными международным публичным правом. Иностранный инвестор, понесший ущерб в связи с действиями государства, на территории которого находилась его собственность, мог прибегнуть лишь к дипломатической защите своего государства. Любой возникший спор рассматривался исключительно как спор между государствами. Защита иностранной собственности осуществлялась на основании принципа, заключающегося в выплате компенсаций за национализированную собственность [2, с. 90].

В настоящее время инвестиционные споры, возникающие в процессе инвестиционной деятельности с участием иностранных инвесторов, по общему правилу подлежат разрешению в судебном порядке. Международная подсудность таких споров определяется не только национальным законодательством, но и международными договорами и соглашениями.

Инвестиционные споры между государством-реципиентом и иностранным инвестором могут быть рассмотрены в самых различных инстанциях, в частности, в административных органах или судах принимающего государства, национальных судах иностранного государства, международных коммерческих арбитражах [1, с. 142].

Международно-правовой механизм защиты иностранных инвестиций формировался и развивался в соответствии с принципами регулирования рыночных отношений. Большое влияние на этот процесс оказало международное

законодательство, созданное Международным банком реконструкции и развития (МБРР). Оно включает систему взаимосвязанных международных договоров государств, участвующих в инвестиционных спорах, разрабатываемых и действующих на основе Вашингтонской конвенции 1965 г. «Об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств», а также Сеульской конвенции 1985 г. «Об учреждении Международного агентства по гарантиям инвестиций» (МАГИ).

По состоянию на 2014 г. Вашингтонскую конвенцию, результатом принятия которой стало учреждение Международного центра урегулирования инвестиционных споров (МЦУИС), подписали 155 государств, ратифицировали 143. Российская Федерация подписала Конвенцию 16 июня 1992 г., однако до сих пор ее не ратифицировала. Обращая внимание на этот факт, ведущие российские ученые-юристы Н.Г. Доронина и Н.Г. Семилютина подчеркивают, что указанные многосторонние конвенции создают единый механизм, направленный на защиту иностранных инвестиций и исходят из единых принципов регулирования. Очевидно, что российское законодательство не может игнорировать этот механизм и эти принципы [3, с. 92-93].

Анализ научных публикаций по данной проблематике даёт основание заключить, что ключевыми элементами современного правового механизма, обеспечивающего защиту частных иностранных инвесторов на территории принимающего государства, являются:

- соглашения между правительством иностранного государства и государством, принимающим инвестиции, о защите капиталовложений внутренним актом;
- система двусторонних, многосторонних и региональных инвестиционных договоров и соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений на основе норм международного права;
- арбитражное и третейское разбирательство инвестиционных споров с участием созданных в системе международного права специальных юрисдикционных органов для осуществления процедур урегулирования инвестиционных

споров между частными инвесторами и государствами-реципиентами;

- механизмы, связанные со страхованием инвестиционных рисков, позволяющие государству или специальной международной организации в силу действия принципа суброгации выступать вместо инвестора в споре с принимающим государством, нарушающим права инвестора;

- оказание международными финансовыми институтами консультационных услуг в сфере страхования кредиторов и инвесторов развитых и развивающихся государств от рисков, связанных с осуществлением инвестиционной деятельности.

Начиная с 1990-х годов приоритетную роль в практике урегулирования инвестиционных споров стали играть двусторонние международные договоры и соглашения о взаимной защите и поощрении капиталовложений. Указанные договоры и соглашения, – отмечает М.А. Цирина, – отвечают общим стандартам, выработанным международной договорной практикой в области защиты инвестиций, и охватывают сходный круг вопросов: раскрывают понятия капиталовложения, определяют правовые режимы, закрепляют гарантии прав иностранных инвесторов, к которым относятся, в частности, гарантия от экспроприации, компенсации при экспроприации, беспрепятственный перевод за границу платежей в связи с капиталовложениями, разрешение споров между иностранными инвесторами и принимающим инвестиции государством [14, с. 107].

В начале 2000-х годов достаточно широкое распространение получила практика принятия Типового соглашения о защите инвестиций внутригосударственным актом. В Российской Федерации проект Типового соглашения между Правительством РФ и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений был утверждён постановлением Правительства РФ от 9 июля 2001 г. № 456. Новым постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2016 г. № 992 был отменён порядок заключения двусторонних договоров на основе типовой формы и утверждён Регламент ведения переговоров по заключению международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и

защиты инвестиций. В Регламенте закреплены положения, которые в обязательном порядке должны быть предусмотрены в договоре, а также требования относительно того, что не должно быть предметом договора [15].

Указанным Регламентом определены особенности проведения переговоров по заключению международных договоров, в приложении к Регламенту установлены критерии определения целесообразности проведения переговоров и заключения международных договоров РФ по вопросам поощрения и защиты инвестиций, определена сфера применения договора, условия допуска инвестиций и деятельности инвесторов.

Как свидетельствует практика, в настоящее время в мире насчитывается около 3000 международных двусторонних договоров и соглашений о защите инвестиций [4, с. 50].

Российская Федерация заключила с разными странами около 60 Соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений, в том числе с Бельгией, Великобританией, Германией, Индией, Италией, Канадой, Нидерландами, Люксембургом, Финляндией, Францией, Швейцарией, Южной Кореей, Японией и другими государствами, а также 80 Соглашений во избежание двойного налогообложения [8, с. 5; 14, с. 107].

Для евразийской интеграции, – подчеркивает главный редактор «Евразийского юридического журнала» И.З. Фархутдинов, – весьма полезным опытом правового регулирования взаимных инвестиций является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений, подписанное вместе с Протоколом от 09.11.2006 г. и базирующееся на основополагающем принципе права международных договоров – принципе добросовестного исполнения международных обязательств [12, с. 1-23].

В Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством КНР указано, что каждая договаривающаяся сторона стремится создавать благоприятные

условия инвесторам другой договаривающейся стороны для осуществления капиталовложений на своей территории и допускает такие капиталовложения в соответствии со своими законами и иными нормативными правовыми актами (пункт 1 статьи 2). Каждая договаривающаяся сторона обеспечивает в соответствии со своими законами и иными нормативными правовыми актами полную защиту на своей территории капиталовложений инвесторов другой договаривающейся стороны (пункт 2 статьи 2).

Аналогичная практика защиты инвестиций получила развитие и в других странах СНГ. Так, к примеру, Кыргызская Республика на протяжении 1993-2009 гг. заключила двусторонние международные договоры о взаимной поддержке, поощрении и защите инвестиций (капиталовложений) с 28 странами, в числе которых Китайская Народная Республика, Турецкая Республика, США, Французская Республика, Республика Индия, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан и др. [16, с. 131]. Республика Беларусь заключила межправительственные соглашения о содействии и взаимной защите инвестиций с 58 странами, в том числе с Азербайджаном, Таджикистаном, Киргизией, Молдовой, США, Германией, Турецкой Республикой, Китаем, Швейцарией и др., а также более 60 соглашений об избежании двойного налогообложения в процессе инвестиционной деятельности. Кроме того, Беларусь, как и другие страны СНГ, является также участником международных соглашений в области регулирования инвестиционной деятельности, принятых в рамках СНГ, в частности, заключённого 23.12.1993 г. в Ашхабаде «Соглашения о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности». Соглашением установлено, что правовой режим инвестиций сторон не может быть менее благоприятным, чем режим для юридических лиц и физических лиц государств по месту инвестирования, т.е. должен предоставляться национальный режим [17, с. 76].

Важную роль в развитии международного инвестиционного сотрудничества играют международные многосторонние договоры. Международное экономическое

сотрудничество в области инвестиций, – подчеркивают А.А. Данельян и И.З. Фархутдинов, – развивается постепенно от международно-правовой защиты к международно-правовому регулированию инвестиций, от двусторонних к многосторонним соглашениям о сотрудничестве в части регулирования инвестиций [6, с. 119-120].

Особенность международных многосторонних договоров, регулирующих инвестиции, заключается в том, что участвующие в них государства берут на себя обязательства по применению надлежащих мер правового регулирования инвестиций и установлению контроля за исполнением этих обязательств со стороны создаваемой на основе международного договора процедуры рассмотрения споров, связанных с инвестициями.

Особую группу составляют многосторонние международные договоры, лежащие в основании экономических союзов государств, направленных на создание общего рынка, в том числе и рынка капиталов, и затрагивающих область инвестиционного сотрудничества, то есть договоры, регулирующие торговлю и инвестиции. К их числу относятся Договор к энергетической хартии и Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Европейским Союзом и государствами Европейских сообществ. Такие международные многосторонние договоры следует относить к договорам, обеспечивающим более высокую степень сотрудничества в области инвестиций, выходящие за рамки проблемы защиты инвестиций.

В условиях рыночных отношений процесс развития инвестиционного сотрудничества регулируется также нормами универсальных международных соглашений, действующих в рамках ГАТТ/ВТО. Это Соглашение по связанным с торговлей инвестиционным мерам (ТРИМ), Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), Генеральное соглашение по торговле и услугам (ГАТС) и др. Указанные соглашения обязывают государства-участников с целью недопущения возникновения споров законодательным путём обеспечивать равные условия конкуренции на национальном рынке (включая рынки капиталов или рынки финансовых услуг), воздерживаться от принятия мер

ограничительного характера не только для иностранных, но также и для национальных предпринимателей. Под воздействием международных договоров одним из условий эффективного регулирования инвестиций становится использование методов антимонопольного регулирования инвестиций [18, с. 40; 19, с. 73].

Как свидетельствует мировая практика, процесс формирования «открытых экономик» многих стран способствовал созданию благоприятных условий для «открытого регионализма», целью которого является расширение сферы взаимной торговли, устранения барьеров, мешающих свободному движению капитала, ресурса и людей [20, с. 24]. Эти процессы, в свою очередь, способствовали развитию международного регионального сотрудничества в сфере правового регулирования иностранных инвестиций.

В последнее десятилетие XX в. государства на региональном уровне разработали и приняли целый ряд соглашений, в той или иной мере связанных с вопросами правового регулирования иностранных инвестиций. В настоящее время в региональных и субрегиональных инвестиционных соглашениях и договорах участвуют многие развивающиеся государства с целью реализации взаимовыгодных программ в координации внешней торговли и иностранных инвестиций, заключаемых в рамках таких известных региональных организаций, как ЕС, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), СНГ, ЕАЭС, АСЕАН, БРИКС и др. Создание правил для международных инвестиций в режиме международного права, – отмечает А. Белоглазек, – стало обычным явлением во всех регионах [21, с. 25].

В деятельности ОЭСР правовые проблемы иностранных инвестиций играют ключевую роль. Под эгидой ОЭСР разработан и принят Кодекс либерализации движения капитала (1961 г.), который закрепил «принцип прозрачности границ» и содержит такие важные обязательства государств, как: 1) не вводить новых ограничений на движения инвестиций; 2) предупреждение о необходимости применения ограничительных мер только по соображениям безопасности; 3) установление

перечня операций с инвестициями, подлежащими либерализации [6, с. 127-128].

Единая концепция защиты капиталовложений и прав инвестора выработана в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) включает три протокола, регулирующих систему капиталовложений: «О мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики» (протокол № 15); «О торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций» (протокол № 16); «По финансовым услугам» (протокол № 17).

Три протокола, – подчеркивают Н.Г. Доронина и Н.Г. Семилютина, – связаны между собой существом предмета – формированием рынка капиталов и регулированием рынка капиталовложений. Представляется, последующим этапом укрепления сотрудничества могла бы стать выработка модельного соглашения, отражающего единую инвестиционную политику государств, участвующих в ЕАЭС. Это могло бы не только усилить эффективность национального законодательства, но и обеспечить защиту интересов государств-членов ЕАЭС. Выработка инструментария для проведения скоординированной политики ЕАЭС в области регулирования капиталовложений сможет обеспечить создание системы коллективной экономической безопасности государств-членов ЕАЭС [5, с. 127–128].

В научной литературе отмечается, что в настоящее время ведутся переговоры по созданию регионального всеобъемлющего экономического товарищества между Китаем, Японией и Кореей с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Австрией, Новой Зеландией и Индией с целью привлечения и защиты инвестиций путём обращения к международно-правовому механизму разрешения инвестиционных споров [10, с. 135].

Одним из наиболее эффективных механизмов разрешения инвестиционных споров с участием иностранных инвесторов являются международные арбитражные процедуры. Активное развитие международного инвестиционного сотрудничества

способствует тому, что в процессы защиты нарушенных прав инвесторов с помощью международного арбитража вовлекается все большее количество государств. Во многом это объясняется тем, как отмечают специалисты, что инвестиционный арбитраж имеет целый ряд присущих только ему преимуществ. В частности, такая процедура позволяет инвестору избежать необходимости обращения в национальные суды с иском к государству и риска предвзятости его национальных судей. Инвестиционный спор рассматривается независимыми и квалифицированными арбитрами, которых стороны могут самостоятельно выбирать, руководствуясь такими факторами, как опыт, экспертиза, отсутствие конфликта интересов и репутация потенциального арбитра. Эффективность данного механизма защиты прав инвесторов подтверждается как количеством международных двусторонних и многосторонних соглашений, содержащих пункты об инвестиционном арбитраже, так и количеством инициированных дел. Так, согласно данным Конференции ООН по торговле и развитию, начиная с 1987 г. было инициировано 942 инвестиционных международных спора [22, с. 1, 6].

Международные инвестиционные арбитражи условно разделяются на два вида: институционный и *ad hoc*. К первому относятся разбирательства в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), основанном в соответствии с Вашингтонской конвенцией, разбирательства в Международном арбитражном суде при Международной торговой палате (ТСС), Стокгольмском арбитражном институте (SCC), Лондонском международном арбитражном суде (LCIA) и в ряде других арбитражных институциях. Разбирательство *ad hoc* осуществляется в соответствии с Арбитражным регламентом Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

Государство, заключая универсальные международные многосторонние договоры, региональные международные многосторонние договоры, а также международные двусторонние договоры в сфере регулирования иностранных инвестиций, берут на себя международные обязательства участвовать в инвестиционных спорах в международных

институциональных арбитражных судах и международных арбитражах ad hoc. Практически в любом инвестиционном договоре содержится оговорка о передаче споров, связанных с ним, на разрешение в международный арбитраж. Как свидетельствует практика, центральное место принадлежит специализированному арбитражу МЦУИС, в котором по состоянию на июнь 2019 г. рассматривалось 728 инвестиционных споров [7, с. 35-36; 22, с. 2].

Правовой основой деятельности МЦУИС, как закреплено в статье 26 Вашингтонской конвенции [23], является Международный договор, обязывающий государства-участников исполнять решения МЦУИС так, как если бы это были решения суда высшей инстанции государства. Для разрешения споров в рамках МЦУИС необходимы определённые основания, при наличии которых посредники в примирительной процедуре или арбитры в арбитражном процессе наделяются полномочиями по урегулированию того или иного спора. В соответствии с Конвенцией для рассмотрения спора в МЦУИС необходимо в совокупности наличие следующих обстоятельств: 1) возникновение правового спора, который непосредственно (прямо) следует из инвестиций; 2) сторонами инвестиционного спора являются договаривающееся государство и частное лицо другого договаривающегося государства; 3) согласие на примирительное производство или арбитраж, выраженное в письменной форме.

Стороны, достигшие такого согласия, не вправе отказаться от него в одностороннем порядке.

В течение длительного времени инвестиционный спор мог рассматриваться в МЦУИС только между государствами-участниками Вашингтонской конвенции, что затрудняло защиту прав иностранных инвесторов. В связи с этим к Вашингтонской конвенции был принят дополнительный протокол, которым введены правила дополнительных процедур, предусматривающие право МЦУИС принимать решения о приемлемости спора для рассмотрения и его подчинении юрисдикции МЦУИС относительно государства, участвующего в споре, но не являющегося участником Вашингтонской конвенции, государства, чей гражданин или юридическое лицо,

участвующее в споре, не обладает национальностью договаривающегося государства. Дополнительные правила были приняты в 1978 г., в настоящее время действуют дополнительные правила, принятые в 2006 г. [11, с. 177; 24, с. 136].

Как свидетельствует практика, МЦУИС рассматривает самые разные правовые международные споры: споры, связанные с экспроприацией, с несоблюдением обязательств по контрактам, а также с правовыми режимами, представляемыми иностранному инвестору государством-реципиентом капитала. В последнее время участились споры о так называемой ползучей экспроприации. К ней относятся такие действия государства, при которых за частными инвесторами остается титул собственника, но он частично лишается права пользования своей собственностью либо утрачивает часть прибыли от своей собственности [14, с. 110].

В системе международно-арбитражной практики важную роль играет также арбитраж *ad hoc*, который проводится в соответствии с Арбитражным регламентом и правилами о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров, разработанными в рамках Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и закреплёнными в Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 16 декабря 2013 г. (в редакции 2010 г. с новым пунктом 4 статьи 1) [25].

Помимо этого, как упоминалось выше, стороны инвестиционных споров обращаются и в другие арбитражные институты, такие как Международный арбитражный суд Международной торговой палаты в Париже или Арбитражный институт торговой палаты Стокгольма и др. Как отмечают специалисты, подобная диспозитивность, выражающаяся в свободе выбора способа рассмотрения инвестиционного спора, является определенным преимуществом для инвестора.

В Российской Федерации гарантии защиты иностранных инвестиций, а также возможность рассмотрения инвестиционного спора в коммерческом арбитраже закреплены

в нормативно-правовых актах РФ, в Федеральном законе от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ», а также в международных соглашениях и договорах о поощрении и взаимной защите инвестиций. Сторонами в соглашении предусматривается возможность передачи инвестиционного спора в определённый институционный арбитраж.

Одним из признанных в международном сообществе органов по разрешению международных споров в сфере торговых и инвестиционных отношений является Международный коммерческий арбитражный суд (МКАС) при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

Международный коммерческий арбитражный суд при ТПП РФ, как закреплено в Положении об организационных основах его деятельности (приложение к приказу ТПП РФ № 6 от 11 января 2017 г.) [26], является самостоятельным постоянно действующим арбитражным учреждением, осуществляющим свою деятельность в соответствии с Законом Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» и Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Закон Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже», являющийся базовым актом, регулирующим разрешение внешнеторговых споров в российских третейских судах, действует уже более 20 лет, оставаясь при этом в практически первозданном виде, более того, он был создан на основе Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. и лишь незначительно отличается от него, что обеспечивает единообразие не только законодательства, но и подходов к его толкованию.

Как показывает практика, МКАС является востребованным арбитражным институтом с максимальным охватом различных категорий бизнеса. Так, за последние 5 лет наблюдается существенный рост количества разрешенных в МКАС споров: с 158 в 2008 г. до 274 в 2013 г., при этом наибольшее количество дел было рассмотрено в 2011 г. – 299. Специалисты подчеркивают, что действующее законодательство РФ о

международном коммерческом арбитраже отличается высокой степенью стабильности, разработанности и понятно не только отечественным, но и зарубежным предпринимателям [26, с. 368, 370].

Выводы. Резюмируя изложенное выше, можно заключить, что в целях создания в Донецкой Народной Республике действенного перспективного законодательства в сфере инвестиционной деятельности представляется важным:

1. подготовить проекты Законов ДНР «О международных договорах Донецкой Народной Республики» и «О международном коммерческом арбитраже», как базовых законодательных актов, регулирующих разрешение на конструктивной основе инвестиционных споров в сфере инвестиционных правоотношений;

2. разработать по опыту Российской Федерации проект Типового соглашения между Правительством Донецкой Народной Республики и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите инвестиций (капиталовложений), а также Регламент заключения международных договоров и соглашений ДНР, определяющий общие подходы к их оформлению, сферу применения договоров, условия допуска инвестиций и деятельности иностранных инвесторов на территории Республики, положения о защите инвестиций инвесторов и разрешении инвестиционных споров. И хотя постановлением Правительства Российской Федерации № 992 порядок заключения двусторонних международных договоров на основе Типового соглашения был отменен, для условий Донецкой Народной Республики, где создание инвестиционного законодательства находится пока что на начальной стадии своего развития, и при этом достаточно остро ощущается дефицит высококвалифицированных кадров юристов, разработка и применение в практике международного инвестиционного сотрудничества в Республике типовой формы заключения двусторонних договоров о поощрении и защите инвестиций представляется на данном этапе вполне целесообразным;

3. закрепить соответствующими правовыми нормами в Законе ДНР «Об инвестиционной деятельности», а в

перспективе – в Кодексе ДНР «Об инвестиционной деятельности» возможность передачи инвестиционных споров не только в государственные арбитражные суды Республики, но и в международные специализированные институционные арбитражи – МЦУИС, Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и др.

Список использованных источников

1. Бородкин С.В. Законодательство об иностранных инвестициях и практика разрешения инвестиционных споров / С.В. Бородкин // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 142-150.

2. Вознесенская Н.Н. Международно-правовой механизм защиты иностранных инвестиций / Н.Н. Вознесенская // Закон. – 2011. – № 5. – С. 90-97.

3. Доронина Н.Г. Многосторонние международные конвенции в области защиты иностранных инвестиций и российское законодательство / Н.Г. Доронина, Н.Г. Семилютина // Государство и право. – 1992. – № 10 – С. 87-95.

4. Доронина Н.Г. Инвестиционное законодательство и модернизация экономики / Н.Г. Доронина // Журнал российского права. – 2011. – № 1. – С.46-54.

5. Доронина Н.Г. Значение двусторонних соглашений о защите капиталовложений и перспективы их совершенствования / Н.Г. Доронина, Н.Г. Семилютина // Журнал российского права. – 2017. – № 9. – С. 119-129.

6. Данельян А.А. Международный инвестиционный арбитраж: учебное пособие / А.А. Данельян, И.З. Фархутдинов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 356 с.

7. Данельян А.А. Арбитраж МЦУИС в системе международного инвестиционного права / А.А. Данельян // Международный правовой курьер. – 2014 (май). – С. 33-38.

8. Замятина Е.В. Правовые средства защиты прав иностранных инвесторов в Российской Федерации (история, теория, практика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Замятина Елена Викторовна. – Санкт-Петербург, 2011. – 27 с.

9. Казаченок С.Ю. Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате

Российской Федерации как средство рассмотрения международных споров из торговых и инвестиционных отношений / С.Ю. Казаченок // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 2. – С. 368-373.

10. Семилютина Н.Г. Международные соглашения в области защиты капиталовложений и противодействие коррупции / Н.Г. Семилютина, Н.Г. Доронина // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 132-141.

11. Оганезова С.Р. Особенности юрисдикции МЦУИС по урегулированию инвестиционных споров / С.Р. Оганезова // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 1. – С. 171-179.

12. Фархутдинов И.З. Россия и Китай: взаимные инвестиции (опыт правового регулирования для евразийской интеграции) / И.З. Фархутдинов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/rossiya-i-kitaj-vzaimnye-investitsii-opyt-pravovogo-regulirovaniya-dlya-evrazijskoj-integratsii>. – (Дата обращения: 11.02.2020).

13. Лисица В.Н. Гражданско-правовой механизм регулирования инвестиционных отношений, осложненных иностранным элементом: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Лисица Валерий Николаевич. – Новосибирск, 2013. – 417 с.

14. Цирина М.А. Правовая природа международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) / М.А. Цирина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 4. – С. 106-113.

15. О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций: Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2016 г. № 992 // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 октября 2016 г. – № 41. – Ст. 5836.

16. Тажибаева В.Т. Отдельные вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности в Кыргызской Республике / В.Т. Тажибаева // Вестник КРСУ. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 129-132.

17. Паращенко В.В. Правовой режим иностранных инвестиций в Республике Беларусь / В.В. Паращенко // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 4. – С. 72-78.

18. Доронина Н.Г. Инвестиционный климат: вопросы правового регулирования / Н.Г. Доронина // Журнал российского права. – 2012. – № 1. – С. 40-46.

19. Доронина Н.Г. Регулирование инвестиций как форма защиты экономических интересов государства / Н.Г. Доронина, Н.Г. Семилютина // Журнал российского права. – 2005. – № 5. – С. 66-78.

20. Мосей Г. Процессы глобализации и регионализации в мировой экономике / Г. Мосей // Экономист. – 2002. – № 9. – С. 24-28.

21. Белоглавок А.И. Защита инвестиций, право Европейского Союза и международное право / А.И. Белоглавок. – К.: Таксон, 2010. – 360 с.

22. Вивчарик И. Основные аспекты инновационного арбитража [Электронный ресурс] / И. Вивчарик // Юрист & Закон. – 2019. – № 31. – Режим доступа: https://www.asterslaw.com/ru/press_center/publications/investment_arbitration/.

23. Вашингтонская конвенция 1965 г. // Международное публичное право: сб. док. Т. 1. – М.: БЕК, 1996 г.

24. Никитина А.А. МЦУИС – линия защиты международных инвесторов / А.А. Никитина, В.Э. Журавлева, В.Л. Батулин // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 6. – С. 135-137.

25. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (с новым п. 4 ст. 1, принятым в 2013 г.). Правила ЮНСИТРАЛ о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров. – Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 2014 г.

26. Положение об организационных основах деятельности Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. – Приложение 1 к приказу ТПП РФ № 6 от 11 января 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/polozhenie-ob-organizatsionnykh-osnovakh-deyatelnosti-mezhdunarodnogo-kommercheskogo-arbitrazhnogo-suda/>.

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

АБАШИНА Я.В.,

преподаватель кафедры
административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;

ВИДЕНИНА И.Д.,

студентка группы ЮР-18-1
факультета юриспруденции и
социальных технологий
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

Статья посвящена одной из актуальных проблем муниципального права: вопросам определения компетенции органов, реализующих функции местного самоуправления в современных условиях, и проблемам оптимального соотношения государственной власти и местного самоуправления в Донецкой Народной Республике. Прежде всего важным является исследование институтов публичной власти и эффективных механизмов взаимодействия и сотрудничества с органами, осуществляющими местное самоуправление.

Ключевые слова: публичная власть, местное самоуправление, органы государственной власти, компетенция, полномочия, механизм местного самоуправления.

The article is devoted to one of actual problems of constitutional and municipal law: the definition of the competence of bodies of local self-government in modern conditions and problems of the optimal ratio of state and local governments in Donetsk people's Republic. First of all, it is important to study the institutions of public power and effective mechanisms of interaction and cooperation with local governments.

Keywords: public authority, local self-government, public authorities, competence, powers, local self-government mechanism.

Постановка задачи. Процесс построения эффективной модели местного самоуправления должен опираться на чёткую научную базу, научные разработки и нормативное закрепление, на отечественный и зарубежный опыт муниципального

строительства, а поэтому требует решения ряда фундаментальных проблем муниципального законодательства.

Особого внимания заслуживает вопрос определения компетенции местного самоуправления. К сожалению, этой проблеме в последнее время уделялось недостаточно внимания, в частности, в вопросах, касающихся использования новых тенденций развития местного самоуправления. Учитывая высокую динамику процессов конституционного развития в Донецкой Народной Республике, недостаточный анализ обозначенных вопросов становится преградой для решения многих производных проблем, обусловленных реалиями современности всей системы муниципального права.

Анализ актуальных исследований. Исследованию вопросов, касающихся пределов компетенции органов местного самоуправления, были посвящены работы А.И. Черкасова, Т.Е. Бейдина, Ю.А. Бокова, А.М. Онуприенко и др.

Целью статьи выступает рассмотрение зарубежного опыта правового регулирования компетенции органов местного самоуправления.

Актуальность темы проявляется в том, что процесс построения эффективной модели местного самоуправления должен опираться на чёткую научную базу, научные разработки и нормативное закрепление, на отечественный и зарубежный опыт муниципального строительства, а поэтому требует решения ряда фундаментальных проблем муниципального законодательства.

Изложение основного материала. Существование местного самоуправления признано на международном уровне как одно из условий отнесения государства к демократическим странам. Развитие местного самоуправления предусматривает децентрализацию власти, расширение возможностей для участия граждан в управлении делами государства и общества, реализацию права территориальной общины самостоятельно решать вопросы местного значения. Местное самоуправление создаёт возможность реализации непосредственных потребностей жителей населённых пунктов, согласования общегосударственных и местных интересов, что является неотъемлемой чертой системы современного демократического правления.

Актуальной проблемой на сегодняшний день является вопрос оптимизации моделей принятия решений органами местного самоуправления, улучшения системы и структуры этих органов, разграничения их полномочий между собой и органами государственной власти на местах. Но определяющим должно быть решение проблемы о месте и роли органов местного самоуправления в общей системе публичной власти. Дело осложняется тем, что на сегодняшний день пока отсутствуют единые международные стандарты в этой сфере. Каждая страна по-своему решает вопрос о соотношении местного самоуправления и местного управления: являются ли органы местного самоуправления глубинным слоем государственной власти или они являются отделёнными от государства, но взаимодействующими с ней.

В зарубежных государствах органы местного самоуправления выполняют различные функции и реализуют широкий круг полномочий. Несмотря на государственное вмешательство в деятельность органов местного самоуправления, сфера их полномочий постоянно растёт, что отражает объективный процесс усложнения запросов населения, обусловленных потребностями развития его материального положения и духовного мира.

При этом вопрос правового регулирования компетенции органов местного самоуправления решается по-разному. В зарубежных государствах существуют два главных способа определения правосубъектности органов и должностных лиц местного самоуправления: «позитивный» и «негативный» [4].

Первый предусматривает установление в законодательстве детального перечня предметов ведения и полномочий этих органов. Такой способ используется в англосаксонских странах. Согласно этому принципу считается, что органы местного самоуправления вправе совершать только те действия, которые непосредственно предусмотрены законом. Любые действия, совершенные местными властями с нарушением этого принципа, признаются недействительными. В случае, если орган местного самоуправления считает, что ему необходимы дополнительные полномочия, прямо не закрепленные в законе, он должен специально добиваться их предоставления. Так, в Великобритании он должен обратиться к парламенту с

предложением о принятии отдельного закона относительно конкретного муниципалитета, или к секретарю соответствующего министерства с ходатайством об издании указа, который затем подлежит утверждению парламентом.

Второй, «негативный» способ определения функций и полномочий органов местного самоуправления заключается в том, что за ними сохраняется право действовать во всех случаях, за исключением прямо запрещённых законом. Сегодня такой способ используется в большинстве европейских государств. Так, например, в Норвегии, Дании, Швеции муниципалитеты могут осуществлять любые полномочия, не отнесённые законом к полномочиям других органов и институтов, если иное не предусмотрено законом.

На примере Албании каждый орган местного самоуправления имеет право реализации инициативы в интересах местной общины по любому вопросу, если это не запрещено законом, или не отнесены законодательством к сфере исключительной компетенции другого органа. В Италии общины имеют общие полномочия по всем делам местного значения, которые не относятся к компетенции органа власти высшего уровня. В Армении органы местного самоуправления имеют право на осуществление любой деятельности, затрагивающей местные интересы, если иное не предусмотрено законом [5].

Исходя из этого, можно утверждать, что способ определения функций и полномочий органов местного самоуправления мало значит для их закрепления и в то же время является существенным для механизма их осуществления. Определение функций и полномочий органов местного самоуправления, как правило, является сферой свободного усмотрения (дискреционных полномочий). Однако не стоит забывать о том, что ограничения дискреционных полномочий направлены прежде всего не на ограничение автономии этих органов, а на недопущение произвола. Считается, что такие ограничения призваны, в частности, обеспечивать пропорциональность конкретных обстоятельств по принятию правовых решений, а это, в свою очередь, должно способствовать достижению эффективности и экономичности

при осуществлении управления и регулирования значительной доли общественных дел.

Автономия местного самоуправления заключается в первую очередь в наличии исключительных и полных собственных полномочий, которые обеспечены соответствующими финансовыми и другими ресурсами. В то же время административные структуры органов местного самоуправления и их близость к местным условиям могут способствовать выполнению ими определённых функций, основная ответственность за которые принадлежит высшим уровням управления [6]. При этом важно, чтобы практика подобного делегирования не распространялась чрезмерным образом на сферу собственных полномочий местного уровня, и чтобы последний, когда это возможно, имел право принимать во внимание местные обстоятельства при осуществлении делегированных полномочий.

Делегирование полномочий органов государственной исполнительной власти органам местного самоуправления хорошо известно мировой практике. Так, в п. 5 Всемирной декларации местного самоуправления речь идет о возможности центральных или региональных структур передавать полномочия органам местного самоуправления [2]. Пункт 1 ст. 4 Европейской хартии местного самоуправления гласит: «Основные полномочия и функции органов местного самоуправления определяются конституцией или законом. Однако это положение не препятствует наделению органов местного самоуправления полномочиями и функциями для специальных целей в соответствии с законом» [3]. Пункт 5 ст. 4 также предусматривает, что при делегировании полномочий центральными или региональными органами местные органы самоуправления должны, насколько это возможно, иметь свободу в принятии решений по вопросам местного значения [3].

Европейская практика свидетельствует о существовании так называемых обязательных и добровольных, а также делегированных полномочий органов местного самоуправления. Однако при рассмотрении данного вопроса стоит брать во внимание не только особенности взаимоотношений и распределения полномочий между различными уровнями власти в федеративных и унитарных государствах, но и определённые

терминологические разногласия как в отношении терминов «компетенция», «полномочия» и «предметы ведения», так и относительно сроков «предоставления», «передачи» и «делегирования» полномочий [6].

Несмотря на это, можно утверждать, что институт делегирования присущ всем европейским государствам. Вместе с тем нормативное закрепление вопросов относительно круга субъектов делегирования, актов делегирования полномочий, свободного волеизъявления субъектов делегирования полномочий, объёма, сроков и территории действия делегированных полномочий, а также ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение делегированных полномочий различается.

Так, например, Конституцией Австрии устанавливается, что обществу могут быть переданы (делегированы) полномочия федерации или земель, при этом нет указания относительно финансового обеспечения таких полномочий или о возможности их приспособления к местным условиям. Конституция Армении устанавливает, что с целью наиболее эффективного выполнения полномочий органов государственной власти эти полномочия могут быть делегированы органам местного самоуправления, а также предусматривает их обязательное финансирование из государственного бюджета.

Детальная регламентация вопросов, связанных с делегированием полномочий органам местного самоуправления центральными или региональными органами власти, обычно происходит на уровне специального закона или устава. Субъектами, делегирующими конкретные полномочия, могут быть как органы исполнительной, так и законодательной власти (например, в Австрии, ФРГ, Великобритании, Испании). Такое делегирование может происходить на основе договора или устанавливаться актом парламента. Контроль за осуществлением таких полномочий возлагается на орган, который делегировал соответствующие полномочия. Меры ответственности могут быть различными, начиная от отстранения от должности и заканчивая роспуском соответствующего представительного органа.

Делегирование полномочий органам местного самоуправления в европейских странах, как правило,

предусматривает согласие такого органа, при этом перечень делегированных полномочий по отношению к органу или должностному лицу (в соответствующих сферах) может заранее устанавливаться законом, регулирующим порядок организации и функционирования местного самоуправления [7].

В системе местного самоуправления Польши все большее значение приобретает такая правовая форма, которая называется «согласие» (договоренность). Значение этой формы деятельности вытекает из её эластичности и того факта, что в децентрализованных кругах отсутствуют отношения организационной зависимости. Так, в Законе Республики Польша «О местном самоуправлении» говорится о том, что обязанность выполнения делегированных задач, относящихся к компетенции правительственной администрации, может быть возложена на административную единицу (гмину) законом, предусматривает возможность гмины выполнять такие задачи на основании взаимопонимания с органами этой администрации [4].

Подытоживая вышесказанное, можно утверждать, что институт делегирования, несмотря на общеевропейскую политику децентрализации и субсидиарности, и до сих пор является востребованным. В то же время положительным аспектом является попытка демократических стран дать возможность органам местного самоуправления, даже при выполнении делегированных полномочий, приспособлять свою деятельность к местным условиям.

Выводы. Анализируя проблемы местного самоуправления, можно прийти к выводу, что оно является целостной системой демократических институтов и только в таком виде позволяет самостоятельно, под собственную ответственность активно осуществлять самоуправление в пределах Конституции и законов ДНР, решать вопросы местного значения. Оно создаёт необходимые условия для приближения власти к населению, создания гибкой системы территориального управления, приспособленной к местным условиям и особенностям.

В то же время такой подход к местному самоуправлению требует его справедливого обеспечения, в частности, материального, правового и организационного, благодаря чему местное самоуправление как форма осуществления власти

народом сможет получить реальную возможность решать вопросы местного значения.

Местное самоуправление должно осуществляться на принципах децентрализации управления, субсидиарности, партнерства органов государственной власти и органов местного самоуправления, правовой, организационной и финансовой самостоятельности.

Органы местного самоуправления должны быть заинтересованы в осуществлении эффективной политики и развитии территориальных единиц. Следует способствовать правотворческой инициативе общественности, так как это источник и ресурс правового утверждения местного самоуправления, необходимо обеспечить осуществление общественного просвещения населения относительно законодательства в сфере общественно-политических отношений. Привлечение граждан к делам на местном уровне означает перераспределение полномочий власти от центра до территориальных общин, что и является залогом суверенитета граждан, а, следовательно, и государства в целом.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: офиц. текст (принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 г.). – Режим доступа: <https://dnronline.su/download/konstitutsiya-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

2. Всемирная декларация о местном самоуправлении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.uef.ru/vsemirnaja-deklaracija-mestnogo-samoupravlenija-tekst/>.

3. Европейская хартия местного самоуправления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901042>.

4. Онуприенко А.М. Становление законодательства о местном самоуправлении: традиционные модели и национальный опыт / А.М. Онуприенко. – Х.: Право, 2015. – 96 с.

5. Боков Ю.А. Конституционные гарантии местного самоуправления / Ю.А. Боков, А.В. Фетисова. – Новосибирск: СибАК, 2017. – 59 с.

6. Бейдина Т.Е. Делегирование государственных полномочий органам местного самоуправления как теоретическая и практическая политическая проблема / Т.Е. Бейдина. – М.: Право, 2018. – 150 с.

7. Черкасов А.И. Местное самоуправление в США: организация и тенденции развития: монография / А.И. Черкасов. – М.: Норма, 2018. – 479 с.

УДК 343.6:615.065

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ВИТВИЦКАЯ В.В.,

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры
административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;

КУРАКСИНА А.А.,

студентка 4-го курса, гр.18-1,
факультета юриспруденции
и социальных технологий
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

Данная статья посвящена рассмотрению основных характеристик ятрогении и тенденций развития уголовного законодательства в сфере ятрогенных преступлений. В тексте данного исследования рассмотрена статистика медицинских преступлений и предложены конкретные способы регламентации деятельности врачей, которые бы обеспечили качество медицинских услуг и не ущемляли права врачей.

Ключевые слова: медицинский, врач, преступление, врачебная ошибка, пациент, здоровье, ятрогенный, смерть, субъект, вред, деяние, здравоохранение.

This article examines the main characteristics of iatrogenic and trends of the development in criminal legislation in the field of iatrogenic crimes. The text of this study will also examine

statistics of medical crimes and suggest specific ways to regulate the activities of doctors, which would ensure the quality of medical services and would not infringe on the rights of doctors.

Keywords: *medical, doctor, crime, medical error, patient, health, iatrogenic, death, subject, harm, act, health care.*

Постановка задачи. С введением в научный оборот термина «ятрогенные преступления» возникла проблема по нормативно-правовому регулированию данного вопроса. Задачей представленного исследования является рассмотрение ятрогении в целом как явления и определение проблемных вопросов по уголовно-правовому регулированию ответственности за данный вид профессиональных преступлений.

Анализ последних исследований и публикаций. В ходе исследования были изучены труды учёных, сертифицированных врачей и юристов: Ю. Чернышевой, П. Габай, А. Люльковича и И. Печерея. Основу исследования составили нормативные акты, регулирующие сферу здравоохранения в Донецкой Народной Республике и Российской Федерации.

Актуальность выбранной темы обусловлена стабильными темпами распространения ятрогенных преступлений, которые посягают на права и законные интересы медицинских пациентов.

В настоящее время на преступления, совершаемые медицинскими работниками, распространяются нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность для общего субъекта, не беря во внимание специфику медицинской профессии.

В связи с практическим отсутствием регламентации норм в данной сфере, недостаточной гарантией защиты прав и законных интересов пациентов нормами, регулирующими здравоохранение в целом, граждане нуждаются в большей защите средствами уголовного закона. В связи с чем возникает потребность в введении в уголовное законодательство норм со специальным субъектом – медицинским работником. По данному вопросу существует множество мнений, основные из которых будут рассмотрены в данном исследовании.

Изложение основного материала исследования. Термин «ятрогения» не включает в себя понятие преступления, совершенное врачом.

В узком понимании, ятрогения – это отрицательная реакция больного на действия врача. Более широкая версия трактовки ятрогении подразумевает какую-либо ошибку врача, повлекшую отрицательные последствия для его пациента. К таким последствиям можно отнести расстройство психики, сбой деятельности организма в целом или его отдельных частей, инвалидность и даже смерть пациента.

Ятрогения возникает по причине неквалифицированных, неправильных слов или действий со стороны медработников [1].

Уголовное законодательство Донецкой Народной Республики не предусматривает ответственность за неверно данные медицинские рекомендации по лечению или постановку неточного диагноза врачом, которые приносят эмоциональный вред пациенту.

С одной стороны, эту правовую позицию возможно принять как приемлемую. Законодатель берет во внимание человеческий фактор и применяет его как по отношению к врачу, так и по отношению к пациенту.

Принимается за основу, что врач такой же человек, как и другие и если его ошибка не породила никаких физически явных проблем у пациента, то действия медицинского работника преступными считать не стоит.

Следует учитывать также различную степень ранимости пациентов. Безусловно, врач не может нести ответственность за то, что поставил пациенту «плохой» диагноз, чем навредил психике больного.

С другой стороны, многие исследователи прямо указывают на тот факт, что профессия врача требует наличия глубоких познаний в сфере медицины и невозможно даже допустить мысли о какой-либо врачебной ошибке, вследствие которой пациенту будет причинён какой-либо вред его здоровью.

Эти два мнения, несмотря на свою противоречивость, имеют право на существование. В связи с чем законодателю достаточно сложно сформулировать такие нормы, которые бы одновременно урегулировали ответственность за медицинские

преступления и не ограничивали права медицинских работников неправомерным и несправедливым осуждением.

Уголовное законодательство Донецкой Народной Республики по аналогии с РФ не рассматривает понятия врачебной ошибки, в результате которой причинён вред здоровью пациента или наступила его смерть. В связи с этим преступные деяния медицинских работников на практике квалифицируются, как правило, по статьям:

- Причинение смерти по неосторожности (ст. 110 УК ДНР);
- Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 119 УК ДНР);
- Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 277 УК ДНР);
- Халатность (ст. 348 УК ДНР) [2].

Казалось бы, вот она та самая регламентация сферы здравоохранения, о которой говорят многие учёные. Ведь, несмотря на общую направленность норм, недобросовестные медицинские работники получают заслуженное наказание.

Однако из такого достаточно широкого круга субъектов данных преступлений вытекает несколько проблем.

Во-первых, как уже говорилось, ни одна из этих статей не учитывает особенности профессиональной медицинской деятельности.

Во-вторых, судебная практика по делам о врачебных преступлениях не имеет единообразия применения уголовно-правовых норм. В-третьих, следствию нередко тяжело правильно классифицировать тот или иной случай некачественного оказания медицинской помощи, чтобы это соответствовало как совершенному деянию, так и его последствиям [3].

Необходимость создания специальных норм, регламентирующих область медицинских преступлений, подкрепляется также статистикой преступлений, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи. По официальным данным Следственного комитета Российской Федерации в 2015 году потерпевшими от ятрогенных преступлений признаны 888 человек. Из них вследствие

врачебных ошибок и ненадлежащего оказания медицинской помощи погибло 712 человек, в том числе 317 детей. В 2016 году из 352 человек, погибших вследствие врачебных ошибок и ненадлежащего оказания медицинской помощи, – 142 ребенка.

В первом полугодии 2016 года в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации поступило 2 516 сообщений о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи, по результатам их рассмотрения возбуждено всего 419 уголовных дел [4].

Говоря о расследовании преступлений, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи, председатель Следственного комитета России обратил внимание на существующие в ряде регионов проблемы, когда следователи выносили необоснованные процессуальные решения либо просто бездействовали. Возможно, что рассмотренные проблемы следственных органов связаны с отсутствием специальных норм уголовного законодательства, которые им следовало бы применять.

Существует следующая ситуация, когда имеют место общественно опасные деяния и их последствия, а правовая норма, согласно которой эти деяния можно назвать преступными, отсутствует.

В связи с этим имеет место пробел или противоречие (коллизия) в уголовном законодательстве большинства постсоветских государств.

Для подробного рассмотрения ятрогенных преступлений как уголовно-правовой категории необходимо выделить некоторые признаки, которыми характеризуется данная группа посягательств. К таким признакам относятся:

1. Специальный субъект деяния – медицинский работник. Исходя из положений Закона ДНР «О здравоохранении», медицинский работник – это физическое лицо, которое:

- имеет медицинское образование;
- работает в учреждении здравоохранения;
- в трудовые (должностные) обязанности его входит осуществление медицинской деятельности [5].

2. Деяние специального субъекта должно быть связано с его профессиональной деятельностью как медицинского

работника. Согласно положениям вышеуказанного закона, медицинская деятельность представляет собой:

- профессиональную деятельность по организации и (или) оказанию медицинской помощи;
- профессиональную деятельность по проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий;
- профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) её компонентов в медицинских целях, деятельностью банков пуповинной крови, иных тканей и клеток человека [5].

3. Обязательным условием при доказывании вины врача в совершении ятрогенного преступления является наличие нарушения правил и стандартов оказания медицинской помощи.

Данное условие вводится исходя из понимания, что бывают случаи, когда врач сделал всё возможное для здоровья пациента, но произошла неправильная реакция организма или медицинская помощь поступила слишком поздно. В таких ситуациях не всё зависит от врача. Кроме таких ситуаций, существует большое количество неблагоприятных тенденций, существующих в медицинской сфере, которые могут напрямую способствовать некачественной работе врачей.

По мнению советника президента МОО «Лига защиты врачей» О. Демичевой, врачам созданы все условия для некачественной работы: крайне мало времени на приём больного, растущий вал электронной и бумажной документации, низкие оклады, вынуждающие врачей работать на 1,5-2 ставки, хронически переутомляясь на работе [6].

По данным Росздравнадзора основными проблемами при исполнении медицинскими организациями порядка осуществления медицинской деятельности стали:

- нарушение стандартов оснащения (недостаточность технологического оборудования для оказания медицинской помощи);
- несоблюдение штатных нормативов (недостаточность медицинского персонала);

- нарушение требований к организации деятельности (может быть обусловлена недостаточностью знаний медицинского персонала, а значит, исходит от некачественного образования) [7].

Исходя из этого, можно сказать, что реформу в сфере здравоохранения необходимо начинать не с установления уголовной ответственности врачей, а с улучшения условий работы медицинских работников.

4. Причинение смерти либо вреда здоровью пациента, либо создание угрозы наступления таких последствий.

Еще одной проблемой ятрогении с точки зрения уголовной регламентации является отсутствие однозначного понятийного аппарата, используемого судом, следствием, экспертами, врачами, адвокатами, юристами и СМИ. Российская Федерация уже начала предпринимать меры для решения данной проблемы, решив создать рабочую группу по ятрогенным преступлениям.

Также в Российской Федерации начали разработку тех самых статей, которые бы заполнили выявленные пробелы в законодательстве. Однако предложенные изменения не могут в достаточной мере решить какие-либо проблемы, противоречия из-за использования расширительного толкования положений правовых норм.

Данный факт комментируется президентом Национальной медицинской палаты Леонидом Рощалем так: «Положения данных статей не направлены на ужесточение наказаний медицинских работников. Мы твердо стоим на декриминализации врачебной деятельности» [8].

Однако является странным, что при направлении на декриминализацию врачебной деятельности одновременно вводятся дополнительные меры ответственности врачей. Так, статья 124-1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за ненадлежащее оказание медицинской помощи или услуги, если это повлекло за собой смерть человека или двух и более лиц либо гибель плода человека и/или причинение тяжкого вреда здоровью человека.

Многих медиков возмутило подобное выделение медицинского персонала из числа других гражданских профессий. Медицинский юрист И. Печерей заявил: «Получается, что каждый врач, выходя на работу каждый день, осуществляя свои профессиональные обязанности, фактически

оказывается потенциальным преступником, а его профессиональная деятельность рассматривается как сфера преступления» [9].

У врачебного сообщества остаются вопросы о том, какие именно нарушения профессиональных обязанностей врача будут толковаться как причина причинения тяжкого вреда здоровью или смерти пациенту.

Еще одной причиной споров являются разногласия насчет необходимости введения понятия «плода» в уголовный закон. Многие медики считают, что не стоит делать плод предметом уголовно-правовых отношений, так как тогда возникает вопрос о законности проведения абортов.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, можно сделать вывод, что ятрогенные преступления являются правовым феноменом, требующим особой регламентации. Законодатель Российской Федерации сделал существенный шаг в данном направлении, но врачебное сообщество встречает предложенные изменения враждебно, основывая свои доводы на дискриминации по признаку профессии.

По мнению многих авторов в связи с создавшейся ситуацией имеется необходимость ввести в уголовное законодательство термин «врачебная ошибка» с четким разъяснением, что можно считать врачебной ошибкой, в каких случаях она подсудна, а в каких – нет.

Видится целесообразным введение достаточно четкого понятийного аппарата с целью избежать проблем с квалификацией деяния.

Решение указанных проблем позволит следователям и суду правильно оценить результат преступных деяний медицинских работников и обеспечить надлежащую защиту конституционных прав граждан на получение квалифицированной медицинской помощи.

Грамотная правовая регламентация в области медицины будет способствовать повышению качества медицинской помощи и улучшению здоровья населения, а также защите прав самих медицинских работников.

Список использованных источников

1. Романенко В.А. Ятрогения: 2018 / В.А. Романенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yellmed.ru/bolezni/yatrogeniya>.

2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 г.: Постановление Верховного Совета ДНР № ВС 28-1 от 19.08.2014. – Донецк: ООО «Компания Мегаинвест», 2018.

3. Чернышева Ю.А. Возбуждение уголовных дел о ятрогенных преступлениях / Ю.А. Чернышева // Закон и право: сб. статей. – Елец, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozbuzhdenie-ugolovnyh-del-o-yatrogennyh-prestupleniyah/viewer>.

4. В СК России состоялась коллегия по вопросам расследования преступлений, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sledcom.ru/news/item/1069831/?print=1>.

5. О здравоохранении: Закон Донецкой Народной Республики № 42-ИНС от 24.04.2015, действующая редакция по состоянию на 24.04.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zdravohranenii/>.

6. Демичева О. Право на ошибку / О. Демичева, С. Галперин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ligadoctor.ru/?p=464>.

7. Об итогах работы Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения, территориальных органов Росздравнадзора по субъектам Российской Федерации и Федеральных государственных бюджетных учреждений Росздравнадзора в 2015 году, планах на 2016 год и плановый период: итоговая коллегия Росздравнадзора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gmpnews.ru/wp-content/uploads/2016/04/roszdravnadzor-2015-2016.pdf>.

8. Габай П. Ятрогенные преступления, или о юридических аспектах медицинских дел / П. Габай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/yatrogennyye-prestupleniya-ili-o-yuridicheskikh-aspektah-meditsinskih-del/>.

9. Печерей И.О спецподразделениях по расследованию ятрогенных преступлений / И.О. Печерей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-spetspodrazdeleniyakh-po-rassledovaniyu-yatrogennykh-prestupleniy/>.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ДОКАЗЫВАНИЯ ВРЕДА В ДЕЛАХ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

ДЕРБИШЕВА О.А.,
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОО ВПО «ДАВД МВД ДНР»

В данной статье рассматривается процессуальный порядок доказывания вреда по делам о компенсации морального вреда. Компенсация морального вреда рассматривается как способ защиты личных неимущественных прав и принадлежащих гражданину других материальных благ.

Исследуется вопрос о пределах доказывания в данной категории дел. Формируется вывод о том, что судебные решения по таким делам носят субъективный характер, размер компенсации не имеет четких регламентирующих норм, основания возникновения обязательств по компенсации морального вреда имеют весьма размытые границы.

Ключевые слова: моральный вред, возмещение морального вреда, предмет доказывания, судебное доказывание, иск о компенсации морального вреда.

This article discusses the procedural procedure for proving harm in cases of compensation for moral harm. Compensation for moral damage is considered as a way to protect personal non-property rights and other material benefits belonging to a citizen. The question is investigated about the limits of proof in this category of cases. A conclusion is being formed that judicial decisions in such cases are subjective, the amount of compensation does not have clear regulatory norms, the grounds for the emergence of obligations to compensate for moral damage have very blurred boundaries.

Keywords: non-pecuniary damage, compensation for non-pecuniary damage, subject of proof, judicial proof, claim for compensation for non-pecuniary damage.

Постановка задачи. Моральный вред – одна из важнейших категорий гражданского права. Однако установление причиненного ущерба с аспекта разбирательства дела в суде является сложной, неоднозначной

многочисленностью действий, имеющей множество разночтений.

Анализ последних исследований и публикаций. Аналогичную проблематику в своих работах исследовали учёные-процессуалисты и современные авторы: Клейман А.Ф., Юдельсон К.С., Воробьев А.В., Решетникова И.В, Степанов М.А., Толстиков Н. и другие.

Цель данной статьи содержится в изыскании процессуальных особенностей установления морального вреда в делах о выплате морального вреда, а также во внесении предложений по усовершенствованию существующего законодательства Донецкой Народной Республики (далее ДНР) в действующей отрасли.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью унификации (в определённой степени) процессуальных особенностей и более чёткому, внятному и логически обоснованному процессуальному порядку доказывания морального вреда в делах о его компенсации.

Изложение основного материала исследования. Право на возмещение морального вреда является, безусловно, неотъемлемой частью правового статуса гражданина. Статья 3 Конституции Донецкой Народной Республики гласит, что гражданин, его волеизъявление и свободомыслие являются выражением ценности [3].

Это свидетельствует о развитии правовых институтов демократического законного государства. «Моральный вред» – один из видов вреда, который может быть причинён гражданину, то есть нравственные или физиологические стеснения, вызванные различными противоправными действиями причинителя вреда.

Возмещение морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав. Этот метод защиты заключается в возложении на правонарушителя обязанности выплатить потерпевшему денежную компенсацию за физические или моральные страдания, которые он испытывает в связи с нарушением его прав.

В следствии этого в современной отечественной законодательной практике достаточно частым явлением стало предоставление исков о репарации морального урона или

включение таких требований в иски, связанные с нарушением иных прав граждан [5, с. 94].

Однако эти требования часто предъявляются с неполным представлением характера и размера причинённого морального вреда и без положенного подтвержденного размера компенсации морального вреда, изреченного истцом.

Это приводит к практике преуменьшения или увеличения суммы компенсации, определенной судом. Причиной этого является не порочность судебной практики, а неточное или совершенно неверное понимание сторонами оснований исковых требований о возмещении морального вреда, а также слабое представление о том, какие средства доказывания, с какой целью и насколько эффективно они могут быть использованы в судебном процессе [1, с. 86].

Судебное доказывание анализируется нами как способ защиты прав не только истца, но и ответчика. Следовательно, комплексное рассмотрение всех проблем, связанных с определением предмета доказывания и применением отдельных средств доказывания, может содействовать развитию этого института в различных направлениях на основе принципа состязательности гражданского процесса.

Это тем более уместно и важно, что в отечественной деятельности судебной практике по аналогии с западными моделями закономерно образовывается принцип презумпции морального вреда, что должно повысить активность именно ответчика в делах об удовлетворении морального вреда, имеющего заинтересованность миновать этой ответственности или уменьшить размер компенсации [4, с. 39].

Судебная защита интересов участников процесса происходит по правилам, предусмотренным законом, которые одинаковы для всех категорий гражданских дел. Права участников судебного разбирательства осуществляются только лишь судом [2].

Таким образом, суд является безусловным субъектом гражданско-процессуальных правоотношений, наделённым

компетенциями по разрешению всех вопросов, которые могут возникнуть в связи с исследованием конкретного дела.

Именно суд рассматривает и оценивает требования истца и ответчика, доводы, приводимые в их обоснование, а также доказательства, воспроизведенные сторонами. Специфика процессуальной работы с доказательствами формирует закономерности построения судебных доказательств для конкретных категорий дел.

Особенности доказывания формируются структурой его построения, исходя из содержания требований сторон и из того, какие доказательства должны быть исследованы.

Следует отметить, что вынесение решение по делу – это только процессуальная функция и долг суда. Общая цель судебного доказывания, согласно установившейся в юриспруденции традиции, заключается в установлении истины по делу.

Так, А.Ф. Клейнман понимал доказывание в гражданском судопроизводстве только как процессуальное действие сторон, основанное на совокупности соответствующих процессуальных актов, состоящую в изложении фактических обстоятельств дела, представлении доказательств, опровержении доказательств оппонента, подаче ходатайств об истребовании доказательств, участии в исследовании доказательств, даче объяснений по поводу изученных доказательств.

Исследование, проверку и оценку доказательств судом А.Ф. Клейнман не включил в рассматриваемое понятие.

К.С. Юдельсон, с другой стороны, подчеркнул активную роль суда в установлении истины в процессе сбора и изучения доказательств. Он также включал третьи стороны и прокурора в качестве субъектов доказывания.

Общее понятие судебного доказывания раскрывается им как деятельность субъектов судебного разбирательства по установлению с использованием предусмотренных законом средств и процессуальных методов объективной истины наличия или отсутствия фактов, необходимых для разрешения спора между сторонами, то есть фактов основания требований и возражения сторон [4, с. 179].

При рассмотрении гражданских дел следует руководствоваться доказательствами, представленными истцом и ответчиком.

Однако суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства. В случае необходимости с учетом состояния здоровья, возраста и других обстоятельств, затрудняющих представлению сторонами доказательств, без которых рассмотрение дела невозможно, суд по требованию сторон принимает меры для получения таких доказательств.

В таких случаях, как исключение в состязательном процессе, доказательства являются совместными (суд и юридически заинтересованные стороны). С учетом этого в Гражданский процессуальный кодекс Украины (далее ГПК Украины) были внесены нормы, закрепляющие право на представление доказательств другим лицам, участвующим в деле (ст. 137 ГПК Украины) [2].

Однако прежде всего считаем необходимым отметить, что в случаях возмещения морального вреда применяются общие правила, установленные ст. 59 ГПК Украины – каждая сторона должна доказать обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено законом.

В этом случае применение общего правила достаточно понятно и не требует дополнительных пояснений.

В предмет доказывания по делу о возмещении морального вреда входят следующие юридические факты:

1) имели ли место действия (бездействие) ответчика, причиняющие истцу моральные или физические страдания, в чем они выражались и когда были совершены;

2) какие личные неимущественные права истца нарушаются этими действиями (бездействием) и на какие нематериальные блага они посягают;

3) в чем выражались моральные или физические страдания истца;

4) степень вины причинителя вреда (если она должна быть учтена);

5) размер компенсации [6, с. 10].

Предлагаемый перечень фактов, входящих в предмет доказывания, не является идеальным предметом доказывания, пригодным для всех случаев возмещения морального вреда. Для каждого конкретного случая его можно изменить или дополнить.

Следует отметить, что в случаях возмещения морального вреда необходимо использовать доказательственные презумпции. Кроме того, речь идет не о каком-либо множестве презумпций, а конкретно о презумпции морального вреда.

Пока такая презумпция не получила законодательного закрепления, но даже без закрепления этой презумпции в правовых нормах можно задаться вопросом – возможно, она уже сформировалась как фактическая презумпция, то есть законодательно она не закреплена, но в сознании достаточно большой группы людей, включая судей, эта презумпция заняла надежное место.

Судебное доказывание – это процессуальная деятельность суда и лиц, участвующих в деле, по сбору, исследованию и оценке доказательств с целью правильного установления фактических обстоятельств рассматриваемого дела [5, с. 75].

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, можно сделать вывод, что в случаях возмещения морального вреда предмет доказывания формируется по четырем основаниям гражданско-правовой ответственности: наличие факта причинения морального вреда; противоправность деяния причинителя вреда; причинная связь между противоправным деянием и моральным вредом; виновность причинителя вреда.

Кроме того, в предмет доказывания должны быть включены обстоятельства, на которые истец ссылается для обоснования требуемой им суммы компенсации. Другими словами, следует признать прямую обязанность истца представить в судебном заседании доказательства, подтверждающие все факты, на которые он ссылается для обоснования размера компенсации морального вреда. При рассмотрении судами дел о возмещении морального вреда

может быть установлено, что заявленная истцом сумма занижена, не соответствует характеру и степени морального вреда. С учётом этого следует указать, что суд может установить размер компенсации морального вреда выше суммы, заявленной истцом, только с согласия истца. При этом такое увеличение размера компенсации морального вреда должно быть специально оговорено в решении суда.

При изучении судебной практики становится очевидным, что иски о возмещении морального вреда подаются редко по делам, связанным с нарушением неимущественных и имущественных прав. В таких случаях с истца обычно взыскивается материальный ущерб. Подавляющее большинство этих дел связано с нарушением неимущественных и неотъемлемых прав человека. Именно те права, которые определяют направление деятельности государства, являются высшей ценностью и должны быть наиболее защищены.

Следовательно, необходимо на законодательном уровне установить перечень критериев для определения размера компенсации морального вреда, чтобы минимизировать судебное усмотрение при решении данных вопросов на практике.

Проведя глубокий анализ нормативных актов, определяющих понятие, особенности и основания компенсации морального вреда, а также ознакомившись с практикой рассмотрения судебных споров, связанных с его возмещением, невольно приходишь к выводу, что данный вопрос является актуальным, не полностью регулируется законодательством.

Об этом свидетельствует отсутствие точного определения морального вреда, сложность его доказывания и неоднозначность судебной практики.

Список использованных источников

1. Воробьев А.В. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве / А.В. Воробьев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – 2008. – 230 с.

2. Гражданский процессуальный кодекс Украины: принят Верховной Радой Украины 18 марта 2004 г., с изм. и доп. по состоянию на 02 марта 2014 г. // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2004. – № 40-41, 42. – Ст. 492.

3. Конституция Донецкой Народной Республики: принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/konstitutsiya/>. – (Дата обращения: 21.07.2020).

4. Решетникова И.В. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / И.В. Решетникова. – 5-е изд. – М.: Норма, 2015. – 496 с.

5. Степанов М.А. Доказывание по гражданским делам о компенсации морального вреда: дисс. ... канд. юрид. наук: спец.: 12.00.15 / М.А. Степанов. – Тверь, 2003. – 195 с.

6. Толстикова Н. Компенсация морального вреда / Н. Толстикова // Законность. – 2006. – №11. – С. 41-43.

УДК 347.15/.17

ФИЗИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК УЧАСТНИК ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ГРАЖДАНИН ИЛИ ЧЕЛОВЕК

ЗАВГОРОДНЯЯ А.А.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Донбасской юридической академии

В статье сделана попытка раскрыть разные подходы к определению физического лица как субъекта гражданских правоотношений, рассмотреть основные понятия физического лица на основании действующего гражданского законодательства Донецкой Народной Республики, а также гражданского законодательства Российской Федерации и Украины.

Ключевые слова: физическое лицо, гражданин, индивид, субъекты гражданских правоотношений.

The article attempts to reveal different approaches to the definition of an individual as a subject of civil legal relations, to consider the basic concepts of an individual on the basis of the current civil legislation of the Donetsk people's Republic, as well as the civil legislation of the Russian Federation and Ukraine.

Keywords: *individual, citizen, individual, subjects of civillegal relations.*

Каждый человек – это мир,
который с ним рождается и с ним
умирает.

Генрих Гейне

Постановка задачи. Субъект правоотношения в целом и гражданских правоотношений в частности – это участник правоотношения, носитель субъективных прав и юридических обязанностей. Субъектами гражданских правоотношений являются физические лица, юридические лица и соответствующие социально-публичные образования.

Так, физическое лицо является одним из участников гражданских правоотношений. Само понятие «лица» является родовым понятием и относится ко всем субъектам гражданских прав [1]. Так что же понимать под физическим лицом, как участником гражданских правоотношений – гражданина или человека, или это более ёмкое понятие?

Анализ последних исследований и публикаций. Данный вопрос дискуссионный и затрагивался не раз в исследованиях разного периода учёных-цивилистов, среди которых Иоффе О.С., Васьковский Е.В., Алексеев С.С., Суханов Е.А. и иные. Однако, несмотря на значительный и давний научный интерес к данному вопросу и большой теоретический массив дискуссий, данная тематика остаётся актуальной.

Целью статьи является раскрытие понятия физического лица как участника гражданских правоотношений, рассмотрение подходов и теорий.

Актуальность. Определение действующим гражданским законодательством термина «лицо», только как родового понятия, объединяющего в себе всех субъектов гражданско-правовых отношений (индивидуальных и коллективных), создает путаницу и проблемы практики применения

гражданско-правовых норм. Поэтому давно назрела потребность в устранении указанных противоречий.

Изложение основного материала. Итак, хрестоматийно участниками гражданских правоотношений являются физические, юридические лица и так называемые социально-публичные образования, среди которых государство и соответствующие муниципальные образования на территории государств в целом. Действующее гражданское законодательство также употребляет понятие «лица» только как родовое, т.е. охватывающее всех субъектов – и индивидуальных, и коллективных [1].

Физическое лицо, как самый распространенный участник гражданско-правовых отношений, является предметом дискуссий относительно определения и понятийного аппарата. Само понятие «физическое лицо» многолико ввиду его правовой природы. Так, понятие физического лица, как участника гражданских правовых отношений, было дано ранее в гражданском законодательстве СССР, в котором установлено, что индивидуальный субъект права обозначался главным образом через понятие «гражданин» [2]. Поэтому «физическое лицо» являлось специальным термином для обозначения юридического лица – индивидуального субъекта права.

Так, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский дают следующее определение: «Субъект права – это лицо, способное быть участником правоотношений, способное выступать в качестве носителя прав и обязанностей» [3].

Понятно, что именно советское гражданское законодательство и научные работы тех лет, индивидуального субъекта права обозначали главным образом как гражданина Советского Союза.

Советская цивилистика определяла 2 основные категории субъектов прав: граждан (физические лица) и организации.

Глава 2 ГК РСФСР 1964 г. определяла субъектов гражданского права, как «граждане» [4]. В Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик, принятых Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г., использовалась формулировка «граждане» и в скобках уточнение «физические лица». Аналогичная формулировка

используется и в Гражданском кодексе РФ в названии главы 3 подраздела 2, именуемого «лица» [5].

Интересный факт, в советской цивилистике участниками международных торговых отношений могли быть только организации, тогда как США чётко определяли субъектами права: американских граждан и компании, устанавливая в статье 2 Соглашения о торговых отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки [6], что «торговля товарами и услугами будет осуществляться посредством контрактов между организациями Советского Союза и гражданами и компаниями Соединённых Штатов...». Выходит, по мнению исследователей, такая градация участников гражданских правоотношений является сугубо «американской» [7].

В настоящее время в ряде источников, говоря об участниках гражданских правоотношений, под физическим лицом понимают – участника правоотношений, носителя гражданских прав и обязанностей, обладающего правосубъектностью (право- и дееспособностью лица). Правоспособность – это способность быть носителем прав и обязанностей, которые допускаются объективным материальным правом, т.е. правоспособность выражает пассивное начало. По общему правилу, законодательство разных стран связывает возникновение и прекращение правоспособности с рождением и смертью человека.

Западное же гражданское законодательство имеет иной подход относительно понятия и определения правоспособности физического лица. Так, что касается момента рождения, то §1 Германского Гражданского уложения связывает возникновение правоспособности человека с окончанием рождения, которое в свою очередь определяется судебной и медицинской практикой.

Итальянский, швейцарский гражданские кодексы определяют правоспособность как способность жизнеспособного существа. По итальянскому праву, чтобы считаться жизнеспособным, «существо» должно прожить не менее 24 часов, а в соответствии с китайским законодательством правоспособность возникает за 9 месяцев до рождения.

Итак, по общему правилу, правоспособность принадлежит жизнеспособному существу независимо от его умственных и физических способностей, состояния здоровья и т.д.

Относительно объёма правоспособности, то, безусловно, он напрямую зависит от возраста самого лица: чем старше лицо, тем больше объём его прав, тем шире его способность быть носителем и обладателем различных прав и обязанностей.

Интересен подход Швейцарии, где ст. 11 ГК подтверждает, что «правоспособностью обладает каждый. Всем людям в равной мере принадлежит способность иметь права и обязанности». В англо-американском праве в соответствии с судебной практикой применяется вышеуказанный принцип «право действует, невзирая на лица» [8].

Именно этот «европейский», «западный» подход определения физического лица был взят за основу при принятии Гражданского Кодекса Украины 2003 года. Так, статья 24 ГК Украины определяет физическое лицо как человека [9]. Это была довольно новая конкретизация понятия физического лица.

Такой подход отходит от хрестоматийных догм советского гражданского права.

Под физическим лицом, как участником гражданских правовых отношений, подразумеваются, в классическом представлении, всегда граждане, лица без гражданства (апатриды) и лица, являющиеся гражданами иных государств (иностранцы).

Гражданский Кодекс РФ и ДНР даёт иное понятие физического лица, определяя его как гражданина (глава 3 Граждане (физические лица) подраздела 2 ГК РФ [5] и глава 3 Физические лица подраздела 2 ГК ДНР) [10], что присуще советскому подходу категории «физические лица». Выходит, что законодатель РФ и ДНР отождествляет понятия физические лица и граждане. Уместно ли это в современной цивилистике?

Так, по общему правилу, ГК ДНР и РФ употребляют понятие «физического лица», определяя физическое лицо прежде всего как гражданина, устанавливая, что физическим

лицом является участник гражданских правоотношений – гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства. Однако если обратиться к нормам международного права, а именно к статье 6 Всеобщей декларации прав человека [11], то «каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности».

Ещё из теории государства и права и её хрестоматийных догм нам известно, что участники отношений, именуемые гражданами, обладают государственно-правовым признаком, иными словами, имеют непосредственную связь и принадлежность к тому или иному государству.

Гражданство означает постоянную политико-правовую связь между лицом и государством. Приобретая гражданство, человек одновременно становится субъектом права данного государства, его отношений и приобретает одновременно с общей правосубъектностью физического лица ещё и публичные права, как участника государственно-правовых отношений.

Чтобы человек стал гражданином и чтобы государство его признало таковым, он должен обладать и соответствовать определённым критериям, которые и выдвигает само государство.

Итак, гражданин – это всё же государственно-правовое явление. Установленным является утверждение, что «физическое лицо», конечно же, является более широким понятием по отношению к термину «гражданин».

Статья 24 ГК Украины 2003 года, напротив, определила физическое лицо как человека [10], дублируя нормы международного права европейских государств. Однако, говоря о человеке, мы понимаем, что человек – биологическое существо.

Человек по своей сути есть существо биосоциальное. Биологическое и социальное в человеке слиты воедино, и только в таком единстве существует человек. Биологическая природа человека – это его естественная предпосылка, условие существования, а социальность – сущность человека [11].

Человек – это родовое понятие, употребляемое для характеристики определенных биологических черт homo

sapiens, на известной стадии развития мира, выделившегося из биологической среды.

Существенное значение для права имеет другая сторона человека, а именно его социальная природа, так как определяющее воздействие на него оказывают прежде всего социальные законы.

Определив физическое лицо как человека, который участвует в гражданско-правовых отношениях, законодатели применили широкий подход и неординарный, в каком-то смысле, для советской цивилистики, который всё же отождествлял человека с государством. Человек – лицо биологическое, оно, как любое существо, рождается, развивается, и погибает. Но любой ли человек является физическим лицом как участником гражданских отношений?

Естественно, не любой родившийся человек станет полноценным участником отношений, но, тем не менее, он приобретает гражданскую правоспособность, и даже, в случае невозможности осуществлять какие либо действия, по тем же медицинским показаниям и физиологическим способностям, о нём всегда позаботится государство через законных представителей, опекунов, усыновителей.

Гражданские Кодексы же РФ [5] и ДНР [12] уходят от данного подхода, определяя физическое лицо гражданином и, таким образом, делая упор на государственную принадлежность человека и его социальный статус. Как отмечает ряд учёных, эти понятия довольно близки по содержанию, но все же не равнозначны.

Какой подход верен и более приемлем к такому участнику гражданских правоотношений, как физическое лицо, вопрос спорный. Однако, как и в любом вопросе, хорошо бы найти законодателю ту самую «золотую середину».

Конституции всех стран, в том числе Конституция РФ (статья 19) [13], предусматривают равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств.

Следует отметить, что даже права, как нам известно, в конституциях стран и международных декларациях разделены на права человека и права гражданина. Всё это говорит об одном установленном факте, что человек и гражданин – разные понятия.

Действующее гражданское законодательство РФ называет главу «Граждане (физические лица)». Если обратиться к правилам русского языка, то скобки ставятся, если автор хочет уточнить, пояснить, дополнить смысл высказывания. Отсюда мы приходим к выводу, что законодатель нам разъясняет термин «граждане», давая уточнение, что это физические лица.

Относительно вопроса, верно ли определять физическое лицо, низведя его до уровня биологического существа (относительно «европейского» подхода)? Это также вопрос не однозначный, так как всё же не любое родившееся биологическое существо является субъектом права.

Такой подход также порождает в европейских странах неоднозначность и коллизии. В частности, современный научно-технический прогресс в области медико-биологических наук порождает определённые проблемы в области регулирования возникновения правоспособности физических лиц.

Речь, в частности, идет о так называемом «суррогатном материнстве». Отношение к таким формам деторождения неоднозначно. В частности, в Италии суррогатное материнство запрещено (в отличие от РФ, где оно разрешено законом).

Субъектами права, по мнению ряда исследователей, могут выступать только те люди, индивиды, которые обладают сознанием и волей, создающие организации, ведущие различную деятельность по своей воле и в интересах общественных групп людей, классов или всего народа.

Вывод. Анализируя разные подходы определения физического лица, как участника гражданских правоотношений, анализируя гражданское законодательство разных стран в комплексе, и в частности одноименную статью ГК ДНР по определению термина «Физическое лицо», следует все же давать более полное и конкретное определение

данному участнику гражданских правоотношений, определяя физическое лицо как человека, но человека не как биологического существа, а как человека (индивида) с соответствующей правоспособностью, из которой следует принадлежность или не принадлежность к государству, которое его наделяет иными правами и обязанностями, а также обеспечивает соответствующую защиту его прав.

Поэтому следует обратиться к уже сложившимся в историческом аспекте пониманиям данного определения, а также хрестоматийным догмам определений физического лица как участника гражданских правоотношений, и остановиться на понятии, определив физическое лицо человеком, но не просто человеком, а человеком (индивидом), обладающим соответствующей правоспособностью, т.е. способностью иметь гражданские права и обязанности.

Список использованных источников

1. Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Е.А. Суханова. – М.: Изд-во БЕК, 1994. – 384 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: awbook.online/page/pravogr/ist/ist-14--idz-ax255--nf-18.html. – (Дата обращения: 09.09.2020).

2. Петрова Е.А. Физические лица: понятие, характеристика, категории // International Journal of Humanities and Natural Sciences, / Петрова Е.А., vol. 5-3, с. 168-172 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskie-litsa-ponyatie-harakteristika-kategorii/viewer>. – (Дата обращения: 21.08.2020).

3. Иоффе О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М.: Госполитиздат, 1961. – 208 с.

4. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/. – (Дата обращения: 31.08.2020).

5. Гражданский кодекс РФ. Актуальная редакция с комментариями по состоянию на 18.05.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gkodeksrf.ru/oglavleniye>. – (Дата обращения: 02.09.2020).

6. Соглашение о торговых отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными

Штатами Америки, ратифицировано постановлением Верховного Совета РФ от 12 июня 1992 г. № 2982-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900632>. – (Дата обращения: 07.09.2020).

7. Шаманов Т.А. Кто такие физические лица? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.9111.ru/questions/777777777731665/>. – (Дата обращения: 05.09.2020).

8. Правоспособность физических лиц в праве зарубежных стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://isfic.info/foretor/graztor12.htm>. – (Дата обращения: 02.09.2020).

9. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/46b4b351a6eb6bf3c553d41eb663011c2cb38810/. – (Дата обращения: 02.09.2020).

10. Гражданский Кодекс Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15>. – (Дата обращения: 21.05.2020).

11. Единство биологического и социального в человеке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/6_172783_proishozhdenie-cheloveka-kak-filosofskaya-problema.html. – (Дата обращения: 02.09.2020).

12. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – (Дата обращения: 05.09.2020).

13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – (Дата обращения: 05.09.2020).

ПРОФИЛАКТИКА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

КАБЛОВ Д.С.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
административного
и финансового права
ГОУ ВПО «ДонНУ»

В статье рассматриваются вопросы формирования системы профилактики административных правонарушений на современном этапе построения обществ, а также роль общих и специальных субъектов профилактики. Также на основании проведенного анализа делается вывод о необходимости внесения изменений в законодательство.

Ключевые слова: правонарушение, профилактика, система мер, правонарушитель.

The article deals with the formation of a system for the prevention of administrative offenses at the present stage of building societies, as well as the role of general and special subjects of prevention. Also, based on the analysis, it is concluded that it is necessary to amend the legislation.

Keywords: offense, prevention, system of measures, offender.

Постановка задачи. Процесс построения правового государства Донецкой Народной Республики связан с осуществлением целенаправленной деятельности различных субъектов по укреплению законности и правопорядка в Республике, обеспечения и охраны прав и свобод человека и гражданина, закреплённых Конституцией ДНР. В настоящее время особую остроту приобрела проблема борьбы с преступностью и правонарушениями, которые создают серьёзную угрозу развитию молодого независимого государства. Во многом это объясняется тем, что деятельность различных государственных органов охраны порядка сосредоточена преимущественно на выявлении и раскрытии уже совершенных преступлений или правонарушений, то есть основные усилия направляются на борьбу со следствием, которым является преступность, а не с его причинами и условиями.

Анализ исследований и публикаций. Теоретической базой исследования являются труды В.Б. Аверьянова, С.С. Алексеева, Д.Н. Бахраха, Ю.П. Битяка, С.С. Студеникина, И.А. Галагана, Н.Г. Салищева, В.В. Лунева, Н.И. Ветрова и других учёных.

Целью работы является рассмотрение системы мер профилактики правонарушений, форм и методов профилактической деятельности, в том числе и органов внутренних дел ДНР в современных условиях, а также путей её совершенствования.

Изложение основного материала. Изучая вопросы предотвращения преступлений и правонарушений, в первую очередь следует остановиться на вопросах общей профилактики административных правонарушений, которая представляет собой систему – совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Общие меры являются определённым фундаментом, на котором строится вся система мер профилактики.

Общую профилактику административных правонарушений проводят неспециализированные субъекты такой профилактики (органы законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, общественные организации).

Специальная профилактика содержит меры, направленные исключительно на устранение или нейтрализацию противоправных факторов, исправление и выявление лиц, которые уже совершили административные правонарушения или могут их совершить. Специальные меры профилактики административных правонарушений осуществляются государственными органами, общественными организациями и отдельными гражданами. Они отличаются от общей профилактики своей направленностью на борьбу с административными правонарушениями. В то же время указанные общие и специальные меры взаимосвязаны. Общие меры создают соответствующие организационные условия для применения специальных мер профилактики.

Принятый в Донецкой Народной Республике закон «Об основах профилактики правонарушений в ДНР» [1] в настоящее время не в полной мере отвечает требованиям сегодняшнего времени и имеет ряд недостатков. Так, ст. 5 данного закона говорит нам о том, что субъектами профилактики могут быть органы исполнительной власти Донецкой Народной Республики; органы прокуратуры Донецкой Народной Республики; органы местного самоуправления. Данная статья чётко ограничивает круг лиц, которые являются субъектами профилактики, при этом далее в главе 2 данного закона «Полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений» говорится о гражданах как субъектах профилактики: «Граждане, участвующие в профилактике правонарушений, оказывают помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в осуществлении ими профилактического воздействия в формах, предусмотренных пунктами 1, 7-10 части 1 статьи 16 настоящего Закона, а также посредством добровольного участия в мероприятиях по охране общественного порядка и других социально значимых мероприятиях содействия правоохранительным органам и иным субъектам профилактики правонарушений в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики», а также об общественных объединениях: «общественные объединения и иные организации оказывают помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в осуществлении ими профилактического воздействия в формах, предусмотренных пунктами 1, 7-10 части 1 статьи 16 настоящего Закона, а также посредством участия в реализации республиканских и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений, выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушений, разработки и проведения мероприятий по их предупреждению, участия в мероприятиях по охране общественного порядка и других социально значимых мероприятиях в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики» [1]. Из вышесказанного мы видим необходимость уточнения данного вопроса и закрепления его на законодательном уровне.

Так, проанализировав мнения учёных Российской Федерации Максимова С.В., Валуйскова Н.В. [3, с. 158-161], которые также обращают внимание на сужение субъектов профилактики в законе РФ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» [3], считаем, что субъектами профилактики могут выступать:

- Глава Республики, Народный Совет, Правительство ДНР, органы исполнительной власти и местного самоуправления, другие государственные органы;

- Правоохранительные органы (ОВД, прокуратура, суды, Министерство государственной безопасности, органы юстиции, таможенные органы, Министерство налогов и сборов и т.д.);

- Предприятия, учреждения, общественные организации, отдельные граждане.

Специальными субъектами профилактики в данном случае выступают те органы, в которых профилактика административных правонарушений является одной из основных функций, а общими субъектами профилактики будут Народный Совет, Глава Республики, Правительство ДНР, органы исполнительной власти и местного самоуправления, другие государственные органы, когда они будут выполнять деятельность, направленную на профилактику административных правонарушений, которая не является их основной деятельностью. Что касается общественных организаций, то здесь отнесения их к субъектам общей и специальной профилактики усложняется тем, что они затрагивают это направление, когда осуществляют деятельность по профилактике административных правонарушений, если эта деятельность не является их основной, а также, если такие организации специально созданы для такой деятельности (ДНД и другие).

Если говорить об индивидуальной профилактике, то следует сказать, что она направлена в первую очередь на лицо, которое может совершить антиобщественный поступок, а также на его ближайшее окружение. Индивидуальная профилактика административных правонарушений содержит комплекс определённых мер, направленных на:

- устранение факторов, негативно влияющих на человека, и которые могут привести к формированию у него противоправного поведения,

- изменения у лица антисоциальных взглядов, привычек, интересов, с целью предупреждения совершения административных правонарушений и преступлений,

- применение неотложных мер по предупреждению правонарушений, которые готовятся, а также пресечение попыток их совершения.

Так, Шашев Р.В. считает, что индивидуальная профилактика представляет собой совокупность мер убеждения и принуждения, применяемые к носителям антисоциальных ориентаций, а также мер воздействия на негативные элементы их среды [4, с. 34].

Статья 13 ч. 2 Закона ДНР «Об основах профилактики правонарушений в ДНР» говорит о том, что индивидуальная профилактика направлена на оказание воспитательного воздействия на лиц антисоциальной направленности, на устранение факторов, отрицательно влияющих на их поведение, а также на оказание помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми» [1].

Как мы видим из норм закона, непосредственными объектами индивидуальной профилактики административных правонарушений выступают как конкретные лица, так и социальная среда.

Однако, например, Литвак О.М. считает, что «Индивидуальная профилактика имеет дело с внутренними причинами, способствующими совершению правонарушений, а так как проявление таких причин непосредственно связано с личностью, то предметом такой профилактики, в конечном счете, есть конкретные лица» [5, с. 92].

Эта позиция автора не совсем точна, так как с лицом связано очень много явлений, которые содержатся в его окружении, а отсюда изложенная в законе позиция более точно охватывает сферу и объекты индивидуальной профилактики административных правонарушений.

Индивидуальная профилактика является важной частью деятельности государственных органов и общественных организаций, которые ведут борьбу не только с

административными правонарушениями, но и со всеми правонарушениями. Цель данного вида профилактики: своевременное выявление лиц, от которых можно ожидать совершения административных правонарушений, воспитательное влияние на таких лиц и окружающую их среду, принятие других мер (при необходимости мер принуждения) для того, чтобы административные правонарушения не были совершены.

С целью проведения профилактики, уполномоченные субъекты в первую очередь должны:

- выявить круг лиц, чье поведение, взгляды, мотивы свидетельствуют о возможности совершения этим лицом административного правонарушения;

- изучить лиц и факторы негативного воздействия на них;

- планировать устранение источников негативного воздействия;

- периодически проверять эффективность и результаты профилактических мер, которые уже были проведены;

- применять предусмотренные законом меры, обеспечивающие корректирующее воздействие.

Что касается личности правонарушителя, то индивидуальную профилактику необходимо осуществлять в отношении следующей категории лиц: Если же остановиться на самой личности правонарушителя, то индивидуальная профилактика осуществляется в отношении лиц:

1. Лица, которые ещё не совершили административные правонарушения, но находятся под влиянием негативных условий и могут совершить антиобщественные поступки.

2. Лица, ведущие антисоциальный образ жизни, совершавшие антиобщественные поступки.

3. Лица, которые ведут подготовку к совершению административного правонарушения.

4. Лица, которые уже неоднократно совершали административные правонарушения или преступления и не стали на путь исправления.

Как мы видим, реализация профилактической деятельности представляет собой сложный процесс, который имеет соответствующие объективные и субъективные условия.

Среди всех субъектов профилактической деятельности особое место занимают органы внутренних дел. Как субъектам

административной юрисдикции ОВД подведомственно около 50 статей Кодекса об административных правонарушениях Украины [6], действующему на территории ДНР по переходным положениям.

Изучая международный опыт борьбы с правонарушениями и преступлениями, можно сказать, что эффективность борьбы с правонарушениями в существенной степени зависит от хорошо организованной профилактической работы, основной акцент в которой, как правило, делается на привлечении к ней общественности. При этом в большинстве стран в структуре полиции, особенно в нижнем звене, есть специальные подразделения профилактики, которые работают в тесном взаимодействии с общественными структурами. Так, на втором конгрессе ООН по предупреждению преступности и мерам обращения с правонарушителями в 1960 году рассматривался вопрос создания специальных служб полиции по предупреждению преступности среди несовершеннолетних; влияние средств массовой информации на отклонения в поведении несовершеннолетних; роль национального планирования в предупреждении преступности.

Третий конгресс в 1965 году признал важность научных исследований и подготовки кадров по вопросам преступности, в том числе разработки и осуществления региональных и межрегиональных инициатив [7].

Пройдя долгий исторический путь, в настоящее время профилактика административных правонарушений ОВД включает в себя следующие компоненты:

- выявление и устранение причин административных правонарушений, а также их условий,
- выявление лиц, действия которых указывают на реальную возможность совершения ими антиобщественных поступков или других правонарушений. Осуществление в отношении этих лиц профилактического воздействия,
- выявление лиц, которые замышляют или ведут подготовительную работу по совершению административных правонарушений и преступлений.

В настоящее время вопросы, регламентирующие деятельность ОВД по профилактике и предупреждению

административных правонарушений на законодательном уровне, закреплены в Законе ДНР «О полиции» [8]:

Так, ст. 2. Закона говорит о том, что одной из основных задач, которые стоят перед полицией, является «предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений». А ст. 12. говорит о том, что полиция в соответствии со своими задачами обязана: «выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению; выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу; участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; участвовать в пропаганде правовых знаний».

В свою очередь ст. 13 закрепляет право полиции: «выявлять и вести учет лиц, подлежащих профилактическому воздействию на основании и в порядке, установленных законодательством, выносить им официальное предупреждение о недопустимости противоправного поведения» [8].

Кодекс об административных правонарушениях [6] в статьях 6 и 7 «Предупреждение административных правонарушений» и «Обеспечение законности при применении мер административного воздействия за административные правонарушения» также регламентирует эту деятельность.

Выводы. Подводя итог, следует сказать, что необходимо внести изменения в Закон ДНР «Об основах профилактики правонарушений в Донецкой Народной Республике», а именно в ст. 5 Субъекты профилактики правонарушений:

- 1) действующие в пределах своей компетенции органы государственной власти ДНР, органы местного самоуправления ДНР;
- 2) правоохранительные органы;
- 3) суд;
- 4) другие участники профилактики (граждане, организации, предприятия, учреждения).

С целью повышения эффективности работы по профилактике административных правонарушений должны использоваться различные формы стимулирования сотрудников

служб и подразделений органов внутренних дел, которые добиваются высоких показателей в этом направлении. С этой целью могут использоваться специальные внебюджетные фонды и другие источники финансирования.

Список использованных источников

1. Об основах профилактики правонарушений в ДНР: Постановление Народного Совета ДНР от 09.11.2018 г. № 259-ІНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osnovah-sistemy-profilaktiki-pravonarushenij-v-donetskoj-narodnoj-respublike/>.

2. Максимов С.В. Законодательная новелла о профилактике правонарушений / С.В. Максимов, Н.В. Валуйсков // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 6. – С. 150-165.

3. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. Закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 26. – Ст. 3851.

4. Шашев Р.В. Профилактика правонарушений: учебное пособие / Р.В. Шашев. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 124 с.

5. Литвак О.М. Держава і злочинність: монографія / О.М. Литвак. – К.: Атіка, 2004. – 304 с.

6. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 07.12.1984 г. № 8073-Х // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР (ВПР). – 1984. – Приложение к № 51. – Ст. 1122.

7. Одиннадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию 18-25 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CONF.203/15>.

8. О полиции: Постановление Народного Совета ДНР от 07.08.2015 г. № 85-ІНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-o-politsii-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

МАТЮШАЙТИСЬ Н.В.,
канд. юрид. наук, доцент
кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В статье рассматривается вопрос о правовом статусе органов городского самоуправления в Российской империи во второй половине XIX и начале XX века и их реформировании. Также изучаются нормативно-правовые акты и иные источники права, которые регламентировали правовой статус органов городского самоуправления в указанный период.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственный механизм, политика самодержавия, правительственная опека, распорядительный орган.

The article considers the issue of the legal status of city self-government bodies in the Russian Empire in the second half of the XIX and early XX centuries and their reform. Regulatory acts and other sources of law are also being studied, which regulated the legal status of city self-government bodies during this period.

Keywords: local government, state machinery, the policy of autocracy, government guardianship, administrative organ.

Постановка задачи. В условиях построения независимого государства наряду с изучением исторического опыта и правовых основ деятельности самоуправления Российской империи на рубеже XIX и XX столетий определённый интерес для учёных представляет и его реформирование. В исследовательской литературе сущность и причины этого процесса, который происходил в начале 90-х годов XIX столетия, трактуются авторами на основании собственного понимания места и роли местного самоуправления в государстве, и поэтому работы касательно данной тематики характеризуются наличием многих, чаще диаметрально противоположных взглядов на его сущность.

Анализ последних исследований и публикаций. Похожую проблематику в своих работах исследовали такие ученые и научные деятели, как Градовский А.Д., Коркунов Н.М., Нардова В.А., Зайончковский П.А., Медушевский А.Н. и другие.

Первая группа исследователей дореволюционного времени (А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов и др.) видела переход правительства к более жёсткому контролю за деятельностью самоуправления в его чужеродном характере в государственном механизме и вообще для всего российского общества. Поэтому, на их взгляд, при других условиях местное самоуправление не смогло бы реализовать задания, возложенные на него [1, 2].

Другие, прежде всего советские ученые (В.А. Нардова, П.А. Зайончковский), связывали этот процесс с реакционной внутренней политикой самодержавия, которое стремилось если не вернуть старые порядки, то хотя бы законсервировать уже существующие из-за усиления правительственной опеки на местах [3, 4]. Такая односторонность выводов была обусловлена партийно-классовыми позициями, которых придерживались указанные исследователи.

Актуальность статьи. На наш взгляд, существует необходимость проанализировать в целом эволюцию органов городского самоуправления на рубеже столетий (так сказать в «динамике») с учётом современных взглядов на его сущность.

Неудачная попытка государственного переворота в декабре 1825 года со всей силой продемонстрировала самодержавию, что время безоговорочной опоры на дворянство как правящий класс прошло.

Развитие капиталистических отношений рушило его изнутри. И уже во второй половине XIX столетия мы не видим в его основах единства ни экономических, ни политических интересов. Так, одна часть, которая получила в органах местного самоуправления доминирующие позиции, была довольна как земской, так и местной реформами. Определённая независимость его от государственных учреждений отвечала интересам этой группы, а именно – обеспечению нового статуса в условиях отмены крепостничества. Именно на этой почве начинает формироваться земское либеральное движение, которое представляло определённую опасность для власти.

Другая группа, консервативная, наоборот, за лояльность требовала от правительства исключительных привилегий для себя в местном управлении за счёт других слоёв населения [5, с. 145]. Как «правый», так и «левый» уклоны были не приемлемыми для самодержавия.

Понятно, что в тех условиях дворянство в своём большинстве уже не отвечало требованиям, которые выдвигались к нему, как к источнику управленческой элиты. Одновременно царским правительством к минимуму сводилась возможность использования буржуазии хотя бы на местном уровне. Как результат – ситуация, когда вместо старой управленческой элиты на рубеже XIX-XX столетий новая ещё не сложилась.

Поэтому правительство было вынуждено усилить собственное административное влияние в разных отраслях управления, делая при этом упор на бюрократию, что отразилось на деятельности не только органов государственной власти разного уровня, но и местного самоуправления, прежде всего его руководящих должностей.

На это обращает внимание и А.Н. Медушевский, согласно высказываниям которого в России основным носителем программы преобразований выступает не буржуазия, как на Западе, а скорее само государство. Инструментом его реализации в значительной степени становится бюрократия, а методы проведения неминуемо приобретают более или менее принудительный характер [6, с. 75].

Цель статьи. В этом ключе мы и рассмотрим эволюцию правового статуса органов городского самоуправления во второй половине XIX – начале XX столетия.

Изложение основного материала исследования. Согласно Положению 1870 года в основу формирования городских органов самоуправления был положен принцип обратно-пропорционального представительства.

Суть его, как известно, лежала в разделении избирателей на три класса соответственно размеру городских сборов, которые платят его представители и которые независимо от их численности выбирали равное количество гласных. Это обеспечивало количественное преимущество в городской думе классов и социальных групп, лояльных к самодержавию [7].

Статья 15 Городского положения предусматривала такие учреждения городского общественного управления: городские избирательные сборы, городская дума как распорядительный орган и городская управа как исполнительный орган.

Главным органом городского общественного управления была городская дума, которая избиралась лицами (физическими и юридическими), наделёнными избирательным правом. Избираться гласными могли все, кто имел право голоса (ст. 35). Каждый разряд имел право избирать гласных как из собственной среды, так и из числа избирателей, которые принадлежали к другим разрядам (ст. 36).

Статус городской думы определяла ст. 54. Дума обсуждала вопросы общественной жизни и действовала от имени всего населения города, которое представляла в тех случаях, когда того требовал закон.

Согласно ст. 48 в состав городской думы, которую возглавлял голова, входили гласные, которые избирались сроком на четыре года (ст. 16). Их численность (от 30 до 72 лиц) колебалась зависимо от количества лиц, которые имели право голоса [7, с. 287].

Согласно ст. 72 на исполнительный орган – городскую управу были возложены такие функции: ведение текущих дел общественного хозяйства, реализация мер относительно его улучшения, исполнение решений думы, сбор необходимых ведомостей, составление проектов городских смет, сбор городских налогов и трата городских средств на установленных думой основаниях, а также в установленные сроки регулярные отчеты перед думой о своей деятельности и подведомственных ей учреждений.

Для более эффективного функционирования управы и руководства делами городского хозяйства дума имела право создавать исполнительные комиссии, подведомственные управе (ст. 73-74).

Городской голова, которого избирала дума, также возглавлял и городскую управу, что было нарушением установленного принципа разделения власти (ст. 70). Количество членов управы не должно было быть меньше двух.

Статья 71 предусматривала исполнение коллегиальных обязательств городской управы единолично городским головой

в небольших городах и должностях. Круг полномочий городского головы был достаточно широким. Так, он отдавал распоряжения о созыве думы (ст. 56), определял повестку дня заседания (ст. 57). Под его личную ответственность печатались доклады по делам, которые заслушивались в городской думе (ст. 59).

Голова мог приостановить исполнение решения управы (ст. 77), единолично принять меры, которые касаются коллегиального рассмотрения городской управы (ст. 78), только через городского голову дума могла пригласить на свои заседания «посторонних лиц, от которых можно ждать полезных пояснений» (ст. 62), именно через него городское общественное управление было связано с губернской администрацией и высшим уровнем власти (ст. 81) [7, с. 356].

Наделяя городского голову такими полномочиями, власть пристально следила за тем, чтобы к руководству самоуправлением приходил только определённый круг «благонадёжных» лиц.

Поэтому избранных на эту должность допускали к исполнению своих обязанностей только при условии, что правительство не столкнётся с законными для этого препятствиями.

Наряду с этим существовали и другие ограничения на замещение руководящих должностей городского общественного управления. Головой не могли избираться лица, которые принадлежали к иудейскому вероисповеданию (ст. 88), служители культа (духовного звания), представители судебного ведомства, служащие казначейства (ст. 89), а также лица, которые принадлежали к церковному расколу.

Однако при этом, вопреки Земскому положению 1863 г., Городское положение 1870 г. позволяло избирать на должности городского самоуправления лиц, которые не были гласными, но принадлежали к избирателям (ст. 86).

В законодательстве также детально регламентировалась процедура выборов и утверждения их в должности. Сразу после избрания думой кандидатов на должность городского головы и его заместителя городская управа подавала губернатору рапорт о результатах выборов.

Выборы могли быть опротестованы гласными в семидневный срок (ст. 93). После его окончания губернатор обращался в Министерство внутренних дел с официальным представлением, в котором сообщалось о результатах голосования, а также прилагался бюллетень, в котором содержался перечень фамилий всех кандидатов и формулярные списки.

Об утверждении городского головы в должности сообщалось губернатору в представлении за подписью министра внутренних дел и директора Хозяйственного департамента.

После утверждения городской голова давал присягу [7, с. 411] относительно добросовестного исполнения своих обязанностей и извещал губернатора о вступлении в должность с определённого времени.

При этом, как отмечает известный учёный В.А. Нардова, неутверждения городских голов или их заместителей в столицах и губернских городах до конца 1870-х годов не было. Единственным законным основанием для вынесения негативного решения, с точки зрения Министерства внутренних дел, было нарушение формальных требований Городского положения [3, с. 97].

В целом правительственная политика в данный период держалась «в рамках закона» и характеризовалась определённым либерализмом и невмешательством в решения городских дум.

Все попытки как губернаторов, так и центральных органов власти, прежде всего Министерства внутренних дел, на своё усмотрение без надлежащей аргументации не утвердить избранных на должности были неудачными.

Предоставить губернатору право не утверждать городских голов в данной должности без объяснения причин по собственному усмотрению, как отмечалось в сенатском разъяснении по данному поводу, означало бы нарушить коренным образом сам принцип свободы выбора, который был положен в основу Городского положения, и на котором держится любое самоуправление.

Однако данное решение Сената игнорировалось указанным министерством, вся последующая политика которого была направлена на подчинение самоуправления центральной власти.

Первые активные шаги в данном направлении были сделаны уже во второй половине 80-х годов, когда было положено начало практики назначения на должность городских голов.

Это стало прямым нарушением принципа выборности, зафиксированного в Городском положении 1870 г. Аргументация представителей власти по данному поводу была далека от юридической теории и практики и заключалась в реализации принципа целесообразности, с позиций самодержавия.

Исходя из того, что местное самоуправление не в состоянии самостоятельно решать поставленные перед ним задачи, власть прибегла, как исключение, сначала к временному замещению городского головы назначенным лицом.

К этим мерам прибегали не только в случае злоупотреблений со стороны руководства города и налаживания городского хозяйства (что в полной мере понятно), но и из соображений политического характера [3, с. 113].

По мнению В.А. Нардовой, явления такого рода стали возможными в обстановке реакции, проявлением которой была подготовка земской и городской контрреформ, направленных на бюрократизацию органов общественного управления, ослабление их роли и значения.

И все же данную политику нельзя однозначно считать реакционной. Она была логическим продолжением курса на полную централизацию руководства страной, взятого самодержавием в середине XIX века в эпоху «великих реформ», но уже в новых исторических условиях.

То есть самодержавие с самого начала шло в выбранном направлении и никогда не отступало от него.

Так, еще в 1872 году были приняты Правила о применении Городского положения к столицам и Одессе. Изменения касались в основном процессуальных вопросов и механизма функционирования органов городского самоуправления больших городов.

Так, в столицах в помощь городскому голове была введена должность товарища головы, а также предусматривалось личное утверждение голов Петербурга и Москвы императором, на выбор которому подавались по две кандидатуры на каждое

место. Это увеличивало правительственный контроль за добором руководителей общественных учреждений столиц. Таким образом, уже в Правилах 1872 г. делался шаг на пути трансформации городского общественного управления, его бюрократизации.

Во внутреннем устройстве органов городского самоуправления также произошли значительные изменения. Численность гласных подверглась сокращению из-за довольно резкого уменьшения численности избирателей и колебалась в пределах от 20 до 160 гласных зависимо от размера и административного значения города (ст. 56) [8, с. 175].

Однако суть изменений в системе формирования и функционирования муниципальной власти в 1892 г. прежде всего состояла в том, все городское самоуправление было поставлено под строгий контроль администрации. Ни одна из статей нового Городского положения не содержала даже декларативного признания самостоятельности общественного управления.

Поправка к ст. 11 о «надзоре за правильностью и законностью» действий органов городского управления существенно расширила сферу полномочий губернатора относительно городских дум и их руководства.

Все это создавало условия для эволюции отношений между правительством и местными органами общественного управления в сторону усиления администрирования и, как следствие этого, полного подчинения центральной власти.

Усиление контроля за деятельностью органов городского управления проявилось также в том, что в состав городских дум согласно ст. 57 вводились, кроме всех избранных гласных, голова уездной земской управы и депутат от духовного ведомства с правом голоса.

Согласно положению 1892 г. на думу, как и раньше, возлагались распорядительные функции, на управу – исполнительные, но одновременно управа была поставлена в более независимое положение.

Фактически управа получала теперь новый статус – учреждение, полностью зависимое от административной власти (т.е. потенциально расширялись возможности управы в плане усиления влияния в рамках управления).

Это проявилось, например, в том, что Городское положение допускало возможность для исполнительного органа осуществлять полномочия распорядительного органа: согласно ст. 89, если очередные собрания думы не состоятся дважды в случае, когда назначенное количество гласных не прибыло, то те вопросы, которые подлежали рассмотрению в думе, предоставляются с выводом управы губернатору, и те предложения, с которыми он согласится, направляются на выполнение [8, с. 257].

Комментируя содержание этой статьи, Г.И. Шрейдер ещё в начале XX столетия писал, что доклады и решения городской управы, таким образом, являются полностью одинаковыми с постановлениями думы, и последняя полностью защищается коллегией выборных чиновников [9, с. 89].

Это стало возможным потому, что Городское положение 1892 г. вводило общественное управление в состав «учреждений губернских», в систему государственного управления, что дало формальное основание для признания выборных должностных лиц городской управы такими, что находятся на государственной службе.

Они соответственно были расписаны по классам (чинам) и разрядам. То есть по своему правовому статусу они стали выборными государственными служащими.

В состав управы входили: городской голова, который одновременно возглавлял думу, и два члена управы.

Количество последних дума на своё усмотрение могла увеличить: в городах губернских, областных и значительных уездных – до трёх, в городах с населением более 100 тысяч – до четырёх, и в Москве – до шести.

Дальнейшее увеличение гласных было возможным только после специального разрешения Министерства внутренних дел. В небольших уездных и безуездных городах допускался исполнительный орган в лице только одного головы.

Указанные лица за исполнение своих обязанностей с местного бюджета получали плату, которую назначала городская дума. Размер её колебался и зависел от разных факторов, в том числе налоговых поступлений.

Весь состав управы избирался думой, но подлежал обязательному утверждению администрацией (ст. ст. 115, 118).

Причём ст. 119 Городского положения предусматривала проведение новых выборов в случае, если министр внутренних дел или губернатор «не найдут возможности» утвердить избранных лиц.

Повторное баллотирование указанных лиц исключалось. Если и после последующих выборов уже новым избранным лицам было отказано в утверждении, вакантные должности замещались путём назначения [8, с. 315].

Разрешение губернатора было необходимо и для замещения какой-либо другой должности в городском самоуправлении.

Создание других исполнительных органов (исполнительных комиссий) также было под пристальным контролем губернской администрации.

Комиссии преимущественно состояли из гласных дум, иногда из избирателей, и имели временный или постоянный характер. Наиболее распространённые среди них: оценочная, мостовая, строительная, финансово-ревизионная, санитарная, просветительская (занималась опекой муниципальных учебных заведений).

Были и узкоспециализированные, которые формировались для исполнения определённых конкретных заданий, например, для разработки мер относительно улучшения освещения городских улиц, сбора пожертвований на пользу безработных и поиска для них работы или надзора за надлежащим состоянием городских скверов, бульваров, садов.

Все указанные комиссии хотя и были созданы думой, но подчинялись управе (такому, как и они, исполнительному органу).

Администрирование бюрократического аппарата относительно городских дум как метод контроля их деятельности закреплялось в новом положении.

Так, права голов расширились: теперь голова мог в случае несогласия снимать включённые в повестку дня заседания думы вопросы. Раньше для этого было необходимо согласие думы.

Дума также была лишена права отдать членов управы за нарушение законности под суд. Подобное решение теперь зависело от определения губернского в земских и городских делах присутствия, а фактически от губернатора, который мог

привлекать городских голов и членов управы и к дисциплинарной ответственности (ст. 147, 148).

Такой порядок ставил должностных лиц городского управления в большую зависимость от администрации, чем от думы. Поскольку статус думы выше, чем управы, последняя избиралась думой и отчитывалась перед ней, поэтому именно перед думой управа и должна была отвечать за свои действия.

По этому поводу известный учёный А.Г. Михайловский писал, что думе необходимо вернуть право отдавать членов управы под суд с временным увольнением с должности, и тогда думе будет обеспечена реальная власть над управой [10, с. 65].

Городская дума, по сути, стала органом, который отражал интересы небольшого слоя наиболее богатых людей города. Городское управление, как оценивал его А.Г. Михайловский в 1908 г., в совокупности превратилось в полубюрократическое, лишённое самостоятельности, суженное в своей компетенции, поставленное под строгий административный надзор и которое было представителем взглядов и интересов не всего городского населения, а только наиболее богатых горожан-собственников [10, с. 67].

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Если рассматривать городское общественное управление 90-х годов XX столетия в России и все его учреждения с учётом предоставленных им Положением 1892 г. функций и степени разделения последних, то необходимо обратиться к ст. 62, в которой сказано, что «...к числу предметов ведомства общественного управления думе принадлежит общая распорядительная власть» [8, с. 140].

Однако хотя дума и осталась центром городского управления, на практике же «общая распорядительная власть» оказалась не такой уже и большой, а политика давления администрации в скором времени сделала ее практически номинальной.

Это же можно сказать и о руководстве городского самоуправления, которое было поставлено под жесткий контроль со стороны власти.

Таким образом, на рубеже веков самодержавие вплотную приблизилось к осуществлению целей, поставленных ещё на заре реформ, т.е. к полному контролю и подчинению своей власти практически всех сфер жизни страны, в том числе общественного управления. Но дальнейшие действия (революция 1905-1907 годов) не дали довести это дело до конца.

Список использованных источников

1. Градовский А.Д. Собрание сочинений А.Д. Градовского: Т. 1-9. – СПб., 1899-1908 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/23225-t-2-istoriya-mestnogo-upravleniya-v-rossii-uezd-moskovskogo-gosudarstva-1899>. – (Дата обращения: 30.09.2020).

2. Коркунов Н.М. Лекции по энциклопедии права, читанные проф. СПб. университета Н.М. Коркуновым в 1879/80 акад. году. – СПб.: Лит. Пазовского, 1880. – 232 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003610801#?page=1>. – (Дата обращения: 30.09.2020).

3. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX века: правительственная политика / В.А. Нардова, под ред. Р.Ш. Ганелина. – Л., 1984. – 260 с.

4. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция 80-х – начала 90-х годов / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1970. – 446 с.

5. Куликов В.В. Местное самоуправление и административный надзор: исторический опыт земства / В.В. Куликов // Журнал российского права. – 2000. – № 9. – С. 142-153.

6. Медушевский А.Н. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России / А.Н. Медушевский // Реформы и реформаторы в истории России. – М., 1996. – 205 с.

7. Полное собрание законов (далее – ПСЗ) Российской империи. Собр. 3. Т. 45. Отд. I-II. 1870 г. № 47862-49097. – СПб., 1874. – 611 с.

8. Полное собрание законов (далее – ПСЗ) Российской империи. Собр. 6. Т. 12. № 8708. – СПб., 1892. – 599 с.

9. Шрейдер Г.И. Наше городское общественное управление: этюды, очерки и заметки. Т. 1 / Г.И. Шрейдер. – СПб., 1902. – VII. – 337 с.

10. Михайловский А.Г. Реформа городского самоуправления в России: практическое пособие / А.Г. Михайловский. – М.: Книгоиздательство «Польза» В. Антик и К°, 1908. – 110 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=99812>. – (Дата обращения: 30.10.2020).

УДК 34:658.62(1-82)

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УКАЗАНИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

МЕЛЬНИЧЕНКО Ю.С.,

канд. юрид. наук, доцент кафедры
хозяйственного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с определением в правовой науке понятий географического указания и наименования мест происхождения товара, а также положений, определяющих правовой режим географических указаний в Донецкой Народной Республике. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования географических указаний в Российской Федерации.

Ключевые слова: географическое указание, наименование места происхождения товара, исключительное право использования географического указания, субъект исключительного права на использование географического указания, защита права на использование географического указания.

The article is devoted to the consideration of issues related to the definition in legal science of the concepts of geographical indications and names of places of origin of goods, protection of geographical indications, as well as provisions defining the legal regime of geographical indications in the Donetsk people's Republic. Special attention is paid to the legal regulation of geographical indications in the Russian Federation.

***Keywords:** geographical indication, appellation of origin of goods, the exclusive right to use the geographical indication, subject of the exclusive right to use the geographical indication, protection of the right to use the geographical indication.*

Постановка задачи. На сегодняшний день вопросы, связанные с правовым регулированием интеллектуальной собственности, в частности, с правовым режимом географических указаний, правом на использование географических указаний и правовой охраной географических указаний, в Донецкой Народной Республике остаются неурегулированными.

Вопросы, связанные с правовым режимом и правовой охраной географических указаний, были предметом исследования многих учёных, таких как Боденхаузен Г., Горленко С.А., Орлова В.В., Соколова М.Н. и другие.

Актуальность данной статьи заключается в необходимости разработки правовых механизмов (принятия соответствующего закона) регулирования отношений, связанных с использованием географического указания, установлением порядка осуществления и защиты такого права.

Целью статьи является изучение и анализ правового режима географических указаний, охраны географических указаний в Донецкой Народной Республике, а также изучение вопросов правового регулирования географических указаний в законодательстве Российской Федерации.

На сегодняшний день в экономической сфере Донецкой Народной Республики происходят изменения, которые вызывают потребность разработки правовых механизмов регулирования отношений, связанных с использованием и охраной прав на географическое указание как способ индивидуализации субъектов гражданско-правового оборота.

Целесообразность разработки соответствующей нормативной базы, которая будет устанавливать и регулировать правовой режим охраны права на использование географических указаний, а также практические вопросы использования и защиты прав субъектов, обуславливается необходимостью согласования законодательства Донецкой Народной Республики с законодательством Российской Федерации и с международно-правовыми нормами в области охраны прав на результаты

интеллектуальной, творческой деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации.

Следует отметить, что законодательства многих стран закрепляют и регулируют вопросы правовых механизмов использования географического указания как объекта интеллектуальной собственности. Кроме того, географическое указание оказывает существенное влияние на уровень продаж того или иного товара, так как покупатель обладает информацией касательно места, где этот товар приобрел только ему присущие качества и характеристики. А как известно, качества того или иного товара влияют на повышение его конкурентоспособности как внутри страны, так и за её пределами.

В настоящее время в Республике еще не выстроена до конца система гражданского права, поэтому в ДНР действует Гражданский Кодекс Украины. Так, согласно статье 501 ГК право интеллектуальной собственности на географическое указание возникает с даты государственной регистрации этого права, если иное не установлено законом. Объем правовой охраны географического указания определяется характеристиками товара (услуги) и пределами географического места его (ее) происхождения, зафиксированными государственной регистрацией права интеллектуальной собственности на географическое указание.

Субъектами права интеллектуальной собственности на географическое указание являются производители товаров, ассоциации потребителей, другие лица, определенные законом [1, с.147].

Статья 503 ГК устанавливает, что существуют следующие права интеллектуальной собственности на географическое указание: 1) право на признание обозначение товара (услуги) географическим указанием; 2) право на использование географического указания; 3) право препятствовать неправомерному использованию географического указания, в том числе запрещать такое использование.

Права интеллектуальной собственности на географическое указание, принадлежащие отдельным

субъектам права интеллектуальной собственности на географическое указание, устанавливаются законом.

Нормы статьи 504 ГК предусматривают, что право интеллектуальной собственности на географическое указание является действующим с даты, следующей за датой государственной регистрации, и охраняется бессрочно при условии сохранения характеристик товара (услуги), обозначенных этим указанием [1, с. 147].

Правовые основы охраны прав на указание происхождения товаров, а также отношения, возникающие в связи с их приобретением, использованием и защитой, в Украине регулировал Закон «Об охране прав на указание происхождения товаров» от 16.06.1999 г.

В условиях формирования в Донецкой Народной Республике основ правового государства, осуществления экономического развития необходимо принять закон, который бы регулировал положения, определяющие правовой режим географических указаний.

Географическое указание – это обозначение, используемое на товарах, которое имеет определённое географическое происхождение и обладает свойствами, репутацией или характерными особенностями, обусловленными преимущественно этим местом происхождения.

Чаще всего географическое указание включает название места происхождения товаров. Например, сельскохозяйственные продукты обычно имеют качества, которые определяются местом их производства и на которые влияют конкретные местные факторы, такие как климат и почва. Кроме того, основными предпосылками возникновения особых характеристик товара являются и специфические природные условия, в которых он сделан, а также человеческий фактор, такой как мастерство и традиции. В качестве примера сюда можно отнести «крымские вина», «грузинские вина», «краснодарский чай», «тульский пряник», сыр «Рокфор», сыр «Моцарелла», «адыгейский сыр», «астраханские помидоры», огурец «Луховицкий», «вологодское масло» «шампанское», «коньяк» и др.

Географическое указание может использоваться для обозначения различных продуктов, многие из которых мы используем почти каждый день. Необходимо отметить, что большинство этих объектов интеллектуальной собственности имеют не только региональное, но и национальное и даже международное значение. К ним, например, относятся обозначения сыров: «чеддер» (Великобритания), «фета», «халлуми» (Греция), «пармезан» (Италия); спиртных напитков: «шампанское», «коньяк» (Франция), «портвейн» (Португалия); безалкогольных напитков: «капучино», «латте» (Италия); мясных продуктов: «охотничьи колбаски» (Польша), «салями» (Италия), «шпикачки» (Чехия) и др.

Право на географическое указание предоставляет возможность его обладателям препятствовать использованию указания третьими сторонами, чьи продукты не отвечают применимым стандартам. В то же время охраняемое географическое указание не позволяет правообладателю препятствовать производству продукции другими лицами по технологии, указанной в стандартах для данного указания.

Географическое указание, подобно товарному знаку, несёт определённый сигнал покупателю – оно указывает на то, что продукт или изделие было изготовлено в особом месте, и имеет некоторые характеристики, которые могут быть обнаружены только в этом месте. При рассмотрении географических указаний в качестве категории интеллектуальной собственности важно отличить их от товарных знаков. Так, товарный знак идентифицирует предприятие, которое предлагает на рынок товары и услуги, а географическое указание идентифицирует географический район, которому приписывается данное качество, репутация или другая характеристика продукта. Следует отметить, что географические указания схожи с товарным знаком по своей концепции и могут быть использованы для стимулирования национального экономического развития, а также использоваться в стратегическом плане предприятиями. Кроме того, географические указания являются национальным достоянием каждой страны.

Географическое указание как объект интеллектуальной собственности уже достаточно давно нашёл закрепление в

законодательстве разных стран и в международных соглашениях, в частности, в Соглашении о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15 апреля 1994 года, а также в Женевском акте Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях от 20 мая 2015 года. Поэтому неудивительно, что законодатели Российской Федерации в 2019 году решили внести в Гражданский Кодекс изменения, связанные с этим объектом интеллектуальной собственности. Также еще одной причиной для нововведений явился тот факт, что на географическое указание, как и на другие объекты интеллектуальной собственности, распространяется принцип территориальности, поэтому целесообразно было ввести такой объект интеллектуальных прав, чтобы упростить процедуру защиты.

Так, с 27 июля 2020 года в России будет действовать Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 230-ФЗ с изменениями в 4-ю часть Гражданского кодекса РФ и ст. 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Данный Закон ввел новый объект интеллектуальных прав, который можно регистрировать – географическое указание [2].

Принятый закон излагает в новой редакции параграф 3 главы 76 части четвертой ГК РФ, давая определение обоим видам средств индивидуализации товара – «географическое указание» и «наименование места происхождения товара», а также указывает конкретные требования к каждому из них. В соответствии с этими требованиями заявитель сможет определить, на охрану какого объекта интеллектуальных прав он может претендовать. Закон устанавливает, что географическим указанием, которому предоставляется правовая охрана, является обозначение, которое позволяет идентифицировать товар как происходящий с территории конкретного географического объекта. Географическим происхождением товара должны в значительной степени определяться: его особое качество, репутация или другие характеристики. И хотя бы одна из стадий

производства, оказывающая существенное влияние на формирование характеристик товара, должна осуществляться на указанной территории, в отличие от наименования места происхождения товара, для которого должны осуществляться все стадии производства товара на указанной территории, т.е. нельзя будет воду, добытую не в Ессентуках, но там разлитую, использовать под этим названием [3].

Так, в Российской Федерации в качестве географического указания можно было бы зарегистрировать, например, калужское тесто, байкальский омуль, камчатский краб, якутские алмазы и др.

Данный Закон предусматривает, что географическое указание признаётся и охраняется в силу государственной регистрации, которая будет осуществляться Роспатентом. Зарегистрировать географическое указание могут один или более граждан, одно или несколько юридических лиц, а также ассоциация (союз) или другие объединения лиц, создание и деятельность которых не противоречат законодательству страны происхождения товара.

Нормы Федерального закона от 26.07.2019 г. № 230-ФЗ устанавливают основания, по которым не допускается использование зарегистрированного географического указания: 1) лицами, не обладающими правом его использования, даже если при этом указывается подлинное место происхождения товара или географическое указание используется в переводе либо в сочетании с такими словами, как «род», «тип», «имитация» и тому подобными; 2) правообладателями в отношении товара, не обладающего заявленными характеристиками, либо произведённого за пределами границ географического объекта; 3) использование сходного с зарегистрированным географическим указанием обозначения для любых товаров, которое способно ввести в заблуждение потребителей относительно места происхождения товара или его характеристик [4].

Географическое указание охраняется в течение всего времени существования возможности производить товар, отвечающий установленным требованиям. Исключительное право на географическое указание действует в течение 10 лет со дня подачи заявки в Роспатент, с возможностью

последующего продления по заявлению правообладателя. Действие исключительного права может прекратиться раньше, если, например, будут утрачены особые характеристики товара.

Кроме того, принятый закон устанавливает, что в качестве товарных знаков не могут быть зарегистрированы обозначения, которые являются сходными до степени смешения с зарегистрированным или поданным на регистрацию географическим указанием. Также и наоборот – не допускается регистрация в качестве географического указания обозначения, которое схоже с товарным знаком. Также следует отметить, что для осуществления регистрации товарного знака нет зависимости свойств товара от местности, должно быть только указание на товар, а не его местность производства или какие-либо характеристики, и это могут быть не только товары, но и работы, услуги. А вот для регистрации географического указания необходимы только товары с указанием особых свойств, которые зависят от географической среды. Исключительное право использования товарного знака, согласно закону, может быть предоставлено только одному правообладателю, а для географического указания это может быть не одно, а несколько лиц, которые производят товары с соответствующими характеристиками.

На наш взгляд, в Донецкой Народной Республике также необходимо принятие закона, который бы устанавливал правовой режим географических указаний, а именно: закреплял понятие географического указания; соотношения между понятиями «географическое указание», «наименование места происхождения товара»; порядок регистрации и стоимость регистрации географического указания; орган, который будет осуществлять государственную регистрацию права на использование географического указания; срок действия прав на географическое указание; вопросы, связанные с гражданско-правовой охраной географического указания; нормы, касающиеся ответственности за незаконное использование географического указания и другие вопросы.

Особое внимание при разработке такого законопроекта нашим законодателям следует обратить на законодательство и опыт Российской Федерации в этой области права.

Таким образом, на сегодняшний день в Донецкой Народной Республике вопросы, связанные с правовым регулированием интеллектуальной собственности, в частности, с правом на географическое указание, остаются неурегулированными. В дальнейшем представляется целесообразным изучение опыта Российской Федерации в этом вопросе и принятие соответствующего закона ДНР, который бы устанавливал и регулировал вопросы, связанные с исключительным правом на использование географического указания, порядка осуществления и защиты этого права.

Список использованных источников

1. Гражданский Кодекс Украины № 435-IV от 16 января 2003 г. (ред. от 13 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meget.kiev.ua/kodeks/grazdanskiy-kodeks/>.

2. Что значит защищённое географическое указание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://buhguru.com/spravka-info/chto-znachit-zashhishhennoe-geograficheskoe-ukazanie.html>.

3. Принят закон о географических указаниях. Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alrf.ru/news/prinyat-zakon-o-geograficheskikh-ukazaniyakh/>.

4. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Закон Российской Федерации от 26.07.2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/72332800/>.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ПРОКОФЬЕВ Н.А.,
преподаватель кафедры
административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;
АБЗАЛОВА Я.А.,
студентка 4 курса,
группа УП-17,
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В статье изложены три различных аспекта, с помощью которых безопасность была расширена для обеспечения концептуальной основы, для последующего анализа воздействия на международное право. Более детально рассматривается влияние расширенной концепции безопасности в отношении четырех различных объектов. Изучаются возможности и проблемы, возникающие в международном праве. Пересматриваются альтернативные подходы безопасности, представленные в прошлом. Оценивается их потенциал как дополнение коллективной безопасности при работе с различными угрозами.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, международная безопасность, безопасность человека, режим безопасности.

The article outlines three different aspects by which security has been expanded to provide a conceptual framework for the subsequent analysis of the impact on international law. The impact of the extended security concept on four different security objects is examined in more detail. The possibilities and problems arising in international law are being studied. Alternative security approaches presented in the past are being reviewed. Their potential is evaluated as an addition to collective security when dealing with various threats.

Keywords: security, national security, international security, human security, security regime.

Постановка задачи. Безопасность является продуктом права, основанного на делегировании власти суверенных государств в коллективное образование, которое предоставляет нормативные основы и средства регулирования поведения суверенных государств и конфликтов между ними.

Коллективная безопасность обеспечивает институционализованные процедуры легализации коллективного ответа, разработанного для решения традиционных военных угроз, с целью поддержания международного мира и безопасности.

Тем не менее проблемы суверенной коллективной безопасности возникли после окончания холодной войны из-за разнообразия угроз безопасности, роста транснациональных проблем безопасности, усиления роли негосударственных субъектов и предполагаемых неэффективных существующих международных соглашений в ответ на динамическую безопасность.

Анализ последних исследований и публикаций. Ознакомившись с литературными источниками, было выявлено, что разработки, проводимые в данной области, актуальны и перспективны, но на практике были проведены в неполном объеме. Это способствует дальнейшему развитию данной проблематики, а также поиску и внедрению новейших разработок в ближайшем будущем. Данный вопрос поднимался в трудах таких исследователей, как Лукашук И.И., Ромашкина Н.П., Масалович А.И., Стрельцов А.А., Ковалев В.И., Федорова А.В., Цыгичко В.Н. и др.

Актуальность. Данная проблема актуальна и будет актуальна в последующие годы, так как для каждого государства в первую очередь важна безопасность и целостность его территориальных границ. Ежедневно в международном праве возникают новые проблемы, которые требуют внесения изменений в существующие концепции безопасности.

Цель статьи: проанализировать концепцию безопасности, воздействующую на международное право в отношении четырех различных объектов безопасности: национальной, международной; безопасности человека, режима безопасности.

Изложение основного материала исследования. Традиционный взгляд на безопасность определяется в военных терминах, причем в основном сосредотачивается на защите государства от угроз национальных интересов. Таким образом, когда Ганс Келсен опубликовал «Коллективную безопасность в соответствии с международным правом» в 1957 году, он ограничил область своего исследования защитой людей от

использования силы других [1]. Это было неразрывно связано с национальной безопасностью, то есть защитой территории от внешних военных угроз и нападений, которая была признана окончательным смыслом суверенных государств. Однако такое традиционное понятие безопасности определено в контексте национального выживания, физической защиты государственной территории и военной мощи.

Традиционно национальная безопасность ориентирована на физическую защиту территории государства от военных нападений.

Тем не менее проблемы национальной безопасности также диверсифицированы, они отражают больше современные, острые общественные проблемы, которые представляют большую угрозу для групп людей.

Существует развитая концепция национальной безопасности проблемы толкования и применения существующих норм и правил международного права в отношении нетрадиционных угроз безопасности.

Участие государства поставило под сомнение традиционное понимание того, что право на самооборону может быть реализовано только в случае вооруженного нападения одного государства на другое.

Защита от смутно определённых угроз опасна тем, что она может быть использована для искажения безопасности и оправдания государств, отступающих от своих международно-правовых обязательств, особенно тех, которые защищают людей и права человека.

Показательна мировая война против терроризма. После террористических актов 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне Соединенные Штаты Америки перешли черту вопреки их законным обязательствам по Женевским конвенциям, по обращению с задержанными «Аль-Каиды» [2]. Другие штаты также последовали их примеру, приняли крайние меры по борьбе с терроризмом, несмотря на права человека.

Мнение о том, что основные права человека и ценности должны быть сбалансированы и согласованы с национальной безопасностью впоследствии получили поддержку.

Система коллективной безопасности ООН мало что сделала для обеспечения национальной безопасности.

Меры соответствовали существующим нормам международного права. В качестве правовой платформы состоялось принятие Советом Безопасности Резолюции 1373 от 28 сентября 2001 года (в которой говорится, что терроризм противоречит целям и принципам ООН) [2].

Хотя резолюция 1373 может рассматриваться как согласованный на международном уровне ответ на «общее восприятие опасности не только для отдельных государств, но и для системы мирового общественного порядка», резолюция оставила государствам широкие возможности пользования ею для принятия мер по обеспечению чрезвычайной национальной безопасности во имя борьбы с терроризмом.

Другим примером является более жесткий пограничный контроль в отношении лиц, ищущих убежища. Австралийской государственной политикой использовался иммиграционный контроль, как метод борьбы с мигрантами, которые подозревались в связи с террористами. Их отправляли обратно в свои страны, несмотря на возможность преследования или жестокого обращения.

Идея международной безопасности развивалась через развитие системы коллективной безопасности, особенно под руководством ООН.

Ключ к этому развитию лежит в концепции угрозы миру, разрушению мира и акта агрессии в соответствии со статьей 39 Устава ООН [2, 3].

Можно было бы считать, что такая практика просто отражает более широкое понимание Совета Безопасности. В 2000 году Совет Безопасности обсудил влияние ВИЧ/СПИДа на мир и безопасность в Африке под председательством в Совете вице-президента США Эла Гора [2].

Это был первый случай, когда Совет Безопасности рассмотрел вопрос проблемы безопасности. В 2007 году правительство Великобритании распространило концептуальный документ как основу для открытых прений в Совете Безопасности, который изучал взаимосвязь между энергией, безопасностью и климатом.

На сегодняшний день нетрадиционные угрозы безопасности, такие как угрозы общественному здравоохранению, деградация окружающей среды и изменение

климата, должны быть учтены в рамках компетенции Совета Безопасности путём подробного прочтения его мандата на поддержание международного мира и безопасности.

Человеческая безопасность – это ориентированный на человека или людей многоотраслевой подход к безопасности, что означает защиту людей от критических и всепроникающих угроз и ситуаций, а также расширение возможностей людей путём согласованных усилий по разработке норм, процессов и учреждений, которые систематически решают проблемы с безопасностью.

Петер Харф, например, понимает человеческий подход к безопасности как «более широкий» и «углубляющий» в отношении традиционной узкой концепции безопасности, предполагающей, что референтный объект включает в себя не только сообщества и группы, а также отдельные лица, будь то правительство, министры или частные лица, которые могут дать ход секьюритизации.

Несмотря на противоречивые аспекты безопасности человека, нет сомнений в том, что новая концепция проложила путь к сдвигу в центр внимания различных вопросов безопасности.

Сдвиг является значительным, например, в дискурсе экологической безопасности, учитывая, что многие экологические проблемы являются глобальными, последствия деградации окружающей среды обычно наблюдаются и ощущаются на местном или региональном уровнях.

Советник президента США по национальной безопасности Роберт О'Брайен указывает на такой потенциал человеческой безопасности, который требует учёта соразмерности в соответствии с международным гуманитарным правом. Это делается с целью, чтобы продемонстрировать, что законная военная цель может быть достигнута другими средствами, а не просто жертвами несоразмерной военной цели [3].

С другой стороны, понятие безопасности человека создаёт проблемы для функционирования механизма коллективной безопасности ООН.

Совет Безопасности в последнее время более активно заявляет о своей готовности принять человека, когда речь идет, например, о детях в вооружённом конфликте, женщинах, мире и

безопасности, а также защите гражданского населения в более общем плане.

Однако практика Совета Безопасности по развёртыванию миротворческих сил (как часть традиционных мер коллективной безопасности) с мандатом на защиту гражданских лиц вызвала нормативные, оперативные и этические дилеммы. Вероятно, что безопасности международного режима угрожают меры, принятые государством, преследующим новую или усиленную повестку дня национальной безопасности.

Ярким примером режима, который рассматривается в свете его собственной безопасности, является международный экономический режим.

Хотя связь между безопасностью и международной экономикой уже обсуждалась во время холодной войны, экономика становилась новой проблемой безопасности сама по себе, из-за высокого уровня экономической взаимозависимости, которая подвергает государства внешнему экономическому воздействию.

Вызывает беспокойство конкуренция среди экономических сверхдержав, таких как США, Япония, и развивающийся европейский блок (ЕЭС, ЕС), который воспринимается представляющим большую угрозу национальной экономической безопасности в каждом государстве, особенно когда во внешнеэкономической политике участвует агрессивное правительство, поддерживающее защиту отечественных производителей от иностранных конкурентов.

Режим безопасности ООН, как следствие, не обеспечивает прочную правовую основу для компенсации дефицита легитимности в расширенной деятельности Совета Безопасности.

Практика Совета Безопасности способна эффективно реагировать на расширение концепции безопасности ограничений, поскольку её институциональная компетенция основана на традиционной концепции международной безопасности – физическая защита суверенных государств от внешних военных атак в общих интересах международного сообщества.

Хотя его институциональное развитие должно в определённой степени учитывать больший спектр угроз

безопасности, таких как внутреннее вооруженное насилие и транснациональные террористические угрозы.

Роль Совета Безопасности в коллективной безопасности не всегда обеспечивает решение нетрадиционных проблем безопасности.

Альтернативные механизмы безопасности, дополняющие меры коллективной безопасности, не чужды дискурсу безопасности в международных отношениях.

Идея «общей безопасности» появилась в 1980-х годах, чтобы укрепить доверие среди государств и содействовать разоружению.

Хотя идея была изначально предназначена для решения проблем, односторонние меры национальной безопасности могут сохранить свою ценность для сдерживания односторонних попыток устранения политических, экономических, социальных и экологических условий, которые создают угрозы международной безопасности в целом.

Односторонние ответы на нетрадиционные угрозы международной безопасности не могут быть связаны только с нарушением международно-правовых обязательств, они также представляют угрозу для безопасности человека или безопасности международно-правового режима.

Общая безопасность, которая подчёркивает общую заинтересованность в поддержании международной безопасности, совместной безопасности, признает, что каждое государство имеет равное право на безопасность и включает в себя соперничество и напряжённость в качестве основы для построения политического диалога.

Концепция совместной безопасности особенно актуальна для конкуренции и напряжённости в связи с получением доступа к энергии и природным ресурсам, для которых многосторонние учреждения могут играть наиболее эффективную роль.

Совместная безопасность обеспечивает нормативную базу для облегчения интеграции в институциональном диалоге, о том, как государства могут сотрудничать в реагировании на конкурирующие вопросы национальной безопасности.

Иллюстративные примеры включают создание Мадридского протокола по содействию Антарктике, как природного заповедника, из которых можно рассматривать

ответы на потенциальные угрозы безопасности энергии, режима и окружающей обстановки.

В глубоком морском дне и Антарктиде, где природные ресурсы оставались недоступными для коммерческой эксплуатации, национальные интересы, связанные с повышением безопасности ресурсов, были отложены в пользу создания международно-правового режима.

Такое упреждающее регулирование служит цели предотвращения жёсткой конкуренции между развитыми государствами в использовании природных ресурсов, в соответствии с интересами национальной безопасности. Тем не менее различные внешние факторы, такие как технологическое развитие, изменение климата и глобальные энергетические потребности, могут угрожать безопасности международных юридических организаций [5, с. 13].

Все эти альтернативные подходы к безопасности происходят от биполярной холодной войны. Тем не менее стоит рассмотреть эти альтернативные подходы как концептуальные и нормативные основы для обеспечения коллективной безопасности, противостояния нетрадиционным угрозам безопасности с точки зрения объектов безопасности. Эти альтернативные подходы безопасности могут быть изучены без оспаривания или вмешательства в полномочия Совета Безопасности.

Эти альтернативные подходы к безопасности всё ещё находятся на начальной стадии развития, но имеют потенциал дальнейшего развития в более широком диапазоне институциональных форм, поскольку, в отличие от механизмов коллективной безопасности, они включают более децентрализованные, динамичные процессы принятия решений. В дальнейшем разработка этих альтернативных подходов безопасности в различных институциональных практиках может противостоять различным угрозам безопасности без необходимости расширения границ системы коллективной безопасности ООН.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Концепция безопасности расширилась особенно после окончания холодной войны с точки зрения объектов

безопасности, так и угроз безопасности. Например, изменение климата, технологическое развитие, спрос на ресурсы, рост заботы об окружающей среде и рост дублирующих правовых режимов, все факторы, которые потенциально могут вызывать проблемы безопасности. Хоть и расширение концепции безопасности можно рассматривать как политический ответ для решения этих новых задач.

Механизм коллективной безопасности ООН, установленный в конце второй мировой войны, обеспечивает узаконенный процесс легализации коллективных решений для принятия крайних мер безопасности против традиционных военных угроз суверенитета и территориальной целостности государств в общих интересах международного сообщества.

Таким образом, необходимо решать нетрадиционные проблемы безопасности всесторонне, без уменьшения юридических обязательств и ограничений или выхода за пределы международно-правовой базы.

С этой целью были пересмотрены альтернативные подходы к поддержанию безопасности, возникшей в период холодной войны.

Идея общей безопасности, совместной безопасности и комплексной безопасности может иметь потенциал для обеспечения концептуальной и нормативной основы к дополнению коллективной безопасности, в борьбе с нетрадиционными угрозами с точки зрения различных объектов безопасности.

Список использованных источников

1. Защита критически важных объектов инфраструктуры от террористических атак: сб. передового опыта // Сетевая словесность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2019/07/RUS-compendium-final.pdf>.

2. Лукашук И.И. Международное право/ И.И. Лукашук // Москва. – 2015. – № 3. – С. 136-213.

3. Международное право и проблема обеспечения международной безопасности // Сетевая словесность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1167>.

4. Ромашкина Н.П. Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях / Н.П. Ромашкина // ИМЭМО РАН. – 2016. – № 1. – С. 33-54.

5. Федорова А.В. Информационные вызовы национальной и международной безопасности / А.В. Федорова. – М.: ПИР-Центр, 2011. – С. 16-56.

УДК 349.2

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ ПО ТРУДОВОМУ ДОГОВОРУ

ПРОКОФЬЕВ Н.А.,
преподаватель кафедры
административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;
МОРГУН В.В.,
студентка 4 курса,
группа ЮР-17-2,
ГОУ ВПО
«ДонАУиГС»

В статье рассматриваются проблемы, которые касаются закрепления положений о материальной ответственности в трудовых договорах. В статье отмечается, что обязательное закрепление в трудовых договорах норм о материальной ответственности является требованием сегодняшнего дня. Указано, что законодательство, которое сейчас регулирует порядок и условия заключения трудовых договоров с материально ответственными лицами, требует изменений, определены направления совершенствования трудовых договоров с материально ответственными лицами.

Ключевые слова: *трудовой договор, материальная ответственность, условия договора, стороны трудового договора.*

The article discusses the problems that relate to the consolidation of provisions on material responsibility in labor contracts. The article notes that the mandatory consolidation of norms on material liability in labor contracts is a requirement of today. It is indicated that the legislation that now regulates the

procedure and conditions for concluding labor contracts with financially responsible persons requires changes, directions for improving labor contracts with financially responsible persons are determined.

Keywords: *labor contract, material responsibility, terms of the contract, parties to the labor contract.*

Постановка задачи. Современная экономическая ситуация в Донецкой Народной Республике выдвигает одну из основных задач: обеспечение сохранности имущества работодателя, которое является материально-технической базой производственной деятельности.

Эффективность выполнения этой задачи во многом зависит от сотрудников, которые непосредственно обеспечивают движение денежных и материальных ценностей в организации.

Речь идет прежде всего о материально ответственных лицах, для которых трудовым законодательством предусмотрены наряду с общими обязанностями особые трудовые обязанности, включая дополнительную обязанность в части материальной ответственности за необеспечение сохранности имущества и других ценностей, переданных им для хранения или для других целей согласно ч. 1 ст. 134 Кодекса законов о труде Украины (далее – КЗоТ) [1].

Безусловно, что обеспечение сохранности имущества и других ценностей должно быть определённым образом гарантировано. В частности, такой гарантией выступает условие о материальной ответственности рабочих, которая включена в текст трудовых договоров.

Анализ последних исследований и публикаций. О материально ответственных лицах как особой категории работников упоминается во многих нормативных правовых актах, судебной и хозяйственной практике, в экономической, бухгалтерской и юридической литературе.

О материальной ответственности речь идет, как правило, когда говорится об обеспечении сохранности собственности работодателя. Данная проблема исследуется в трудах С.Ф. Гуцу, А.М. Короткой, С.В. Омелянчик, С.В. Синенко, Н.М. Хуторян, В.В. Яковлева и др.

Учёные отмечают, что материальную ответственность необходимо рассматривать как обязанность работника

возместить в установленных законом размере и порядке ущерб, причинённый работодателю, с которым он находится в трудовых правоотношениях, противоправным и виновным нарушением своих обязанностей [2].

Актуальность. Материальная ответственность работников реализуется в форме самостоятельных охранительных правоотношений, тесно связанных с трудовыми правоотношениями, но внешне отделенных от них и имеющих особое содержание, которое в процессе реализации приобретает установленную процессуальную форму и проходит определённые стадии.

При этом момент возникновения материальной ответственности работников не совпадает с моментом возникновения охранительных правоотношений [7].

Между тем в научной литературе фактически не рассматриваются вопросы, связанные с особенностями заключения трудовых договоров с такими лицами, что определяет актуальность данной работы.

Целью данной статьи является рассмотрение проблем, касающихся закрепления положений о материальной ответственности в трудовых договорах.

Изложение основного материала исследования. Надлежащая организация материальной ответственности работников – один из главных факторов обеспечения сохранности имущества работодателя.

Лица, непосредственно обслуживающие материальные и денежные ценности, как уже упоминалось, выполняют широкий круг разнообразных по своему содержанию работ. Общим при этом является то, что в процессе трудовой деятельности в различных по своему профилю и назначению организациях эти работники должны обеспечить полную сохранность вверенных им под отчет материальных ценностей или денежных средств.

Выполнение этой обязанности во многом зависит не только от условий и уровня организации труда, но и от формы материальной ответственности, применяемой в организации на данном участке работы.

Характеризуя материальную ответственность сторон трудового договора, следует обратить внимание на то, что отношения, касающиеся возмещения имущественного ущерба,

причиненного сторонами трудового договора, являются предметом трудового права и регулируются нормами, которые объединены в самостоятельную юридическую конструкцию, которой является правовой институт материальной ответственности сторон трудового договора.

В то же время, когда речь идет о трудовом договоре с лицами, несущими материальную ответственность, то в этой сфере присутствует некоторая неопределенность.

Так, согласно ст. 21 КЗоТ трудовой договор является соглашением между работником и собственником предприятия, учреждения, организации или уполномоченным им органом или физическим лицом.

Понятно, что в тексте договора должны быть определены все его существенные условия, среди которых, по нашему мнению, существенным является условие о материальной ответственности рабочих.

Отметим, что действующий КЗоТ не указывает на те элементы, которые могут быть включены в трудовой договор, в том числе в части материальной ответственности [2].

Анализ научной литературы [3; 4; 6; 8] даёт возможность утверждать, что одно из важнейших условий трудового договора, заключаемого с материально ответственным лицом, является чёткое определение (конкретизация) его трудовой функции.

Поскольку слаженная работа всех работников организации невозможна без установления точной ответственности каждого из них за выполнение определённых, ясно и недвусмысленно очерченных заданий и практических работ.

Согласование и чёткое определение обязанностей в трудовом договоре необходимо как работнику, так и работодателю.

Когда речь идёт о материальной ответственности, то в трудовом договоре должна быть чётко определена форма этой ответственности. КЗоТ определяет виды материальной ответственности, которые должны быть конкретизированы в тексте трудового договора:

- материальная ответственность в пределах среднего месячного заработка;
- полная материальная ответственность;

- материальная ответственность в случаях, когда фактический размер ущерба превышает номинальный размер.

Отметим, что в трудовом договоре условия о материальной ответственности должны быть обоснованы, то есть это условие может применяться к работникам, на которых такая ответственность распространяется согласно их обязанностям.

Круг трудовых обязанностей, выполняемых каждым работником по своей должности, профессии (специальности) с учетом квалификации, определяется квалификационными справочниками, а также разработанными на их основе должностными или техническими инструкциями и положениями, утвержденными работодателем в установленном порядке.

В должностных инструкциях, принятых для материально ответственных лиц, должны быть максимально отражены специфика производства и организация труда на данном рабочем месте, методы работы, формы отчетности и другие.

В должностных инструкциях не следует ограничиваться перечислением в них общих обязанностей, связанных с выполнением работ по приёмке, хранению, обработке, комплектованию, отпуску товарно-материальных ценностей, их продаже и ведению учёта движения ценностей.

Целесообразно выделить особые обязанности каждого материально ответственного лица по сохранности ценностей, переданных ему под отчет, имея в виду, что для этого человека это одно из главных обязанностей по трудовому договору.

В трудовой договор могут быть включены обязательства материально ответственного работника по повышению квалификации, уровня профессионализма и компетенции.

Руководители и специалисты (заведующие складами, базами, отделами, секциями, товароведы и др.) после окончания обучения в соответствующих вузах или средних специальных учебных заведениях не могут, как показывает практика, без специальной дополнительной подготовки выполнять разнообразные функции, возлагаемые на материально ответственных лиц трудовым договором.

В этом деле важную роль должны сыграть отраслевые и межотраслевые учебные заведения (институты, факультеты и др.), повышение квалификации специалистов и руководителей,

различные курсы подготовки и переподготовки государственной службы занятости.

Достигнутое по всем вопросам соглашение между работодателем и работником фиксируется в письменном трудовом договоре.

При приеме на работу лиц, в трудовые обязанности которых входят обязанности по выполнению работ по приёмке, хранению, продаже и т.д. товарно-материальных ценностей и денежных средств, наряду с трудовым договором необходимо заключить письменный договор о полной материальной ответственности согласно ст. 1351 КЗоТ.

В этом и состоит одна из особенностей приёма на работу материально ответственных лиц.

Отметим, что, заключая трудовые договоры с материально ответственными лицами, следует ориентироваться на нормы, изложенные в ст. 1351 КЗоТ, для того чтобы между текстом трудового договора и нормами КЗоТ не возникало противоречий.

Статья 1351 КЗоТ отмечает, что письменные договоры о полной материальной ответственности могут быть заключены предприятием, учреждением, организацией с работниками, которые достигли восемнадцатилетнего возраста [1].

В практике имеют место случаи (особенно в коммерческих организациях), когда индивидуальная материальная ответственность возлагается на работников, которые занимают должности или выполняют работы, не указанные в договоре. Например, в организациях автотранспорта – с водителями автомобилей, механиками, инженерами, в организациях материально-технического обеспечения – с рабочими, обслуживающими средства малой механизации и тому подобное.

Недействительность таких договоров очевидна. Во всех случаях любое условие трудового договора, ухудшающее положение работника по сравнению с трудовым законодательством, признаётся недействительным.

При этом ст. 1351 КЗоТ категорически формулирует правило о допустимости заключения письменных договоров о полной материальной ответственности лишь с работниками, которые занимают должности или выполняют работы,

непосредственно связанные с хранением, обработкой, продажей (отпуском), перевозкой или применением в процессе производства переданных им ценностей. Эти положения необходимо обязательно учитывать, когда речь идёт о заключении трудового договора с лицами, которые несут материальную ответственность.

В то же время на практике существуют случаи, когда работодатель вместо заключения письменного договора о полной индивидуальной материальной ответственности ограничивается указанием в письменном трудовом договоре или приказе о приёме на работу, о том, что работник несёт полную индивидуальную материальную ответственность за сохранность переданных ему под отчёт ценностей.

Такой приказ или указание в трудовом договоре не могут заменить подписанного работником договора о полной индивидуальной материальной ответственности, поскольку заключение такого договора является обязательным условием, что определено законом.

Решая вопрос о возможности возложения на того или иного работника полной индивидуальной материальной ответственности и заключения с ним соответствующего договора, обычно уточняют его трудовую функцию по занимаемой должности или выполняемой работе, конкретизируют объём полномочий, связанных с обслуживанием материальных ценностей.

Если выполнение обязанностей по обслуживанию материальных ценностей или денежных средств является для работника основной трудовой функцией, обусловленной в трудовом договоре, отказ от заключения договора о полной материальной ответственности следует рассматривать как неисполнение трудовых обязанностей со всеми вытекающими из этого последствиями.

Безусловно, что этими рекомендациями не исчерпывается проблема закрепления в трудовых договорах норм относительно материальной ответственности работников, но указанные положения, по нашему мнению, являются принципиальными, что должно способствовать повышению уровня сохранности материальных ценностей, а также обеспечению прав материально ответственных лиц.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). В настоящее время законодательство, регулирующее порядок и условия заключения трудовых договоров с материально ответственными лицами, требует дальнейшего совершенствования. Совершенствование законодательства в этой сфере должно осуществляться в двух направлениях:

1) обязательного закрепления в трудовом договоре условия о материальной ответственности;

2) определение минимального перечня условий, которые могут быть включены в текст трудового договора с материально ответственными лицами.

Эти направления являются перспективными, а приведённые в работе положения могут быть учтены законодателем в процессе определения обязательных условий трудового договора.

Список использованных источников

1. Кодекс законов о труде Украины [Электронный ресурс]: Закон от 10.12.1971 г. – Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/%D0%BA%D0%BF%D0%BF>.

2. Гуцу С.Ф. Материальная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности в трудовом праве / С.Ф. Гуцу // Право и безопасность. – 2011. – № 3. – С. 248-251.

3. Краткая А.М. Совершенствование правового регулирования материальной ответственности в условиях рыночной экономики: автореф. дисс. ... канд. наук / А.М. Краткая. – Харьков, 2003. – 20 с.

4. Омелянчик С.В. Особенности материальной ответственности работника при заключении договора о полной материальной ответственности / С.В. Омелянчик. – 2015. – № 3. – С. 105-110.

5. Синенко С.В. Проблемные аспекты материальной ответственности работников транспорта / С.В. Синенко // Юридический вестник. – 2015. – № 2. – С. 15-19.

6. Хуторян Н.М. Теоретические проблемы материальной ответственности сторон трудовых правоотношений: автореф.

дисс. ... д-ра юрид. наук / Н.М. Хуторян. – Харьков, 2003. – 38 с.

7. Яковлев В.В. Договорная материальная ответственность: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / В.В. Яковлев. – Харьков, 2003. – 20 с.

УДК 347.191.6

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

САЕНКО Б.Е.,

канд. экон. наук, доцент,
заведующий кафедрой
гражданского и

предпринимательского права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;

ЩЕРБАНЬ О.В.,

магистрант кафедры
хозяйственного права

ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В статье отмечены понятия принудительной ликвидации юридического лица, рассматриваются научные подходы к определению исследуемого понятия, анализируются характеристики юридического лица, проводится их классификация в зависимости от оснований принудительной ликвидации.

Ключевые слова: юридическое лицо, классификация юридических лиц, признаки юридического лица, принудительная ликвидация, гражданско-правовая ответственность.

The article highlights the concepts of forced liquidation of a legal entity, examines the scientific approaches to defining the concept under study, analyzes the characteristics of a legal entity, and classifies them depending on the grounds of forced liquidation.

Keywords: legal entity, classification of legal entities, signs of a legal entity, compulsory liquidation, civil liability.

Постановка проблемы. Процесс создания отдельных видов субъектов предпринимательства подробно регламентируется законодательством Донецкой Народной Республики. Однако с точки зрения правового регулирования проблема ликвидации рассматривается более комплексно. Поэтому эта сфера правоотношений должна регулярно корректироваться соответствующим образом, а правовые нормы совершенствоваться.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследования этой проблемы, имеющие не только теоретическое значение, но и практическое, проводили следующие ученые: М.И. Брагинский, А.В. Венедиктов, В.В. Витрянский, Д.И. Мейер, И.С. Самощенко, Г.Ф. Шершеневич и другие.

Актуальность. В современных условиях нестабильной экономической ситуации, когда под влиянием объективных обстоятельств деятельность хозяйствующих субъектов различных организационно-правовых форм с каждым днем в Донецкой Народной Республике прекращается, проблема правильного юридического оформления ликвидации приобретает особое значение. Вместе с этим развитие общественных отношений и многочисленные изменения законодательства Донецкой Народной Республики объективно обосновывают актуальность продолжения научных исследований в этом направлении.

Цель статьи: определение понятия принудительной ликвидации юридического лица, а также уточнение соответствующих понятий в гражданско-правовой доктрине.

Изложение основного материала исследования. Согласно части 1 статьи 69 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода его прав и обязанностей к другим лицам в порядке универсального правопреемства [1]. Определение понятия, закрепленное в действующем законодательстве, «ликвидация юридического лица» не позволяет в полной мере определить его правовую природу, что в свою очередь усложняет задачу определения понятия «принудительная ликвидация юридического лица».

Принудительное прекращение деятельности субъекта хозяйствования возможно только на основаниях, закрепленных в законодательстве. Согласно статьи 38 Закона Украины «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей» от 15.05.2003 г. № 755-IV (в соответствии с Постановлением Совета Министров от 02.06.2014 г. № 9-1 «О применении Законов на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» в части, не противоречащей законодательству Донецкой Народной Республики) юридическое лицо может быть принудительно ликвидировано, если судом принято решение:

- о признании недействительной записи о проведении государственной регистрации в связи с нарушениями закона, допущенными при создании юридического лица, которые не могут быть устранены;

- осуществление деятельности, противоречащей учредительным документам или запрещенной законом;

- несоответствие минимального размера уставного фонда юридического лица требованиям закона;

- непредставление в течение года органам государственной налоговой службы налоговых деклараций, документов финансовой отчетности в соответствии с законом;

- наличие в Едином государственном реестре юридических лиц и физических лиц-предпринимателей записи об отсутствии юридического лица по указанному его местонахождению [5].

Кроме того, следует принимать во внимание еще одно основание прекращения деятельности, утвержденное Постановлением Совета Министров №36-10 от 29 сентября 2014 г. «Об утверждении Порядка государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей» (далее – Порядок), в котором пункт 51 Порядка гласит, что до принятия Закона Донецкой Народной Республики «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей» юридическое лицо, физическое лицо-предприниматель, филиал юридического лица-нерезидента могут быть прекращены по решению Министерства доходов и сборов [8].

В процессе деятельности предприятия может наступить момент, когда оно имеет значительную кредиторскую задолженность обязательства, не хватает средств и имущества для продолжения хозяйственной деятельности, а собственники предприятия не имеют намерений продолжать его деятельность.

Тогда возникает необходимость применения особого случая принудительного прекращения деятельности предприятия – процедуры банкротства. Особенности применения процедуры банкротства регламентированы Законом Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» от 14.05.1992 г. № 2343-ХІІ.

Если стоимость имущества должника-юридического лица, в отношении которого принято решение о ликвидации, недостаточно для удовлетворения требований кредиторов, то такое юридическое лицо ликвидируется в порядке, определенном Законом Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом».

Законом Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом», а именно частью 5 статьи 11 установлено, что в случае возникновения следующих обстоятельств должник обязан обратиться в арбитражный суд с заявлением о возбуждении дела о банкротстве:

- угроза неплатежеспособности – удовлетворение требований одного или нескольких кредиторов приведет к тому, что денежные обязательства должника не смогут быть полностью выполнены перед другими кредиторами;
- во время ликвидации должника не в связи с процедурой банкротства устанавливается невозможность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов;
- в иных случаях, определенных законодательством [4].

В отличие от добровольной ликвидации, банкротство является принудительной ликвидацией на условиях, определенных действующим законодательством. Следует учитывать, что процедура банкротства направлена не только на ликвидацию должника, но и на восстановление его положения. Банкротство, в соответствии с действующим законодательством, следует отличать от уголовно наказуемого фиктивного и преднамеренного банкротства. Банкротство – признанная арбитражным судом неспособность должника восстановить

свою платежеспособность с помощью процедур санации и мирового соглашения и погасить установленные денежные требования кредиторов не иначе как путем применения процедуры ликвидации.

Принудительная ликвидация юридических лиц по основаниям, предусмотренным частью 3 статьи 69 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, является санкцией за нарушение этими лицами соответствующих положений законодательства [1].

В свою очередь, понятие «санкция» рассматривается как нормативное определение мер государственного принуждения, применяемых в случае совершения правонарушения и содержащих его окончательную правовую оценку [2, с. 217]. По мнению М.Х. Фарукшиной и И.С. Самощенко, правовые санкции являются неотъемлемым элементом любого института юридической ответственности [2, с. 354].

О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский отмечают следующее, что юридическая ответственность – это прежде всего санкция за правонарушение, предусмотренное нормой права в случае ее несоблюдения. Иными словами, ответственность – мера принуждения к соблюдению норм права, применяемая государственными органами к тем, кто нарушает эти нормы [3, с. 112]. Таким образом, принудительная ликвидация юридического лица является санкцией, применяемой за правонарушение. Это определение является не полным. Для построения классического определения, которое строится через родовые и видовые различия, необходимо обосновать, к какому виду юридической ответственности относится данный вид санкций. Основными видами ответственности являются гражданско-правовая, уголовная, административная, налоговая и иные.

Учитывая тот факт, что принудительная ликвидация юридического лица в качестве санкции и основания для ее применения предусмотрены в Гражданском кодексе Донецкой Народной Республики, можно сделать вывод, что законодатель относит данное к гражданско-правовой ответственности. Необходимо отметить, что существует и противоположная позиция. А.Н. Баранова считает, что

принудительная ликвидация юридического лица является административно-правовой санкцией [6, с. 521]. Для обоснования такой позиции автор приводит признаки, подчеркивающие публичный характер данного вида ответственности. А именно: в общественных отношениях, с одной стороны, государство всегда участвует как субъект власти. В целях обеспечения и защиты прав граждан действующим законодательством установлен особый порядок применения мер принуждения, а компетенция по их применению возложена на специально уполномоченные органы.

Публично-правовая ответственность также преследует цель наказания правонарушителя, что не характерно для частноправовой ответственности. Публичная ответственность учитывает общественную опасность правонарушения. Публичная ответственность предусмотрена только законодательством, в то время как частная ответственность может быть установлена также договором между сторонами.

Поэтому логично сделать вывод, что принудительная ликвидация юридического лица является одним из видов гражданско-правовой ответственности. В свою очередь, данный вывод позволяет определить принудительную ликвидацию юридического лица как гражданско-правовую санкцию, которая применяется по требованию государственного органа или органа местного самоуправления к юридическому лицу за совершенное правонарушение и влечет его прекращение без передачи его прав и обязанностей другим лицам в порядке универсального правопреемства.

Этот вывод также позволяет уточнить понятие юридического лица. По мнению Петрова И.В., принято различать признаки юридического лица – внутренние свойства, каждое из которых необходимо и все вместе – они достаточны для того, чтобы данное лицо было признано субъектом гражданского права [3, с. 197]. Правовая доктрина традиционно выделяет четыре фундаментальных признака, и все они необходимы для признания организации субъектом гражданского права, то есть юридическим лицом.

К таким признакам относятся: имущественная обособленность, возможность самостоятельно нести гражданско-правовую ответственность, организационное единство и возможность действовать в гражданско-правовых и судебных органах от своего имени.

При рассмотрении понятия принудительной ликвидации юридического лица необходимо обратить внимание на основания применения данной гражданско-правовой санкции. В зависимости от оснований принудительной ликвидации юридические лица могут быть разделены на три группы.

К первой группе относятся юридические лица, осуществляющие реальную предпринимательскую деятельность, но допустившие нарушения в своей деятельности, за которые предусмотрена ответственность в виде принудительной ликвидации. К примеру, в соответствии с частью 4 статьи 109 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, если стоимость чистых активов юридического лица становится меньше установленного законодательством минимального размера уставного капитала, такое общество подлежит ликвидации [1]. В большинстве случаев учредители юридических лиц заинтересованы в продолжении предпринимательской деятельности, поэтому стремятся устранить допущенные нарушения. Соответственно, принудительная ликвидация редко применяется к этим юридическим лицам.

Ко второй группе относятся недействующие юридические лица, фактически прекратившие свою деятельность. Недействующие юридические лица не представляют непосредственной угрозы установленному порядку осуществления хозяйственной деятельности, обеспечивающей соблюдение согласованных интересов личности, общества и государства. Но эти юридические лица несут в себе потенциальную опасность, которая заключается в возможности их следующего использования для совершения различных преступлений.

К третьей группе относятся «фиктивные юридические лица», которые используются для совершения различных видов преступлений, к примеру, для уклонения от уплаты налогов и сборов, незаконного перевода денежных средств,

легализации денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате совершения преступления.

Стоит отметить, что основания для принудительной ликвидации в отношении первых двух групп юридических лиц не вызывают никаких проблем в правоприменительной практике. Однако в настоящее время вопросы, связанные с принудительной ликвидацией «фиктивных юридических лиц», требуют детального научного изучения.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Прекращение деятельности субъекта предпринимательства – это достаточно сложное правовое явление, которое влечет за собой своеобразную «смерть» субъекта предпринимательства.

На современном этапе развития общества прекращение деятельности субъекта предпринимательства не является редкостью: в условиях рыночной экономики многие пробуют свои силы в предпринимательстве, но, понятно, что не все попытки будут успешными. В результате происходит активный процесс естественного ухода с рынка многих субъектов предпринимательства.

Стоит учесть, что применение процедуры банкротства является особым случаем прекращения деятельности предприятий. Банкротство, в соответствии с действующим законодательством, следует отличать от уголовно наказуемого фиктивного и преднамеренного банкротства. Банкротство – признанная арбитражным судом неспособность должника восстановить свою платежеспособность с помощью процедур санации и мирового соглашения и погасить установленные денежные требования кредиторов не иначе как путем применения процедуры ликвидации.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – (Дата обращения: 10.11.2020).

2. Дойников И.В. Актуальные проблемы предпринимательского права: методические материалы для магистрантов и аспирантов / И.В. Дойников. – М.: Юркомпания, 2015. – 517 с.

3. Ершова И.В. Предпринимательское право / И.В. Ершова. – М.: Юриспруденция, 2016. – 368 с.

4. О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом: Закон Украины (в редакции до 11.08.2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2343-12/ed20130811>. – (Дата обращения: 10.11.2020).

5. О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей: Закон Украины (в редакции до 25.04.2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/755-15/ed20140425>. – (Дата обращения: 10.11.2020).

6. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву / О.С. Иоффе. – М.: Юрид. лит., 2016. – 627 с.

7. О применении Законов на территории Донецкой Народной Республики в переходный период (утверждено Советом Министров Донецкой Народной Республики № 9-1 от 02.06.2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-9-1-2014-06-02/>. – (Дата обращения: 10.11.2020).

8. Порядок государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей Донецкой Народной Республики (утвержден Постановлением Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики №36-10 от 29.09.2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0009-36-10-20140929/>. – (Дата обращения: 10.11.2020).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

САСОВ А.В.,

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонУИиГС»;

ВИДЕНИНА И.Д.,

студентка группы ЮР-18-1
факультета юриспруденции
и социальных технологий
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

Статья посвящена определению места и роли принципа состязательности в уголовном процессе, связанного с порядком исследования доказательств сторонами уголовного судопроизводства, а также рассмотрению проблемных вопросов реализации указанного принципа с учётом нормативного и фактического равенства сторон уголовного процесса.

Ключевые слова: принцип, состязательность, доказательства, исследование доказательств, равенство сторон, уголовный процесс.

In this article place and role of adversary principle realization in criminal proceeding, related to evidence sifting by parts of criminal procedure are determined. Author considers problems of this principle realization inclusive legal and factual equal in rights of parties in criminal proceeding.

Key words: principle, adversary, evidence, evidence sifting, equal in rights of parties, criminal proceeding.

Постановка задачи. Характеризуя правовую природу приговора, важно наряду с установлением цели уголовного производства сосредоточить внимание на изучении основополагающих принципов уголовного судопроизводства, влияющих на развитие вынесения справедливого, беспристрастного судебного решения.

Одним из таких принципов является принцип состязательности, предусматривающий равные права сторон уголовного производства на сбор и представление в суд

доказательств, ходатайств, жалоб, а также на реализацию других процессуальных прав.

Состязательность – форма организации судопроизводства, для которой характерны чёткое разграничение функций обвинения, защиты и разрешения дела соответственно между прокурором (частным обвинителем, потерпевшим), обвиняемым, подозреваемым (защитником) и судом (судьей); процессуальное равноправие сторон обвинения и защиты; разбирательство дела путем полемики сторон перед независимым и беспристрастным судом.

Соревновательное построение судебного процесса является гарантией всесторонности и полноты, законности и обоснованности приговора.

Стоит подчеркнуть, что сама по себе состязательность определяет лишь положение сторон в системе уголовно-процессуальных отношений, устанавливает требование относительно объёма прав и обязанностей каждой из категории участников уголовного производства, однако сама по себе она не даёт возможности достичь его цели фактического равенства сторон, которое на сегодня в практике его реализации имеет ряд процессуальных проблем.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы состязательности сквозь призму доказывания и исследования доказательств в теории уголовного процессуального права изучали как отечественные, так и зарубежные учёные, в частности, А.Р. Белкин, Р.С. Белкин, Н.А. Маркуш, М.М. Михеенко, Т.М. Мирошниченко, В.А. Попелюшко, И.Л. Петрухин, Н.Н. Полянский, М.С. Строгович и др.

В то же время, несмотря на наличие значительного массива научных работ по указанным проблемам, остаются нерешёнными ряд актуальных вопросов. В частности, к ним относятся исследования взаимосвязи состязательности и исследования доказательств и их общее влияние на достижение цели уголовного производства в целом, обвинения или оправдания лица по результатам судебного разбирательства.

Целью данной статьи является научный анализ содержания принципа состязательности сквозь призму исследования доказательств в уголовном производстве, а также выяснение проблем его нормативного значения в системе принципов

уголовного судопроизводства, связанных в том числе с проблемами фактического равенства сторон в процессе доказывания.

Изложение основного материала. В процессуальной теории учёные по-разному подходят к трактовке принципов уголовного процесса, в том числе принципа состязательности. Так, О.В. Вишневская, характеризуя этот принцип, считает, что он пронизан гуманизмом, заботой о человеке, его правами и законными интересами. В судебном процессе обвиняемый имеет положение не только субъекта процесса, но и стороны, противостоящей обвинению [3, с. 40].

М.М. Полянский понимает под состязательностью определённый метод поиска истины, который заключается в состязательности сторон, осуществляемой и контролируемой при активном участии суда в рассмотрении дела [4, с. 100].

По мнению М.С. Строговича, которого считают одним из основоположников учения о состязательности сторон в уголовном процессе, принципом состязательности является такое построение судебного разбирательства, в котором обвинение отделено от суда, который решает дело; обвинение и защита осуществляются сторонами, наделёнными равными правами для отстаивания своих позиций и опровержения позиций противоположной стороны, причём обвиняемый (подсудимый) является стороной, пользующейся правом на защиту; суду принадлежит руководство процессом, активное исследование обстоятельств и решение самого дела [5, с. 189].

Несколько подобное толкование даёт И.Л. Петрухин, который понимает под состязательностью такое построение процесса, при котором заинтересованы стороны, то есть как сторона обвинения, так и защиты имеют равные возможности для поиска истины и отстаивания своих утверждений или опровержения утверждений другой стороны. Функции обвинения и защиты отделены от правосудия и расследования. При рассмотрении дела в суде функции обвинения, защиты и решения дела не могут полагаться на один и тот же орган или на одно и то же лицо [2, с. 103].

В законодательстве ДНР принцип состязательности наряду с Конституцией ДНР закреплён в УПК ДНР, согласно которому состязательностью определяется самостоятельное отстаивание

стороной обвинения и стороной защиты их правовых позиций, прав, свобод и законных интересов средствами, предусмотренными этим Кодексом.

Вместе с самостоятельностью также изложены и такие составляющие содержания состязательности, как равенство прав сторон уголовного производства на сбор и представление в суд вещей, документов, других доказательств, ходатайств, жалоб, а также на реализацию других процессуальных прав; невозможность возложения функции государственного обвинения, защиты и судебного разбирательства на один и тот же орган или должностное лицо; определённости направлений деятельности прокурора в уголовном процессе, а также субъектов, которые могут осуществлять защиту; определён особый статус суда, который, следуя объективности и беспристрастности, создаёт необходимые условия для реализации сторонами их процессуальных прав и выполнения процессуальных обязанностей [1].

Комментируя изложенные выше положения, можно прийти к выводу: принцип состязательности и исследования доказательств находятся в определённой диалектической взаимосвязи.

Достаточно широкое толкование исследования доказательств подаёт А.Р. Белкин, который считает «исследование доказательств» обязательным этапом познания объективной действительности и неотъемлемым элементом процесса доказывания, что постоянно сопровождает каждый акт доказывания [6, с. 82].

В целом по своей гносеологической природе закономерность исследования доказательств не отличается от общих закономерностей процесса познания, но имеет следующие специфические черты: отражает не любые изменения среды, а лишь те, которые непосредственно связаны с доказательствами; проявляется в специфических условиях судебного исследования, характеризуется ограниченностью сроками, средствами и кругом лиц, которые принимают в нём участие; отражает специфику методов судебного исследования, в том числе и таких, которые применяются только при исследовании доказательств; отражает своеобразие цели исследования доказательств, совпадающей с целями судебного

исследования в целом и с установлением истины в процессе судопроизводства по конкретным уголовным делам [7, с. 136].

То есть сущность исследования доказательств заключается в познании их смысловой стороны (включая проверку достоверности этого содержания), установлении непротиворечивости собранных доказательств.

Соответственно, можем утверждать, что принципы состязательности и непосредственности исследования доказательств сочетаются в уголовном процессе за реализованную активность сторон защиты и обвинения в исследовании доказательств по делу, которое координирует нелицеприятный и беспристрастный суд.

То есть суд, как участник процесса доказывания, имеет процессуальный статус, отличный от статуса сторон. Он, сохраняя объективность и беспристрастие, создаёт необходимые условия для реализации сторонами их процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей, исследует (оценивает и проверяет) все собранные по делу доказательства как в пользу стороны обвинения, так и в пользу стороны защиты и стремится к достижению истины по делу, тогда как сторона обвинения стремится доказать свою обвинительную позицию, а сторона защиты – её опровергнуть или смягчить [8, с. 186].

Необходимо отметить, что направления деятельности сторон обвинения и защиты в исследовании доказательств обуславливаются предметом доказывания, который, по мнению процессуалистов, состоит из двух взаимосвязанных форм – «предмета обвинения» и «предмета оправдания» [9, с. 193]. Предметом обвинения, в свою очередь, есть факты и обстоятельства уголовного дела.

Противоположные им по юридическому содержанию обстоятельства, которые являются основаниями для закрытия уголовного дела, реабилитируют и оправдывают лицо за отсутствие события, состава преступления и недоказанности участия обвиняемого в его совершении, соответственно, составляют предмет оправдания [7, с. 155].

Деятельность защитника фактически направлена на опровержение предмета обвинения и заключается в выяснении обстоятельств, которые опровергают подозрение или обвинение,

смягчают или исключают уголовную ответственность подозреваемого, обвиняемого.

Содержание того, что именно законодатель включает в понятие «исследование доказательств», отражено в положениях отдельных статей УПК.

Так, УПК ДНР устанавливает: вещественные доказательства осматриваются судом, подаются для ознакомления участникам судебного производства, а в случае необходимости – другим участникам уголовного производства; лица, получившие для ознакомления вещественные доказательства, могут обратить внимание суда на те или иные обстоятельства, связанные с вещью и её осмотром; участники судебного производства имеют право задавать вопросы относительно вещественных доказательств свидетелям, экспертам, специалистам, которые их осматривали [1].

Таким образом, под исследованием доказательств законодатель понимает познавательную деятельность суда, в которой участвуют стороны уголовного производства и которая заключается в их проверке путем использования процессуально предусмотренных инструментов и методов исследования, а именно: объявления, осмотра, предъявления к ознакомлению, воспроизведения и демонстрации.

Учитывая вышеизложенное, реализацию принципа состязательности в процессе сбора доказательств, как составную часть их исследования, целесообразно рассматривать в одновременном сопоставлении предмета обвинения и предмета оправдания, а также сквозь призму обеспеченного права лица на защиту, результатом которого может быть вынесение оправдательного приговора.

В то же время учёные утверждают, что, несмотря на закреплённое равенство прав сторон на сбор и представление в суд вещей, документов, других доказательств, сторона защиты фактически лишена равной возможности по сбору и представлению доказательств.

Согласно УПК ДНР, защитник может лишь инициировать перед следователем, прокурором, следственным судьей проведение следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий с целью получения благоприятной для защиты доказательственной информации [1].

В то же время, по мнению учёных, закреплённое в УПК ДНР право стороны защиты собирать доказательства путём истребования и получения от органов государственной власти, местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, служебных и физических лиц вещей, копий документов, выводов экспертов, выводов ревизий, актов проверок и т. п. в большинстве случаев должным образом не обеспечивается принуждением выполнения [1].

Преимущество стороны обвинения перед стороной защиты выражается и в том, что последняя также частично лишена права осуществлять допрос свидетеля и в досудебном расследовании.

По общему правилу, допрос свидетеля во время досудебного расследования может осуществлять только сторона обвинения, и лишь в исключительных случаях допускается допрос свидетеля другой стороной уголовного производства в ходе досудебного расследования в судебном заседании после обращения с ходатайством к судье о проведении такого допроса.

Незащищённость свидетеля негативно влияет на состязательность сторон в исследовании доказательств, учитывая возможное дальнейшее изменение его процессуального статуса на подозреваемого (обвиняемого).

Также не улучшает состояния состязательности сторон возможность допроса свидетеля при отсутствии стороны защиты, если на момент его проведения ни одному лицу не сообщено о подозрении в уголовном производстве.

С целью устранения указанной коллизии и обеспечения реализации принципа состязательности во время судебного следствия и равноправного участия сторон в исследовании доказательств Н.А. Маркуш предлагает закрепить в законе право свидетеля участвовать в процессе с участием защитника [10, с. 95].

Остаются неравноправными стороны и в вопросе ознакомления с материалами досудебного расследования до его завершения.

Так, согласно УПК ДНР, следователь, прокурор обязаны по ходатайству стороны защиты, потерпевшего, представителя юридического лица, в отношении которого осуществляется производство, предоставить им материалы досудебного

расследования для ознакомления, за исключением материалов о применении мер безопасности в отношении лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, а также тех материалов, ознакомление с которыми на этой стадии уголовного производства может повредить досудебному расследованию [1].

Вывод. Следовательно, законодательно закреплённый принцип состязательности имеет ряд проблем по его практической реализации, которые возникают в процессе исследования доказательств.

Это прежде всего подтверждается и проявляется в закреплённых уголовным процессуальным законом неодинаковых условиях стороны обвинения и защиты в реализации процессуальных механизмов сбора доказательств, именно из-за которых сторона защиты ограничена в реализации её права на получение всех возможных доказательств доказывания невиновности лица, отстаивании своей позиции, защите прав, свобод и законных интересов подзащитного, что в конечном итоге приводит к определённой асимметрии в формировании позиций оправдательного характера в пользу обвинительных. Особенно это ощутимо на стадии досудебного расследования, в котором сторона обвинения имеет соответствующие процессуальные преимущества перед стороной защиты.

Реализации принципа состязательности в исследовании доказательств также препятствует отсутствие процессуальной обязанности стороны обвинения в обеспечении законных требований стороны защиты относительно получения в её распоряжение соответствующей доказательной информации, которая закреплена в источниках доказательств.

В конце концов, принцип состязательности в уголовном процессуальном законодательстве должен не только нормативно, но и фактически закрепить установленную обособленность сторон и их равенство в осуществлении соответствующих допустимых процессуальных действий в отношении доказательств как фактических данных, что в практике уголовного судопроизводства станет надёжным, эффективным инструментом обеспечения объективного и полного исследования доказательств для установления

обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства, как условия достижения его цели.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР от 24.08.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnronline.su/download/240-ihc-ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

2. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография / И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2016. – 192 с.

3. Вишневская О.В. Сущность и значение принципа состязательности в уголовном судопроизводстве / О.В. Вишневская. – М.: Закон и право, 2015. – 195 с.

4. Полянский Н.Н. Вопросы теории уголовного процесса / Н.Н. Полянский; под ред. Д.С. Карева. – М.: Изд-во МГУ, 2016. – 271 с.

5. Строгович М.С. Курс уголовного процесса: в 2-х т / М.С. Строгович. – М.: Наука, 2015. – 468 с.

6. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. – М.: Норма, 2017. – 528 с.

7. Белкин Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: Наука, 2015. – 352 с.

8. Коваль О.М. Право лица на оправдание в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук / Коваль Ольга Михайловна. – К., 2014. – 250 с.

9. Попелюшко В.А. Функция защиты в уголовном судопроизводстве: правовые, теоретические и прикладные проблемы: монография / В.А. Попелюшко. – Острог: Изд-во нац. ун-та «Острожская академия», 2015. – 634 с.

10. Маркуш Н.А. Принцип состязательности в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук / Н.А. Маркуш. – М.: Закон и право, 2015. – 210 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ

САСОВ А.В.,

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонУИиГС»;

БОГОСЛАВСКАЯ К.Э.,

студентка группы ЮР-18-1
факультета юриспруденции
и социальных технологий
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В данной работе рассмотрена одна из самых малоисследованных категорий криминологической науки – последствия преступлений. Несмотря на фундаментальность указанного вопроса, ведь последствия преступлений определяют всю систему борьбы с ними, комплексных разработок в данном отношении крайне мало. Данная статья имеет целью расширение криминологической теории в части классификационных схем последствий преступлений, которое будет способствовать более глубокому пониманию их содержания, механизма образования, даст возможность, реализуя криминологическую политику, выбирать первоочередные, в плане предупредительного воздействия, объекты.

Ключевые слова: последствия преступности, классификация последствий преступности, виды последствий преступности.

This research paper examines one of the most poorly researched categories of criminological science - the consequences of crime. Despite the fundamental nature of this issue, because the consequences of crime determine the entire system of combating it, there are very few complex developments in this regard. This article aims to expand the criminological theory in terms of the classification schemes of the consequences of crime, will contribute to a deeper understanding of their content, the mechanism of formation, and will make it possible, by implementing criminological policy, to choose the priority objects in terms of preventive action.

Keywords: consequences of crime, classification of consequences of crime, types of consequences of crime.

Постановка задачи. Отличительной особенностью современных научных исследований в области уголовного права является повышенный интерес к методологическим, теоретическим и методическим проблемам изучения уголовно-правовых явлений и институтов.

Развитие общества и государства, обновление социально-экономической жизни требуют качественно новых, эффективных подходов к решению проблемы средств упорядочения общественных отношений.

Институт преступления занимает центральное место в уголовном законе, а учение о нем – в науке уголовного права.

В учении о преступлении, а также в судебно-следственной практике одно из центральных мест занимает вопрос последствий преступного посягательства. Это обусловлено тем, что одним из основных условий правильного, точного, эффективного применения уголовного закона на практике, обеспечения соблюдения законности и в первую очередь прав и свобод человека и гражданина выступает установление на стадии предварительного (досудебного) следствия и судебного разбирательства всех признаков состава совершенного преступного деяния.

Среди признаков состава, в зависимости от объекта преступного посягательства, основное место занимают общественно опасные последствия совершенного преступления.

Ущерб (вред), причинённый в результате совершения преступления, в теории уголовного права и судебно-следственной практике выступает в качестве самостоятельного элемента состава преступления. В отдельных видах преступлений (например, имущественных), в материальных составах является основным, обязательным квалифицирующим признаком, по которому идёт отграничение преступных деяний от не являющихся таковыми и без наличия которого нет состава конкретного преступления, а также учитывается при назначении наказания и т.д.

Однако, несмотря на непреходящую актуальность данной проблемы, на современном этапе становления отечественной науки и практики данному вопросу уделяется очень мало внимания. Необходимо, чтобы фундаментальная проблема последствий преступлений была наконец осознана на уровне

государственной политики, которая отличает каждое цивилизованное государство.

Анализ последних исследований и публикаций даёт основания утверждать, что большинство криминологических поисков имеют своим предметом выявление закономерностей влияния социальной действительности на преступность, её состояние, уровень, динамику, структуру, т.е. на количественные и качественные показатели.

Современная криминология уже насчитывает в своём арсенале научный потенциал, посвящённый непосредственно теории последствий преступлений (работы А.Р. Афанасьевой, Н.Н. Бабаева, В.В. Голино, Б. Головкина, А.П. Закалюк, В.Е. Квашиш, Л.В. Кондратюка, А.Г. Кулика, В.В. Лунеева, В.С. Овчинского и др.).

Актуальность. Оценивая направленность современного состояния криминологических исследований в ДНР, приходится и дальше констатировать недостаточный научный интерес к отдельным проблемам фундаментального характера. Несмотря на то, что последствия преступлений определяют всю систему борьбы с ними, они практически никогда системно не изучались и не изучаются.

В контексте криминологического познания корыстной насильственной преступности, Б. Головкин приходит к выводу, что нынешнее состояние криминологических знаний о социальных последствиях преступности далеко не соответствует общественной значимости проблемы и запросам практической деятельности по предупреждению и противодействию этому антиобщественному феномену.

Учёный предполагает, что именно из-за этих обстоятельств проблема не заняла действующее место в криминологической теории, а её разработка застыла где-то на уровне наработок прошлого века [3, с. 106].

Цель статьи заключается в систематизации существующих классификаций последствий преступности, с одновременным формированием авторского видения этой проблемы.

Разработка классификационных схем построения последствий преступлений будет способствовать более глубокому пониманию их содержания, механизма образования,

даст возможность, реализуя криминологическую политику, выбирать первоочередные, в плане предупредительного воздействия, объекты.

Изложение основного материала исследования. Познание проблемы социальных последствий преступлений невозможно без их предварительной классификации, как того требует принцип системности.

Последствия преступлений характеризуются разнообразием, обусловленным численностью общественных отношений, благ, ценностей и интересов, взятых под уголовно-правовую охрану.

Несмотря на это, следует критически оценивать возможность дать их окончательный, исчерпывающий перечень, ведь такого рода задачи априори являются невозможными.

А.Р. Афанасьева справедливо замечает, что проблема систематизации и классификации социальных последствий усложняется:

1) сложностью определения в полном объёме всего комплекса явлений, которые могут и должны быть отнесены к числу социальных последствий насильственной преступности;

2) существованием целого множества различных проявлений вреда, вызываемых преступностью, поскольку в результате преступных насильственных посягательств негативное влияние испытывают едва ли не все разновидности общественных отношений, которые перечислить в полном объёме довольно проблематично;

3) неоднородностью и неоднозначностью механизмов и характера влияния преступности на общественные отношения, что обусловлено, прежде всего, характером и направленностью качественно разнородных преступных посягательств.

Имеются в виду различные виды преступлений, отличающихся формой, содержанием и степенью интенсивности преступных действий, своими масштабами, продолжительностью и т.д. [5, с. 153].

Чётко осознавая такую «перспективность», учёные, тем не менее, не должны избегать попыток сведения последствий преступлений в соответствующие целостные системы, тем самым получив возможность выяснить их актуальность, масштабность и продолжительность, чётко определить уровни

проявления, очевидность или скрытность от социального контроля, прогнозирования и др.

Б. Холст отличает экономические (их ещё можно выразить через определённый материальный, денежный эквивалент) и социальные (создающие климат, благоприятный для дальнейших проявлений социальной патологии или обесценивающие общественные ценности) последствия преступности.

По его мнению, подобная градация позволит провести более дифференцированный анализ последствий преступности, их измерение и осуществить оценку их влияния на общественную жизнь. Экономическими последствиями преступлений являются:

- 1) убытки, прямо или косвенно вызванные преступной деятельностью и особенно имущественными преступлениями;
- 2) утраченная материальная выгода;
- 3) расходы, связанные с содержанием правоохранительных органов, включая расходы на борьбу с криминогенными явлениями и их предотвращением;
- 4) расходы на ликвидацию последствий уже совершённых преступлений [6, с. 83].

Представляется, что корректнее было бы говорить о социально-экономических и других последствиях преступлений социального содержания, ведь любые последствия этого неотъемлемого элемента общественной жизни и «резонатора» общественных процессов были, есть и будут находиться в рамках нашего социума.

Своеобразно к проблеме последствий преступности подошли Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский. Учёные рассматривают криминальное поведение в биологической, экономической, демографической, социальной, политической, морально-этической системах координат, группируя их в трёхмерном пространстве: биологическом, психологическом и духовном уровнях бытия [7, с. 10; с. 228-256].

Концептуально они выходят за рамки социальных последствий преступлений в самом широком смысле этого слова, дифференцируя «цену» преступности на «цену» уголовной экспансии, агрессии и обмана.

Классифицируя уголовные последствия преступлений по содержанию (характеру), учёные выделяют: моральные, психологические, физические, материальные (экономические), политические, военные, технические (В.В. Лунеев); физические, психические, моральные, информационные, экономические, экологические, политические, организационные и др. (Р.А. Сабитов).

В зависимости от связи с преступной деятельностью уголовные последствия преступлений могут быть: ближние и отдалённые, прямые и косвенные, прямые и побочные, закреплённые в составах преступлений и не закреплённые [8, с. 45].

Исследуя социальные последствия насильственной преступности, А.Р. Афанасьева в их совокупности допускает выделение: 1) прямых и косвенных или непосредственных и опосредованных; 2) основных и побочных; 3) одномоментных и продолжающихся; 4) вычислительных и не в денежном эквиваленте; 5) ближних и отдалённых; кратко- и долгосрочных последствий; 6) включённых в состав преступлений и не включённых, соответственно, тех, которые имеют уголовно-правовое или исключительно криминологическое значение [9, с. 156-157].

Социальные последствия корыстной насильственной преступности, учитывая характер негативных системно-структурных изменений, Б. Головкин считает целесообразным разделить на три больших блока: социально-экономические, социокультурные, социально-психологические [10, с. 114-117].

Социально-экономические последствия преступлений включают прямые и косвенные убытки от функционирования преступности в целом и корыстной насильственной преступности в частности (первичные – доля вторичного в результате преступных проявлений национального богатства, вынужденные многомиллионные расходы населения, предприятий, учреждений, организаций различных форм собственности на систему технической защиты товарно-материальных ценностей, покупку гражданами средств индивидуальной защиты, медицинские расходы на восстановление здоровья пострадавших, оплату ритуальных услуг, многочисленные социальные выплаты и компенсации

инвалидам и иждивенцам убитых граждан; вторичные – нелегальные рынки труда в городских агломерациях, торговля оружием и спецсредствами, наркотическими веществами и психотропными средствами, сформированный рынок незаконных услуг).

Социокультурные последствия в современных условиях находят свое проявление в подрыве культурно сложившейся иерархии социальных ценностей, рационализации корыстного насилия в информационном пространстве, стремительном распространении культуры корыстного насилия в молодежной среде, пропаганде идеи выгоды корыстного насилия среди маргинализированных слоёв населения. Среди социально-психологических последствий корыстно-насильственной преступности прежде всего следует выделять негативные изменения общественного сознания, вызванные страхом перед ней; адаптацию социальных групп, отдельных сообществ населения к её функционированию и развитию, следствием чего является привыкание людей к данным социальным фактам; существование контингента преступников, носителей преступного опыта, идей и традиций.

Наиболее предметно на проблеме дифференциации последствий преступности остановился Н.Н. Бабаев, предложив следующую классификационную систему [11, с. 20-24]:

- с учетом особенностей механизма воздействия: группы социальных последствий преступности, появление которых:

а) создаёт препятствия к возникновению или тормозит развитию новых положительных явлений, событий, процессов;

б) нейтрализует на время или минимизирует действие существующих положительных факторов;

в) ликвидирует (в отношении отдельного объекта) полностью или частично те или иные социальные ценности, взятые под охрану законом или нормами морали;

г) стимулирует действие существующих негативных явлений, процессов, способствует их развитию, углублению, увеличению масштабов; д) порождает негативные явления, события, процессы;

- в зависимости от оценки криминогенности: криминогенные (т.е. те, которые сами по себе могут играть роль причин или условий совершения новых преступлений) и

некриминогенные социальные последствия преступности (те, которые фактически не способны, в силу разных обстоятельств, претендовать на роль криминогенных факторов);

- в зависимости от характера наносимого ущерба: материальные (физический вред в виде утраченной лицом жизни, здоровья или материальный ущерб в соответствующем денежном или предметном эквиваленте) и нематериальные (личный нематериальный ущерб в виде нарушенных неимущественных прав и интересов граждан, государства, его органам и предприятиям, объединениям);

- в зависимости от уровневого подхода: последствия преступности в целом, определённых категорий преступности (преступлений против собственности или лица), отдельных видов преступности (умышленные убийства, кражи личного имущества граждан);

- в зависимости от социологического критерия: последствия, которые нанесли вред правам и интересам: а) отдельным гражданам; б) различным социальным образованиям; в) социальным институтам; г) обществу в целом.

А.Р. Афанасьева считает необходимым всю совокупность социальных последствий насильственной преступности дифференцировать на последствия, которые возникают в отношении государства, общества, потерпевшего, лица, совершившего преступление, свидетеля и т.д.

По её мнению, такая классификация позволяет определить механизм возникновения последствий, их негативное влияние, основные направления деятельности по предотвращению дальнейших долгосрочных негативных результатов, появляющихся в результате преступления, и компенсации возникшего вреда, а также предотвращению появления преступных результатов при повторном совершении преступления [12, с.111]:

- в зависимости от регионального критерия: последствия, которые проявляют свое значение, соответственно, в масштабах района, города, области, страны, села, экономического района;

- в зависимости от возможности «возвращения к прежнему состоянию», уровня «восстанавливаемости»: возобновляемые (материальный ущерб, отдельные виды незначительного вреда

для здоровья) и не возобновляемые (причинение смерти, уничтожение шедевров живописи);

- в зависимости от их латентности: последствия выявленной преступности и последствия латентной (выявленной, «безнаказанной») преступности.

Предлагаемые учёными классификационные схемы, несмотря на их в большей или меньшей степени детализацию, очевидно, нельзя считать максимально полными в общетеоретическом отношении.

Представляется целесообразным критерий содержания (характера) развить за счёт анализа политических, экономических, социальных и личностных последствий преступлений.

Политические последствия проявляются в двух основных аспектах.

Во-первых, в буквальном смысле этого слова, поскольку преступность отрывает определённую часть граждан от участия в управлении делами общества, отдаляя их от активной общественно-политической жизни.

Во-вторых, самим фактом своего существования последствия преступлений производят вред авторитету государства, усложняют его деятельность (расход времени и усилий на правовое /и не только/ регулирование мер борьбы и предотвращения, раскрытия, расследования преступлений, рассмотрение уголовных дел в судах, реализацию исполнения наказаний).

Экономические последствия заключаются, в первую очередь, в отрыве определённого контингента трудоспособных лиц от процесса производства и неполучения, в окончательном подсчете, конкретной доли совокупного общественного продукта (то, что может быть определено как упущенная выгода).

Сюда следует отнести также расходы на борьбу с преступностью – содержание специального аппарата, реализующего меры борьбы и предотвращения преступлений, расходы на восстановление здоровья пострадавших от преступлений, содержание трудоспособных лиц, которые не вовлечены в общественно полезный труд.

К этой группе следует отнести также снижение дохода семей (в первую очередь тех, в которых лица, пострадавшие от преступления, так и тех, в которых лица, совершившие преступления), поскольку уменьшается совокупный доход и увеличиваются расходы.

Идеологические последствия преступности включают в себя те изменения в общественном сознании, происходящие как непосредственно в результате влияния преступности, так и опосредованно.

Одновременно создаются благоприятные условия для восприятия широкими кругами общества маргинальной идеологии, преступных стереотипов поведения и тому подобное.

К личностным последствиям стоит отнести те негативные изменения, которые происходят в социально-психологических, поведенческих сферах, а также в правовой характеристике личности.

В достаточно общем виде они проявляются в формировании специфической социальной прослойки, так называемой маргинальной среды. В преступных элементах происходит укрепление антисоциальной установки, меняется мотивационная сфера за счёт увеличения доли низких мотивов, деформируются межличностные отношения и индивидуальное правосознание.

К этой же группе последствий относятся и негативные изменения в семейной области лица, происходящие в результате привлечения его к уголовной ответственности.

Региональный аспект, который ограничивается только внутригосударственной территорией, явно не отражает наше стремление стать равноправным партнёром в отношениях с международным сообществом, развивая сотрудничество в политической, экономической, правовой, научно-технической и других областях.

Высокий уровень преступности и, в частности, беспрецедентный уровень коррупции, безусловно, вызовут разнообразного рода последствия для страны на международном уровне, наиболее значимыми из которых стоит считать политико-экономические.

В плане выявления тенденций и закономерностей возможного развития преступности, поведения конкретных лиц

и других криминологических значимых процессов целесообразно выделять не только существующие, но и перспективные (прогнозируемые) последствия преступлений. Продолжающийся вооружённый конфликт на территории нашего государства международного характера выступает мощным фактором обострения криминогенной ситуации вследствие увеличения числа тяжких и особо тяжёлых деликтов, неконтролируемого распространения и использования огнестрельного оружия и боеприпасов, увеличения количества внутренне перемещённых лиц и ослабления соответствующего социального контроля, социально неадаптированных лиц с опытом ведения боевых действий и сопутствующими психологическими проблемами и тому подобное. Этим и другим негативным последствиям присущ длительный характер, они будут иметь место (будем надеяться, что в меньших проявлениях) и после становления ДНР как независимого и самостоятельного государства на международной арене. Криминологические прогнозы последствий различных форм преступного поведения на предмет их дальнейшей динамики должны быть положены в основу формирования и реализации криминологической политики.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Систематизация последствий преступлений, учитывая сложность заявленного процесса, не должна выступать самоцелью, преследуя сугубо теоретический характер.

Потенциал прикладного аспекта должен найти свою реализацию через лучшее понимание содержания, характерных признаков, динамики последствий преступности, что даст возможность рассмотрения, анализа и принятия конкретных выводов и рекомендаций по поводу устранения/минимизации преступного вреда.

В связи с этим необходимо сказать, что последствия преступлений следует классифицировать на политические, экономические, социальные и личностные, чтобы минимизировать характер данных последствий.

В условиях становления Донецкой Народной Республики как правового государства необходимо учитывать, что продолжающийся вооруженный конфликт на территории

нашего государства усугубляет ситуацию с преступностью, а, соответственно, с негативным воздействием преступных деяний на все сферы общества, а также на отдельные личности.

Исходя из этого, существует необходимость в законодательном закреплении методов борьбы конкретно с теми преступными деяниями, которые вызваны вооружённым конфликтом, и, соответственно, их применении на практике.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. – 43 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 20.09.2018 г. – 289 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

3. Головкин Б.Н. Корыстная насильственная преступность в Украине: феномен, детерминация, предупреждение: монография / Б.Н. Головкин. – Х.: Право, 2018. – 432 с.

4. Бабаев М.М. Социальные последствия преступности: методологические и прикладные проблемы / Н.Н. Бабаев, В.Е. Квашиц // Научный портал МВД России. – 2019. – №1 (9). – 12 с.

5. Афанасьева О.Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Афанасьева Ольга Романовна. – Москва, 2014. – 450 с.

6. Холст Б. Криминология. Основные проблемы / Б. Холст. – М.: Юрид. лит., 2016. – 261 с.

7. Кондратюк Л.В. Криминологическое измерение / Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский; под ред. К.К. Горяинова. – М., 2018. – 272 с.

8. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности. / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2019. – № 1. – 56 с.

9. Афанасьева О.Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных

последствий насильственной преступности: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / О.Р. Афанасьева. – Москва, 2018. – 450 с.

10. Головкин Б.Н. Корыстная насильственная преступность в Украине: феномен, детерминация, предупреждение: монография / Б.Н. Головкин. – Х.: Право, 2017. – 432 с.

11. Бабаев М.М. Социальные последствия преступности / Н.Н. Бабаев. – М., 2017. – 81 с.

12. Афанасьева О.Р. Общие положения о социальных последствиях насильственной преступности / А.Р. Афанасьева // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – №1. – 113 с.

13. Бесчастных В. Криминологический анализ современных тенденций преступности в Украине / В. Бесчастных // Хозяйство и право. – 2017. – №2. – 250 с.

УДК 343.13:81.253

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

САСОВ А.В.,

*канд. юрид. наук, доцент
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;*

КУРИННАЯ К.Ю.,

*студентка факультета юриспруденции
и социальных технологий
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»*

В статье рассматриваются особенности участия переводчика в производстве по уголовному делу в ситуациях, когда один из участников уголовного процесса недостаточно хорошо владеет русским языком и (или) желает пользоваться своим родным языком, переводчик выполняет несколько процессуально значимых функций, основной из которых является функция перевода. Однако при реализации данной функции переводчики и сотрудники правоохранительных структур могут столкнуться с множеством проблемных ситуаций.

Ключевые слова: *переводчик, уголовное судопроизводство, участники уголовного судопроизводства, язык судопроизводства, ошибки перевода.*

The article dealt with the situation in the framework of the criminal process, when one of the participants in the criminal process does not speak his native language well enough, the translator performs several procedurally significant functions. However, when implementing this function, translators and employees may encounter many problems.

Keywords: *translator, criminal proceedings, participants in criminal proceedings, language of legal proceedings, translation errors.*

Постановка задачи: для реализации закреплённой в международном законодательстве гарантии правовой защищённости участников уголовного процесса, не владеющих языком судопроизводства, в УПК ДНР сконструирован процессуальный институт переводчика.

Ещё сравнительно недавно исследование данного института не входило в число первостепенных задач уголовно-процессуальной науки, однако в сложившейся на сегодняшний день социально-экономической ситуации дела с этим вопросом обстоят в корне иным образом, и необходимость в исследовании правового статуса переводчика, его прав, обязанностей и ответственности как участника уголовного судопроизводства, анализ теоретических и практических основ расследования уголовных дел с участием переводчика не подлежит сомнению.

Целью статьи является анализ проблемных аспектов участия переводчика в уголовном процессе.

Актуальность: переводчик является важной фигурой в уголовном судопроизводстве, т.к. он содействует производству по уголовному делу.

В то же время целый круг вопросов, связанных с деятельностью переводчика, не обрёл должной законодательной конкретизации и, по сути, они решаются так, как это сложилось ранее в правоприменительной практике.

Таким образом, есть все основания говорить о существовании в уголовном процессе поля содержательной правовой неопределённости статуса переводчика, что, в свою очередь, чревато многими деструктивными последствиями, среди которых и злоупотребление правом, и угроза нарушений прав, и законных интересов лиц.

Вышеприведённые аргументы предопределяет актуальность настоящего исследования.

Изложение основного материала. Одним из извечных спутников крупных политических преобразований является миграционный процесс. Политические реформы конца прошлого столетия внесли значительные корректировки в политическую картину мира, а также обусловили развитие внешнеэкономической деятельности и поспособствовали росту мигрантов.

Как правило, лица, относящиеся к данной категории, не могут похвастаться особой социальной защищённостью, что в значительной мере повышает их шансы стать жертвой преступного посягательства.

При этом, как мы знаем, у медали всегда две стороны и данный вопрос не является исключением. Так, психология и ментальность некоторых групп мигрантов может проявить себя как фактор, подталкивающий данных лиц к противоправной деятельности.

В свете этого одним из развивающихся на сегодняшний день направлений криминалистической методики как раздела криминалистики является разработка частных методик расследования определённых категорий преступлений, совершённых иностранными гражданами, в т.ч. и незаконными мигрантами.

Мы видим, что иностранные лица часто фигурируют в уголовном процессе и в качестве потерпевших, и в качестве обвиняемых. Участие таких лиц в уголовном процессе и обеспечение их прав связано с возможностью разъяснения данных прав на понятном для этих лиц языке.

Так, и в части 2 статьи 19 Конституции Донецкой Народной Республики закреплено, что каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества [1]. Во многом реализация принципа национального языка судопроизводства зависит от такого участника уголовного процесса, как переводчик.

Однако в настоящий момент участие переводчика в уголовном процессе сопровождается рядом проблемных аспектов.

В словаре В.И. Даля, датированном 1882 годом, даётся следующее определение переводчика: «кто переводит что на другой язык; словесный переводчик, толмач; письменный, при посольствах... Переводческое дело, передавать все речи ясно ...» [2].

«Переводчиком признаётся лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных УПК, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода» [3].

Многие учёные-процессуалисты считают данную норму достаточно «узкой», не отражающей действительный статус переводчика в уголовном судопроизводстве, всех его признаков и конкретных требований, которые необходимо к нему предъявлять.

Со стороны советских процессуалистов предпринимались попытки расширительного толкования понятия переводчика в уголовном судопроизводстве.

Так, М.А. Джафаркулиев считал, что перевод – это единственное средство, с помощью которого лицо, производящее дознание, следователь, судья и другие участники процесса получают возможность непосредственно допросить лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства, выслушать и понять их заявления, ходатайства и т.п.

Он определял переводчика, как лицо, достигшее совершеннолетия, достаточно владеющее языками и специальной терминологией, знание которых необходимо для полного точного выполнения им в рамках следственных и судебных действий перевода; не выполняющее функцию другого участника процесса по данному уголовному делу; не заинтересованное в исходе дела, принявшее на себя функции перевода и назначенное органом дознания, следователем, прокурором, судом в случаях, предусмотренных законом.

Исходя из данного определения, он выделял семь обобщающих признаков переводчика:

- владение языками, с которых и на который осуществляется перевод;
- незаинтересованность в исходе дела;
- назначение дознавателем, следователем, прокурором или судом;

- вступление в дело в случае, если кто-либо из участников процесса не владеет языком судопроизводства;
- компетентность;
- несовместимость функции перевода с другими функциями в судопроизводстве;
- достижение лицом определённого возраста [4].

Г.П. Саркисянц предложил другое определение. Он справедливо отмечал, что по существу переводчик является специалистом в своей области, ибо переводчиком может быть не каждый гражданин (как например, свидетель), «а лишь владеющий языком, с которого и на который делается перевод», т.е. обладающий специальными познаниями; значимость участия переводчика в процессе также настоятельно требует чёткой, изложенной в рамках одной статьи, формулировки прав и обязанностей переводчика и, конечно, прямого указания в законе на то, что органы расследования и суд обязаны удостовериться в компетентности переводчика [5].

По мнению М.Ю. Рагинского, переводчик должен отвечать двум основным требованиям: с одной стороны он должен свободно владеть языками, знание которых необходимо при производстве по делу и, с другой стороны, он не должен быть заинтересованным в исходе дела [6]

Р.Д. Рахунов считает, что одним из наиболее важных требований к переводчику является отсутствие судимости, поскольку весьма важны гарантии добропорядочности переводчика, которые бы исключили возможность злоупотреблений с его стороны [7].

Среди современных концепций трактовки термина, признаков и роли переводчика также отмечается большое разнообразие.

А.Н. Заливин и А.П. Рыжаков считают, что переводчик – это всегда физическое лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода, в отношении которого уполномоченным на то должностным лицом (органом) вынесено постановление (определение) о назначении его переводчиком (привлечённое защитником к участию в деле в этом качестве) [8]. О.Ю. Кузнецов определяет переводчика как лицо, лично не заинтересованное в исходе уголовного дела, привлекаемое к участию в судопроизводстве в случаях,

предусмотренных УПК, свободно владеющее языком судопроизводства и языком, знание которого необходимо для перевода, осуществляемое им исходя из назначения уголовного судопроизводства [9].

И.А. Шевелев полагает, что переводчик – это незаинтересованное в исходе дела дееспособное лицо, компетентное в осуществлении перевода с одного языка на другой, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом [10].

Исходя из этого определения, он выделяет признаки переводчика, которыми тот, по его мнению, должен обладать: участник уголовного судопроизводства, лицо, имеющее определённый правовой статус, наделённое рядом процессуальных прав и обязанностей, отвечающее за их надлежащее исполнение и несущее при этом ответственность; должен быть совершеннолетним и вменяемым лицом, чтобы адекватно отдавать отчёт всем своим процессуальным действиям, осознавать их значимость для правосудия, а также ответственность в случае нарушения возложенных на него обязанностей с момента вовлечения и вплоть до завершения его участия в процессе. В целом переводчик должен быть лицом дееспособным; должен быть лицом компетентным. Должен быть незаинтересованным в исходе уголовного дела. И.А. Шевелёв в качестве компетенции понимает более обширный круг требований. Это не просто владение языками, необходимыми для перевода, а совокупность таких компонентов, как общее знание иностранного языка, знание и понимание юридической терминологии, умение производить переводы различного вида (в т.ч. синхронный), обладание информацией в вопросах организации правоохранительной деятельности и правосудия, развитая речь и кругозор для грамотного преподнесения информации участникам процесса.

И.Л. Петрухин выделяет три требования, предъявляемых к переводчику: компетентность, свободное владение языками, необходимыми для перевода, незаинтересованность в исходе дела (как прямая, так и косвенная), недопустимость совмещения функций переводчика с выполнением других процессуальных обязанностей в производстве по уголовному делу [11]

Так, ознакомившись с позициями различных учёных, мы можем сформулировать такой вывод, что статус переводчика в уголовном судопроизводстве требует более детальной регламентации, а требования, предъявляемые к переводчику, должны быть сформулированы более чётко. На данный момент уголовно-процессуальным законом не определены критерии его компетентности, лингвистические характеристики, наличие соответствующего образования, которыми должны руководствоваться должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство при подборе переводчика. В качестве критериев компетентности переводчика в уголовном судопроизводстве можно рассматривать:

- наличие документа, подтверждающего знание иностранного языка;
- культурную компетентность (знание народных обычаев носителей конкретного иностранного языка);
- профессионально-этическую компетентность (соответствующий ситуации внешний вид, соблюдение поведенческой этики);
- владение юридической терминологией;
- процессуальную компетентность;
- общие знания законодательства страны переводимого языка и т.д.

Еще одной немаловажной проблемой, связанной с участием переводчика в уголовном процессе, является недостаток квалифицированных кадров. Особенно остро эта проблема ощущается в тех делах, где требуется участие специалиста, владеющего редким языком. Под редкими подразумеваются те языки, которые не являются такими распространёнными, как английский, немецкий, французский и др., а также языки, хотя и встречающиеся, и используемые некоторыми людьми, но не распространённые в данной местности. В частности, к таким языкам можно отнести таджикский, узбекский и др. языки, которые используются мигрантами, проживающими в определённой местности. Для лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, наиболее сложной задачей является поиск специалиста, владеющего редкими, не имеющими собственной письменности и малописьменными языками (например, цыганский язык).

Задачу по поиску переводчика, который бы обладал достаточной квалификацией для перевода юридических документов, общения как с должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, так и с участниками уголовного судопроизводства, не владеющими русским языком, уж точно нельзя отнести к числу легких. Привлечение переводчика для участия в уголовном судопроизводстве всегда сопровождается рядом трудностей:

- необходимость поиска переводчика соответствующего языка (что не всегда получается в пределах одного города);

- проверка его компетентности (наличие диплома о знании языка не означает умелое использование юридической терминологии);

- приспособление к личности переводчика для продуктивного взаимодействия с ним на различных процессуальных действиях (переводчик может обладать своеобразным характером, и с ним будет трудно работать, не смотря на его профессиональное владение языком).

На практике, чтобы справиться с проблемой дефицита квалифицированных специалистов, чаще всего в качестве переводчиков приглашаются знакомые и родственники участников процесса, которые владеют языком, как правило, исключительно на разговорном уровне.

Такое решение ни в каком свете не предстает удачным.

С позиции нормативных предписаний уголовно-процессуального закона участие подобных лиц в качестве переводчика представляется непозволительным, ведь они, во-первых, имеют прямую или иную косвенную заинтересованность в исходе дела, а, во-вторых, не соответствуют требованиям, предъявляемым законодателем к переводчику, как к специалисту в области языкознания.

Между тем другой альтернативы участия переводчика в таком случае в уголовном судопроизводстве попросту нет.

Решением для данной проблемы может стать создание специализированных судебно-переводческих организаций.

Однако для того, чтобы подобные организации могли успешно функционировать, необходимо сформулировать чёткие требования, определяющие условия и критерии их деятельности.

Главными критериями в деятельности подобной организации и деятельности его служащих-переводчиков видится установление наличия соответствующей квалификации в сфере знания определённого языка и обязанность сохранения конфиденциальных сведений, ставших известными в процессе участия в уголовном деле в качестве переводчика.

Так, для того, чтобы соответствовать первому критерию, у лица, претендующего на должность переводчика, должно иметься в наличии знание соответствующего языка и подтверждение этого знания, представленное в форме соответствующего диплома или иного документа.

Организационные моменты, связанные с деятельностью специализированных судебно-переводческих организаций, должны быть детально прописаны в соответствующем законе, где были бы и определены основные критерии выдачи лицензии таким образованиям или частным лицам, которые могли выступать в уголовном процессе в качестве профессиональных переводчиков, и которые могли бы не только осуществлять профессиональный перевод, но также и нести ответственность за свою работу, в том числе и за разглашение конфиденциальных сведений и информации. На сегодняшний день данные вопросы ещё не получили законодательного закрепления, однако будем надеяться, что ситуация в скором времени исправится.

Еще одной по-настоящему важной проблемой является отсутствие закреплённого в законе запрета на допрос переводчика о сведениях, ставших ему известными в силу его участия в производстве по уголовному делу.

Все понимают, что переводчик может быть заменён другим переводчиком, или по каким-либо ещё причинам не иметь возможности продолжать свое участие в дальнейшем производстве по уголовному делу.

Кроме того, услугами переводчика могут воспользоваться не только участники процесса, на который он приглашён должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Переводчик может быть приглашён и адвокатом для того, чтобы у него была возможность общаться со своим подзащитным вне производства следственных и судебных действий.

В действующем на сегодняшний день законодательстве такого запрета не содержится и это представляется серьезной проблемой. Также в нем нет и законодательно предоставленной возможности адвокату приглашать для перевода соответствующего специалиста в области языкознания самостоятельно, для обеспечения возможности общения с подзащитным, выработки позиции защиты, составления ходатайств, запросов и т.д.

Также следует отметить, что устный и письменный перевод осуществляет в уголовном судопроизводстве одно и то же лицо.

Однако на практике часто складываются такие ситуации, когда требуется (ввиду большого объёма переводимого материала) привлечение дополнительных переводчиков для перевода письменных процессуальных документов.

Это касается таких объёмных процессуальных актов, как обвинительное заключение, приговор, заключение экспертизы.

Разграничение полномочий таких переводчиков не закреплено на законодательном уровне, при этом во многих странах мира процессуальное законодательство предусматривает участие в уголовном процессе устного и письменного переводчиков и некоторую разницу в их статусе.

Вывод. Привлечение данных специалистов позволило бы значительно ускорить процесс производства по уголовному делу и существенно сократило бы сроки ознакомления обвиняемого со всеми процессуальными документами на родном языке. В условиях ограниченных сроков производства по уголовному делу и жестких мер по их соблюдению такой подход мог бы поспособствовать сужению временных рамок производства.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Народным Советом ДНР 14.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3 / В.И. Даль. – М.: Терра, 1995. – 557 с.

3. Основы уголовного судопроизводства: учебник для бакалавров / М.В. Бубчикова и др.; под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. – М.: РГУП, 2017. – 444 с.

4. Джафаркулиев М.А. Проблемы национального языка в уголовном судопроизводстве / М.А. Джафаркулиев. – Баку: Азернерш, 1989. – 208 с.

5. Алексеева Л. Переводчик в советском уголовном процессе / Л. Алексеева, И. Либус Г. Саркисянц // Социалистическая законность. – 1975 – № 3. – С. 94-95.

6. Рагинский М.Ю. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / М.Ю. Рагинский. – М.: Юрид. лит., 1985. – 498 с.

7. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р.Д. Рахунов. – М.: Юрид. лит., 1961. – 277 с.

8. Заливин А.Н. Переводчик в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / А.Н. Заливин, А.П. Рыжаков. – М.: Щит-М, 2012. – 112 с.

9. Кузнецов О.Ю. Источники и содержание принципа языка уголовного судопроизводства / О.Ю. Кузнецов // Современное право. – 2006. – № 7. – С. 63-64.

10. Шевелёв И.А. Язык судопроизводства и участие переводчика в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук / И.А. Шевелёв. – СПб., 2008. – 189 с.

11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / ред. И.Л. Петрухин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Проспект, 2007. – 720 с.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

13. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokument_yverhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/.

14. Мищенко А.Ю. Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве / А.Ю. Мищенко // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 244-246.

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

СОЛОВЬЁВА Ю.А.,

канд. юрид. наук,
доцент кафедры конституционного
и международного права

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье дан краткий обзор международного законодательства, регламентирующего принцип самоопределения народов; проанализированы теоретические подходы к определению сущности права народов на самоопределение и механизмов его реализации; исследовано соотношение данного принципа с принципом территориальной целостности; рассмотрена судебная практика по вопросам реализации отдельными народами права на самоопределение.

Ключевые слова: *народ; принцип самоопределения; принцип территориальной целостности; сецессия; право на отделение.*

The article provides a brief overview of international legislation regulating the principle of self-determination of peoples; analyzed theoretical approaches to defining the essence of the right of peoples to self-determination and the mechanisms of its implementation; the correlation of this principle with the principle of territorial integrity has been investigated; considered judicial practice on the implementation of the right to self-determination by individual peoples.

Key words: *people; the principle of self-determination; the principle of territorial integrity; secession; the right to secede.*

Постановка задачи в общем виде. Нерушимость государственных границ и право народов на самоопределение являются одними из основополагающих принципов международного права, составляющими базис регулирования международных отношений.

В то же время, как справедливо отмечает А.А. Алексанян [1, с. 63]: «решение правовых проблем территориального самоопределения на практике осложняется требованием соблюдать нерушимость границ и территориальную целостность государств... Это порождает коллизии данных принципов. По

сути, в зависимости от политических интересов приоритетным выступает то принцип территориальной целостности, то право народов на самоопределение».

Анализ последних исследований и публикаций. Рассмотрению вопросов реализации народом права на самоопределение определённое внимание уделено в работах А.А. Алексанян, Д.В. Хутабы, А.А. Хасанова, П.В. Чилингарян [1-4] и других авторов.

Нормативно данный принцип закреплён в ряде международных правовых актов, а именно: Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами 1970 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. [5-7] и пр.

Актуальность. Тем не менее данный принцип по-прежнему подвергается сомнению с точки зрения эффективности его применения в международной практике; вопросы его содержания и соотношения с принципом территориальной целостности государств, условий и механизмов его реализации продолжают вызывать дебаты на международной арене и остаются предметом обсуждения различными международными организациями.

В связи с этим *целью* данного исследования является рассмотрение современного понимания принципа самоопределения народов с учетом сложившейся практики в международном праве.

Изложение основного материала исследования. Прежде всего следует отметить, что в соответствии с положениями Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (далее – ООН) 1970 г. [5] все народы в силу принципа равноправия и самоопределения имеют право свободно определять (без вмешательства извне) свой политический статус, осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями

Устава ООН. Аналогичные нормы содержатся и в п. 1 ст. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [6] и в п. 1 ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [7].

Более того, ст. 1 Устава ООН [8] провозглашает, что целью ООН среди прочего является именно развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов.

Следует обратить внимание, что в указанных актах ООН провозглашается именно право народов, а не наций на самоопределение. Это сделано для того, чтобы не усложнять реализацию этого права для полиэтнических народов.

Сегодня правовой основой создания нового государства является именно реализованное народом право на самоопределение, т.е. сецессия, под которой в юридическом плане принято понимать выход из состава государства какой-либо его части [9, с. 103].

При этом важно заметить, что процедуры сецессии (кроме деколонизации) официально не санкционированы на международном уровне.

Объясняется это тем, что в международном праве закреплён принцип территориальной целостности государств [5-7], что порождает коллизии указанных норм. А.А. Хасанов [3, с. 134] по этому поводу справедливо отмечает, что на сегодняшний день нормами международного права конкретных и чётких критериев, на основании которых новое государство могло бы быть признанным или не признанным мировым сообществом, не выработано.

Более того, официальное толкование принципа равноправия и самоопределения народов, равно как и принципа территориальной целостности государств, отсутствует, что приводит к признанию права на самоопределение одних народов (например, Косово) и непризнанию иных (например, Абхазия, Южная Осетия).

Важно отметить, что Декларацией о принципах международного права [5] к формам осуществления народом права на самоопределение отнесено следующее: 1) создание суверенного и независимого государства; 2) свободное присоединение к независимому государству или объединение

с ним; 3) установление любого другого политического статуса, свободно определённого народом.

Таким образом, реализация права на самоопределение может происходить в форме автономии в рамках существующих границ государства, в форме создания собственного суверенного государства или в форме выхода определённого народа из состава государства (сецессия).

Вместе с тем указанной Декларацией закрепляется, что санкционирующие или поощряющие действия, которые могут привести к расчленению или к частичному либо полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, не допускаются [5].

Как видим, приведённые выше положения Декларации о принципах международного права не согласованы между собой в соответствии с требованиями логики.

Выходит, что государства обязаны обеспечивать собственным народам возможность выйти из своего состава, но при этом им гарантируется право неприкосновенности границ, т.е. право «не предоставлять» другим государствам свои «земли».

Для исследования проблем преодоления коллизий международных принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств представляется необходимым обратиться к содержанию решений Международного Суда ООН по вопросам территориальных споров, возникающих в результате реализации народом права на самоопределение.

Именно практика Международного Суда ООН позволяет разрешить проблемы недостаточного раскрытия норм международного права, а также отсутствие в содержании этих норм механизмов их реализации.

Так, Международный Суд является главным судебным органом ООН. Он разрешает, в соответствии с международным правом, юридические споры между государствами и даёт консультативные заключения по юридическим вопросам, которые могут быть перед ним

поставлены уполномоченными органами или специализированными учреждениями ООН [10].

Он был учреждён Уставом ООН [8], подписанным 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско, для достижения одной из главных целей ООН: проводить мирными средствами улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира.

Решения Международного Суда ООН принимаются на основе действующего международного права. Эти решения являются окончательными и обжалованию не подлежат.

Своим консультативным заключением по делу между Южной Африкой и Намибией Международный Суд ООН подтвердил прочность закрепления в международном праве принципа самоопределения народов (несмотря на то, что рассматриваемое дело касалось колониальной территории). Консультативным решением в отношении Западной Сахары Международный Суд ООН также отметил, что народ, проживающий на определённой территории, имеет право определять свой политический курс.

Более того, в этих заключениях Суд пришел к выводу, что самоопределение народов – это не просто принцип, который должны соблюдать все государства и который должен продвигаться усилиями ООН, а полностью сформировавшееся право, которое может быть использовано его носителями для формирования собственного государства и обретения суверенной независимости.

В деле в отношении Восточного Тимора (Португалия против Австралии) Международный Суд ООН пошёл ещё дальше и подтвердил, что самоопределение народов является фундаментальным принципом международного права, имеет универсальный характер. Обязательство по его соблюдению каждое государство несёт перед всем мировым сообществом в целом (в изложении П.В. Чилингарян) [4, с. 26-27].

Бесспорно, одним из самых «громких» судебных разбирательств в Международном суде в XXI в. считается дело «Сербия против Косово», которое получило беспрецедентный резонанс в вопросах, связанных с правом народа на самоопределение, вплоть до образования

независимого государства и обоснованием выхода из состава территории существующего государства.

Так, 17 февраля 2008 г. временными институтами самоуправления Косово была принята декларация о независимости от Сербии, что вызвало неоднозначное восприятие членами ООН. В связи с этим 8 октября 2008 г. Генеральная Ассамблея ООН (далее – ГА ООН) в соответствии со ст. 96 Устава ООН обратилась с просьбой в Международный суд вынести консультативное заключение по данному вопросу.

Запрос в резолюции звучал следующим образом: «Соответствует ли одностороннее провозглашение независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права?» [11].

Рассмотрев материалы дела и заслушав мнения 30-ти государств-членов ООН, Международный Суд пришел к выводу о том, что международное право не устанавливает никаких разрешительных, но одновременно также и никаких запретительных правил, касающихся вопросов сепарации или отделения [12, с. 140], соответственно декларация о провозглашении независимости Косово в целом не нарушает никаких международных актов и не противоречит нормам международного права [11]. И это при том, что данное решение прямо противоречит принятой ранее резолюции 1244 Совета Безопасности ООН 1999 г., где уже в преамбуле подчеркивалась необходимость реализации принципов суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославии [13].

Важно заметить, что после «прецедента» в Косово о возможности реализации принципа права народов на самоопределение «заговорили» в Каталонии, Стране Басков, Шотландии, Северной Ирландии, Новой Каледонии и т.д. В связи с чем в доктрине международного права было предложено различать внутреннее и внешнее самоопределение.

При этом под внешним самоопределением необходимо понимать установление международно-правового статуса территории, под внутренним – решение народом всех вопросов своего развития, а именно: участие граждан в

управлении государством, а также обеспечение «надлежащего» положения меньшинств и этнических групп [3, с. 137]. А. Кассезе по этому поводу утверждает, что народ автоматически получает право добиваться внешнего самоопределения, если он лишён возможности внутреннего самоопределения, [14, с. 365].

Таким образом, важным представляется определение условий, при которых возможна правомерная реализация принципа самоопределения народов в форме образования нового независимого государства.

В этом вопросе в доктрине международного права бытует мнение, что в случае, если государство нарушает принцип всеобщего уважения прав человека и основных свобод (например, агрессия против мирного населения, геноцид, массовые нарушения прав человека), то реализация права народа на самоопределение является правомерным основанием для создания независимого государства. Если же государство действует в соответствии с международными нормами, поощряя и развивая «уважение» к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии, то образование нового государства как формы самоопределения не допускается [3, с. 138].

Данный научный подход нашёл отображение и в судебной практике.

Так, согласно постановлению Верховного суда Канады в «Ответе, касающемся отделения Квебека», сказано, что право на отделение возникает только в случаях, «где «народ» управляется как часть колониальной империи; где «народ» является объектом подчинения иностранному игу, иностранного господства или эксплуатации; а также, возможно, где «народу» отказано в каком бы то ни было осмысленном осуществлении его права на самоопределение в пределах государства, часть которого он образует.

В других обстоятельствах от народов ожидается достижение самоопределения в рамках их существующего государства [15, с. 8].

Считается, что есть два правомерных способа реализации народом права на самоопределение.

Первый – наличие такой возможности в Конституции государства, как это было закреплено в ст. 72 Конституции СССР [16].

Второй – получение согласия «материнского государства» и действия в таком случае в рамках законов последнего. Примером второго подхода является референдум о независимости Шотландии в 2014 г.

В вопросе условий, при которых самоопределение народов считается недопустимым, интересным представляется подход А.С. Буханой [17].

Так, по мнению учёного, если в государстве соблюдается принцип равноправия и внутреннего самоопределения, есть правительство, представляющее интересы всего народа, отсутствует какая-либо дискриминация, то в данном государстве приоритет должен быть предоставлен сохранению единства и территориальной целостности последнего.

В ином же случае сохранение территориальной целостности государства может быть поставлено под сомнение.

В контексте рассматриваемого вопроса интересным представляется позиция Венецианской комиссии в Заключении «О соответствии международному праву проекта Федерального конституционного закона № 462741-6 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации» [15, с. 7-8].

Так, в данном документе Венецианская комиссия подтверждает, что под правом на самоопределение необходимо понимать право сплочённых национальных групп («народов») выбирать для себя форму политической организации и своё отношение к другим группам.

Таким образом, указанное право сохраняется исключительно за «народами».

При этом Комиссия обращает внимание на то, что в действующем международном праве отсутствует официальное толкование категории «народ», и допускает, что «данное понятие относится к отдельной, конкретной группе

лиц, разделяющих одну и ту же историю, язык, культуру и желание жить вместе».

По утверждению Комиссии правом на самоопределение не могут быть наделены меньшинства или иные группы внутри государства, хотя в отдельных случаях на практике может быть затруднительным классифицировать ту или иную группу лиц как «народ» или («лишь») как «меньшинство» по смыслу международного права.

Но даже если та или иная группа классифицирована как «народ» по смыслу международного права, принцип самоопределения народов не влечёт за собой автоматически её права на отделение от государства.

В контексте отмеченного хотелось бы акцентировать внимание на соотношении права на самоопределение с правом на отделение.

Так, в доктрине международного права существует два основных подхода относительно соотношения исследуемых правовых явлений, а именно: 1) право на самоопределение может не включать право на отделение; 2) право на самоопределения взаимосвязано с правом на отделение. Согласно первому подходу, право на самоопределение не включает в себя право на отделение, поскольку это два самостоятельных права.

Сторонники этой позиции убеждены, что право на самоопределение имеет официальное признание, что отражается в основополагающих документах международного права, тогда как право на отделение вообще не является правом в соответствии с международными нормами.

Другие авторы убеждены, что право на отделение приобретает характер права на самозащиту и может отстаиваться с помощью применения силы. Без права на отделение в случаях дискриминации, при отсутствии других способов его преодоления, право на самоопределение не имело бы никакого практического значения [18, с. 129].

По нашему мнению, вопрос о соотношении права на самоопределение и права на отделение может быть решен исключительно правовой регламентацией условий (требований), при соблюдении которых возможна и сама реализация указанных прав.

Нормативной регламентации требует и вопрос механизмов реализации принципа самоопределения народов, т.е. получения последним статуса такого, который борется за свое самоопределение, следствием чего станет его признание как субъекта международного права.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, сегодня развитие института реализации права народов на самоопределение является приоритетным, поскольку именно это право означает максимальное обеспечение прав и свобод человека через ответственность государства перед каждым гражданином.

Но вопросы механизмов реализации народом права на самоопределение по-прежнему остаются вне поля зрения международного сообщества.

Во-вторых, необходимо различать внутреннее и внешнее самоопределение. При этом под внешним самоопределением необходимо понимать установление международно-правового статуса территории, под внутренним – решение народом всех вопросов своего развития, а именно: участие граждан в управлении государством, а также обеспечение «надлежащего» положения меньшинств и этнических групп.

В-третьих, принцип самоопределения народов предусматривает среди прочего создание суверенного и независимого государства, но в процессе его реализации происходит конфликт с принципом территориальной целостности государства.

Более того, официальное толкование принципа самоопределения народов, равно как и принципа территориальной целостности государств, отсутствует, что приводит к признанию права на самоопределение одних народов (например, Косово), и непризнанию иных (например, Абхазия, Южная Осетия).

В-четвертых, содержание принципа самоопределения народов включает в себя следующие элементы:

- 1) все народы и нации имеют право на самоопределение;
- 2) все члены международного сообщества должны уважать это право;

3) оно реализуется путём свободного волеизъявления конкретного народа;

4) его реализация исключает любое давление, принуждение или вмешательство извне;

5) оно означает возможность выбора между государственным отделением данного народа и вхождением его (на тех или иных условиях в другое государство, то есть свободный выбор политического статуса);

6) оно означает также возможность выбора формы государства (то есть формы правления, государственного устройства, политического режима).

Список использованных источников

1. Алексанян А.А. Реализация права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государств / А.А. Алексанян // Вестник пермского университета. Юридические науки. – Вып. 4(22). – 2013. – С. 63-67.

2. Хутаба Д.В. Взаимодействие и реализация международно-правовых принципов равноправия и самоопределения народов и территориальной целостности государств: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Хутаба Даут Витальевич. – Казань, 2011. – 189 с.

3. Хасанов А.А. Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств / А.А. Хасанов // Журнал российского права. – 2017. – № 10. – С. 133-142.

4. Чилингарян П.В. Историческое развитие и современное понимание принципа самоопределения народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2018-5/3-chilingaryan.pdf>. – (Дата обращения: 10.08.2020).

5. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml. – (Дата обращения: 10.08.2020).

6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. – (Дата обращения: 10.08.2020).

7. Международный пакт о гражданских и политических правах: резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – (Дата обращения: 10.08.2020).

8. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>. – (Дата обращения: 10.08.2020).

9. Назаров М.М. Конфликтный потенциал сепарации (по результатам исследования в регионах) / М.М. Назаров // Национальная безопасность. – Вып. 5(22). – 2012. – С. 103-111.

10. Статут Международного Суда ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/statute-of-the-court/statute-of-the-court-ru.pdf>. – (Дата обращения: 10.08.2020).

11. Международный Суд ООН решил, что декларация о провозглашении независимости Косово не противоречит международному праву [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2010/07/1167021>. – (Дата обращения: 10.08.2020).

12. Консультативное заключение Международного Суда ООН по вопросу о декларации независимости Косово – предыстория и критика судебного «постановления» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dpp.mpil.de/02_2013/02_2013_121_155.pdf. – (Дата обращения: 10.08.2020).

13. Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1244\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1244(1999)). – (Дата обращения: 10.08.2020).

14. Cassese A. Self Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. – Cambridge, 1995. – P. 365.

15. Заключение Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) «О соответствии международному праву проекта Федерального конституционного закона № 462741-6 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации»»: одобрено Венецианской комиссией на 98-м пленарном заседании (Венеция, 21-22 марта 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://supreme.court.gov.ua/userfiles/CDL_AD_2014_004_2014_03_21.pdf. – (Дата обращения: 10.08.2020).

16. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1977.htm#iii>. – (Дата обращения: 10.08.2020).

17. Буханова А.С. Коллизия принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств и возможные пути её разрешения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/ed7/ed70d38bfd1591ae84ae4b8b474cb40b.pdf>. – (Дата обращения: 10.08.2020).

18. Гулина Е.В. Как может реализовываться право на самоопределение / Е.В. Гулина // Актуальные проблемы права: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2011 г.). – М.: Ваш полиграфический партнер, 2011. – С. 128-130.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ОРГАНАМИ ФУНКЦИЙ
ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИМУЩЕСТВОМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ ДОНЕЦКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СТАДИИ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

СИЧКАР В.А.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;
ФОМЕНКО А.А.,
магистрант кафедры
гражданского и
предпринимательского
права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В статье рассматриваются проблемы, связанные с осуществлением уполномоченными органами функций по распоряжению имуществом государственной собственности Донецкой Народной Республики на стадии судебного разбирательства. Анализируется деятельность органов государственной исполнительной власти, судебной власти, а также освещаются пути решения проблемных вопросов, с которыми сталкиваются уполномоченные органы по распоряжению имуществом государственной собственности на стадии взыскания задолженности за государственное имущество.

Ключевые слова: государственная собственность; уполномоченные органы; проблемы управления и распоряжения; Государственная исполнительная служба; судебные решения; задолженность; банкротство; должник; инфляция; минимальная заработная плата.

The article discusses the problems associated with the exercise by authorized bodies of functions for the disposal of state property of the Donetsk People's Republic. analyzed at the trial stage. It also examines the activities of the bodies of state executive power, the judiciary, and also highlights ways to solve the problematic issues faced by authorized bodies for the disposal of state property at the stage of debt collection for state property.

Keywords: state property; authorized bodies; management and disposition problems; State Executive Service; court decisions; debt bankruptcy; debtor; inflation; minimal salary.

Постановка задачи. На сегодняшний день в Донецкой Народной Республике остается открытым вопрос по осуществлению уполномоченными органами функций по распоряжению имуществом государственной собственности Донецкой Народной Республики на стадии судебного разбирательства, что является пробелом на законодательном уровне нашего государства. Исходя из этого, выбор данной темы является необходимым для решения этого вопроса.

Анализ последних исследований и публикаций. Различные аспекты проблемы функций органов по распоряжению имуществом государственной собственности исследовались в работах целого ряда отечественных и зарубежных авторов: Талапиной Э.В., Рой Н.А., Шпака А.С., Мишиной Е.С., Орлова С.В., Соловьева М.М., Кошкина Л.И., Андреева Н.А., Лескова О.В. и др. учёных. Вместе с тем правовых исследований, обобщающих проблемы по данной теме, в настоящее время недостаточно.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе действующих нормативных правовых актов, правоприменительной практики проанализировать проблемы при осуществлении уполномоченными органами функций при распоряжении имуществом государственной собственности Донецкой Народной Республики на стадии судебного разбирательства.

Изложение основного материала. Построение системы органов по распоряжению и управлению государственной собственностью, как совершенно справедливо отметила Э.В. Талапина, должно базироваться на принципах самостоятельности организации и осуществления каждым уровнем власти управления собственностью, взаимного учета интересов при осуществлении управления, участия в управлении государственной собственностью субъектов и, наоборот, делегирования полномочий органами исполнительной власти в области управления собственностью [1, с. 72-73].

Одним из условий нормального функционирования органов управления государственным имуществом является стабильная, внутренне непротиворечивая система законодательства.

Ю.А. Тихомировым проблема полномочий государственных органов была исследована через призму функций управления. По мнению учёного, с их помощью более точно устанавливаются причинно-следственные связи субъекта к объекту в различных системах.

Функции управленческих органов рассматриваются в качестве их управленческих воздействий, обеспечивающих объекты управления целевой ориентацией, ресурсами и способствующими достижению ими этих целей.

Одной из основных проблем, с которой сталкиваются в работе уполномоченные органы по распоряжению государственной собственностью на стадии судебного разбирательства, это отсутствие процедуры банкротства в Донецкой Народной Республике, так как не утверждена деятельность арбитражных управляющих на территории Донецкой Народной Республики.

В Едином государственном реестре юридических и физических лиц-предпринимателей не внесены записи о постановке на учёт лиц, осуществляющих независимую профессиональную деятельность как арбитражные управляющие.

В соответствии с п. 6 Временного порядка рассмотрения арбитражными судами Донецкой Народной Республики дел о банкротстве, утверждённого приказом Председателя Верховного Суда от 27.05.2015 г. № 49-од, информация, обязательность обнародования или опубликования которой предусмотрена Законом Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» от 14.05.1998 г. № 2343-ХІІ в редакции на 14.05.2014, размещается на официальном сайте Верховного Суда Донецкой Народной Республики в разделе «Арбитражный суд Донецкой Народной Республики» [2].

Согласно данным судебной статистики, в 2015-2019 гг. в Арбитражный суд Донецкой Народной Республики были поданы исковые заявления о возбуждении дела о банкротстве,

которые в соответствии с определениями Арбитражного суда были возвращены заявителям.

Таким образом, до настоящего времени Арбитражным судом Донецкой Народной Республики не было постановлено процессуальных решений о возбуждении дела о банкротстве. Даже при наличии достаточных правовых оснований нет возможности проводить процедуры банкротства в отношении должников ввиду отсутствия института арбитражных управляющих в Донецкой Народной Республике.

Также одной из проблем возбуждения дел о банкротстве предприятий является отсутствие в Донецкой Народной Республике законодательно установленного минимального размера заработной платы.

Согласно требованиям закона «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» дело о банкротстве возбуждается, если сумма бесспорных требований к должнику составляет не менее трехсот минимальных размеров заработной платы.

14 февраля 2020 г. Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики был принят закон № 100-ПНС «О минимальном размере оплаты труда и о внесении изменений в закон Донецкой Народной Республики «Об оплате труда» (далее Закон № 100) [3]. Согласно Закону № 100 с 01 января 2020 года в Донецкой Народной Республике (далее – Закон) установлен минимальный размер оплаты труда в размере 6 065,00 рос. руб. в месяц.

Вместе с тем Министерство труда и социальной политики ДНР дало разъяснение: минимальный размер оплаты труда (МРОП) является государственной гарантией, обязательной для предприятий, учреждений и организаций независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также физических лиц, в том числе физических лиц-предпринимателей, использующих наемный труд, а минимальная заработная плата (далее – МЗП) – это размер заработной платы за простой, неквалифицированный труд, за выполненную работником месячную, почасовую норму труда (объем труд).

Отличием МРОТ от МЗП является то, что МЗП не является государственной гарантией в оплате, и не включает в себя

доплаты, надбавки, поощрительные и компенсационные выплаты.

С принятием Закона в Республике для целей, определённых Законом, одновременно будут применяться две расчётные величины:

- МРОТ (единственная государственная гарантия в оплате труда), ниже которой не должен быть размер начисленной месячной заработной платы работника;

- МЗП – ниже которой не должен быть установлен размер минимальной тарифной ставки для рабочих 1 разряда.

При этом размер МЗП может быть ниже МРОТ, так как, по сути, является составной частью месячной заработной платы.

С 2020 г. возможна подача заявлений о банкротстве в отношении должников. Так как при этом растут суммы безнадежной задолженности за использование государственного имущества, находящиеся на принудительном исполнении в производстве Государственной исполнительной службы Министерства юстиции Донецкой Народной Республики.

Ещё одной проблемой, с которой сталкиваются уполномоченные органы по распоряжению имуществом государственной собственности на стадии взыскания задолженности с должников за пользование государственного имущества – невозможность взыскания инфляционных начислений за несвоевременное перечисление арендной платы за государственное имущество.

Обязанность должника возместить кредитору причинённые инфляцией убытки с учётом инфляционных начислений следует из требований статьи 625 Гражданского кодекса Украины, действующего в Донецкой Народной Республике в соответствии со статьей 86 Конституции Донецкой Народной Республики [4].

Согласно статье 625 ГК Украины должник, который просрочил выполнение денежного обязательства, по требованию кредитора обязан уплатить сумму долга с учётом установленного индекса инфляции за всё время просрочки [5].

В Донецкой Народной Республике происходят инфляционные процессы, следовательно, кредитор, в лице уполномоченного органа, имеет право на сохранение реальной величины неуплаченных ему должником денежных средств.

Индекс инфляции – это экономический показатель, отражающий динамику цен на услуги и товары, которые оплачивает население, то есть на ту продукцию, которая приобретается для дальнейшего использования [6, с. 109-110].

Отказ о взыскании инфляционных начислений суды мотивируют тем, что в Донецкой Народной Республике индекс инфляции не установлен, а уполномоченным органом не представляются документы, свидетельствующие об установлении в Донецкой Народной Республике индекса инфляции.

Учитывая сложившуюся практику, а также неоднозначные решения о взыскании инфляционных начислений, иски по делам о взыскании инфляционных начислений будут подаваться уполномоченными органами до момента издания нормативного акта или иного документа, регулирующего данный вопрос.

Также ещё одной из основных проблем в работе уполномоченных органов по распоряжению государственной собственностью необходимо выделить взыскание задолженности по арендной плате за государственное имущество по решениям суда в органах Государственной исполнительной службы.

Уполномоченные органы, которые управляют и распоряжаются государственной собственностью, могут представлять и защищать интересы государства в пределах своей компетенции, а также в установленном порядке обращаться в суд с исками по взысканию задолженности по арендной плате за государственное имущество.

Каждое судебное решение подлежит обязательному исполнению на всей территории Донецкой Народной Республики. Однако до сих пор не обеспечены действенные механизмы гарантирования исполнения судебных решений.

Решение суда или другого органа (должностного лица) должно реализовываться в его завершающей стадии – исполнении, где, собственно, и восстанавливаются нарушенные права и охраняемые законом интересы.

Неисполнение любого решения подрывает авторитет уполномоченных органов по распоряжению имуществом государственной собственностью, что усложняет исполнение ими полномочий, предусмотренных Конституцией и законами

Донецкой Народной Республики.

Государственная исполнительная служба входит в систему органов Министерства юстиции Донецкой Народной Республики и осуществляет исполнение решений судов и других органов, а также должностных лиц в соответствии с законами Донецкой Народной Республики.

Задачей Государственной исполнительной службы является своевременное, полное и непредвзятое принудительное исполнение решений, предусмотренных Временным порядком об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики. В деятельности Государственной исполнительной службы предусмотрено распоряжение имуществом государственной собственности.

Действующий Временный порядок об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики в новой редакции, принятый Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 31.05.2016 г. № 7-37, в значительной степени исчерпал свой потенциал, который был заложен только как переходный на пути к созданию эффективной модели системы принудительного исполнения судебных решений [7].

В связи с этим для исправления ситуации и обеспечения настоящего исполнения судебных решений необходимо сделать следующие шаги:

1. Отмена мораториев по обращению взыскания на имущество должника.

В правовом поле по-прежнему действует ряд правовых норм, прямо запрещающих обращать взыскание на определённые виды имущества, например, установлен мораторий на обращение взыскания на имущество государственных предприятий, чем делают невозможным исполнение значительной части решений.

Наличие законодательных запретов о взыскании с государственных предприятий, на которые распространяется мораторий, даёт им возможность не выполнять свои договорные обязательства.

2. Увеличение меры ответственности за неисполнение решения суда.

Пробелы в законодательстве порождают условия для

уклонения от ответственности за неисполнение решения.

На государственного исполнителя законом возложена обязанность в случае наличия признаков преступления в действиях лица, умышленно препятствующего исполнению решения или иным образом нарушающего требования законодательства об исполнительном производстве, посылать в соответствующие правоохранительные органы представление о привлечении виновного лица к уголовной ответственности.

При рассмотрении представлений государственных исполнителей как органами прокуратуры, так и органами внутренних дел не всегда исполняются требования Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, в частности, относительно сроков их рассмотрения, встречаются многочисленные случаи безосновательного отказа в возбуждении уголовных дел, несвоевременного направления или вообще не направления в органы ГИС копий постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел.

Чаще всего при рассмотрении таких представлений органы Министерства внутренних дел отказывают в возбуждении уголовных дел по таким мотивам:

- Уголовным кодексом Донецкой Народной Республики не предусмотрена уголовная ответственность должника – физического лица за неисполнение решения суда.

- отсутствие доказательства умышленного и злого уклонения должника от выполнения им обязательств;

- отсутствие должника по основному месту жительства и т.д.

Длительное рассмотрение представлений или безосновательный отказ в возбуждении уголовного дела отрицательно влияет на своевременное, реальное исполнение государственными исполнителями решений судов.

Недостаточная ответственность даёт возможность должникам сознательно не исполнять решения судов. В связи с этим необходимо внести в законодательство изменения, которые бы ужесточили административную и уголовную ответственность должников за неисполнение судебного решения, а именно: ввести административный арест за такое правонарушение.

Выводы. Таким образом, невыполнение в полной мере

установленных полномочий, отсутствие жёстких требований и ответственности влекут за собой нарушение правового регулирования в сфере управления и распоряжения государственной собственностью. В связи с этим необходимо разработать и внедрить комплекс мер, позволяющих уполномоченному органу управления в полной мере взыскивать с должников задолженность за использование государственного имущества, так как при этом растут суммы безнадёжной задолженности за использование государственного имущества

Список использованных источников

1. Талапина Э.В. Вопросы организации управления государственной собственностью / Э.В. Талапина.– М.: Журн. рос. права, 2010. – 120 с.

2. Об утверждении Временного порядка рассмотрения арбитражными судами Донецкой Народной Республики дел о банкротстве [Электронный ресурс]: Приказ Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики № 49од от 27.05.2015 г. – Режим доступа: <https://doc.minsvyazdnr.ru/docs/ob-utverzhdanii-vremennogo-poryadka-rassmotreniya-arbitrazhnymi-sudami-doneckoy-narodnoy>.

3. О минимальном размере оплаты труда и о внесении изменений в закон Донецкой Народной Республики «Об оплате труда» [Электронный ресурс]: Закон Донецкой Народной Республики [принят Постановлением Народного Совета Донецкой Народной № 100-ПНС]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-minimalnom-razmere-oplaty-truda-i-o-vnesenii-izmenenij-v-zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-oplate-truda/>.

4. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>.

5. Гражданский кодекс Украины, принят Верховной Радой Украины 16 января 2003 г. № 435-IV (с изменениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.

6. Гусев А.Н. Гражданское право: учебник: Т. 1 / А.Н. Гусев. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 218 с.

7. Об утверждении Временного порядка об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики в новой редакции № 7-37 от 31.05.2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/postanovlenie-soveta-ministrov-doneckoy-narodnoy-respubliki-ob-utverzhenii-1>.

УДК 347.62

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ВОСПРИЯТИЕ ОБЩЕСТВОМ

ТРАНДАФИЛОВА И.В.,
ассистент кафедры
гражданского и
предпринимательского права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В статье рассматриваются правовые аспекты заключения брачного договора, содержание, а также признание его недействительным. Анализируются истоки становления брачного договора, этический подход, достоинства и недостатки его заключения.

Ключевые слова: брак, договор, семейные отношения, общество, закон, супруги, имущественные отношения, доход, алименты.

The article deals with the legal aspects of concluding a marriage contract, its content, as well as its invalidation. The article analyzes the origins of the formation of a marriage contract, the ethical approach, the advantages and disadvantages of its conclusion.

Keywords: marriage, contract, family relations society, law, spouses, property relations, income, alimony.

Постановка задачи: брачные договоры приобретают все большую популярность, а вот отношение к ним общественности остается неоднозначным, хотя в последние годы видно преимущество в пользу заключения таких договоров.

Популярности брачному договору добавляет и постепенно растущая правовая грамотность населения.

Люди стали больше интересоваться своими правами и обязанностями, стали больше доверять документальному закреплению совершаемых сделок и соглашений, начали осознавать возможность отстаивания своих прав в суде.

Считается необходимым ознакомиться с правовой природой и процедурой заключения брачного договора, разложить все за и против последнего и ознакомиться с последствиями.

Целью статьи является исследование правовой природы брачного контракта, его структуры, положительных и отрицательных аспектов заключения, а также отношения к нему в обществе.

Актуальность. Возникновение института брачного договора является абсолютно закономерным этапом развития права и договорных отношений в частности.

Несмотря на противоречивость прогнозов по поводу дальнейшего развития данного института, бесспорным остаётся право супругов на договорной режим совместной собственности – то есть право на заключение брачного договора.

И хотя проблемам правового регулирования брачного договора в настоящее время посвящено множество работ, ряд вопросов по-прежнему носит дискуссионный характер, а отсутствие единой теоретической позиции делает затруднительным разрешение конкретных ситуаций на практике.

Хотелось бы рассмотреть основные теоретические вопросы, которые не имеют на данный момент однозначного ответа.

Изложение основного материала. Брачный контракт – договор, который начал действовать еще в древние времена и существует по сей день.

В древнейшие времена брак был незыблем и стоял на защите цивилизованного продолжения рода. Развестись было не так просто.

В Индии, например, мужчина имел право развестись, если в течение семи лет в семье не появился ребенок или если в течение десяти лет супруга рожала только девочек. Разводы

были крайне редки и допускались лишь в случаях пьянства, прелюбодеяния и бесплодия. Вот тут на помощь пришел брачный контракт.

Право первенства в изобретении брачного договора принадлежит Древней Греции и Риму, где тысячи лет назад мужчина и женщина, прежде чем создать семью, оформляли соглашение, где описывали свои имущественные отношения. Такая «страховка» была очень распространена вплоть до прихода христианства.

Вновь восстановление института брачного контракта началось лишь в конце XVIII – начале XIX века во Франции, Англии, Германии, Австрии. Контракт приобретает юридическую силу с того момента, когда на смену церковному приходит так называемый светский брак.

Сейчас брачный контракт наиболее распространен в странах Западной Европы, Америке и Канаде. Такой популярностью он обязан мощным феминистическим движениям и борьбе «слабой половины» за свои права, равноправие мужчины и женщины в браке.

С принятием Семейного кодекса Украины и вступлением его в силу оживилось нормативно-правовое регулирование брачных отношений.

Так, согласно статье 72 СК, семейные отношения могут быть урегулированы договоренностью их участников. Исходя из этой и других норм СК, такой договор можно с уверенностью назвать брачным.

Основные нормы, регулирующие вопрос брачного договора, изложены в главе 10 СК. На основе анализа указанных норм можно определить брачный договор как письменный, нотариально удостоверенный, заключенный между супругами и направленный на регулирование имущественных отношений сторон [1].

Специалисты по семейным отношениям, в том числе юристы, настоятельно рекомендуют еще до свадьбы подумать о брачном контракте.

Более того, они считают, что в некоторых ситуациях без такого документа просто не обойтись [2]. Например, когда муж, жена или они вместе занимаются бизнесом; когда возможен переезд в другую страну; когда у одного или обоих супругов

есть дети, престарелые родители или другие лица, нуждающиеся в материальной поддержке.

Согласно ст. 92 СК лицами, которые подали заявление о регистрации брака, а также супругами может быть заключен брачный договор.

В том случае, если стороной в брачном договоре является несовершеннолетнее лицо, то на его заключение до регистрации брака необходимо письменное согласие родителей такого лица или его опекуна, которое также должно быть удостоверено нотариально.

Также необходимо отметить, что брачный договор могут заключить и супруги независимо от того, сколько времени они прожили в совместном браке [1].

Брачный договор должен регулировать лишь имущественные отношения между сторонами, определять их взаимные имущественные права и обязанности, а также имущественные права и обязанности супругов как родителей.

Вместе с тем брачный договор не может регулировать личные неимущественные отношения супругов, а также личные отношения между ними и детьми.

Брачный договор не может уменьшать объема прав ребенка, установленных Семейным кодексом, а также ставить одного из супругов в чрезвычайно невыгодное материальное положение.

Не может по брачному договору передаваться в собственность одному из супругов недвижимое имущество и прочее имущество, право на которое подлежит государственной регистрации. В брачном договоре может быть определено имущество, которое жена или муж передает для использования на общие нужды семьи, а также правовой режим имущества, подаренного супругам в связи с регистрацией брака [4].

Для брачного договора важным является то, что в него не могут быть включены положения относительно правового режима имущества, если они противоречат моральным основам общества.

В случае, если брачный договор заключен до регистрации брака, он вступает в силу в день его нотариального удостоверения.

Брачный договор может содержать два вида сроков: 1) общий срок действия брачного договора; 2) сроки продолжительности отдельных прав и обязанностей каждой из сторон.

Согласно ст. 97 СК в брачном договоре может быть определено имущество, которое муж/жена передает для использования на общие потребности семьи, а также правовой режим имущества, подаренного супругам в связи с регистрацией брака.

Стороны могут договориться о возможном порядке раздела имущества, в том числе в случае расторжения брака. В брачном договоре стороны могут предусмотреть использование принадлежащего им обоим или одному из них имущества для обеспечения потребностей их детей, а также других лиц. Стороны могут предусмотреть и другие условия относительно правового режима имущества, если они не противоречат моральным принципам общества [1].

В соответствии со ст.99 СК стороны могут договориться о предоставлении содержания одному из супругов независимо от трудоспособности и потребности в материальной помощи на условиях, определенных брачным договором [1].

Если в брачном договоре определены условия, размер и сроки выплаты алиментов, то в случае невыполнения одним из супругов своей обязанности по договору алименты могут взыскиваться на основании исполнительной надписи нотариуса.

В брачном договоре также может быть установлена возможность прекращения права на содержание одного из супругов в связи с получением им денежной компенсации.

Брачный договор, как любая гражданско-правовая сделка, предполагает ответственность сторон в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору одной из сторон [3]. Данную ответственность контролируют и регулируют Семейный и Гражданский кодексы.

Брачный договор может быть изменен или расторгнут в любое время по соглашению супругов. Соглашение об изменении или расторжении договора совершается в той же форме, что и сам брачный договор (т.е. требуется письменная форма и нотариальное удостоверение). Односторонний отказ от исполнения брачного договора не допускается.

В случае не достижения согласия супругов брачный договор может быть изменен или расторгнут по требованию одного из них судом по основаниям и в порядке, которые установлены Семейным и Гражданским кодексами.

Брачный договор автоматически аннулируется в случае смерти одного из супругов, по обоюдному согласию сторон, а также в случае расторжения брака.

Как бы ни был функционален данный контракт, он имеет и не очень лестные минусы:

1) Обойти контракт очень просто. Если один из супругов будет оформлять свое имущество, скажем, на своего отца, то вторая сторона останется ни с чем.

2) Доказать размер доходов супруга практически невозможно, если его доходы «не официальные».

Как и любой другой договор, брачный контракт может быть признан судом недействительным в случае выявления нарушений, предусмотренных законодательством. Однако в данной сфере особое внимание следует уделять не только положениям законодательства, но и судебной практике, сложившейся по данному вопросу [2].

Так, суд в своих решениях придерживается позиции, что брачный договор может быть признан недействительным при наличии одного или нескольких условий, например, если:

1) содержание брачного договора противоречит законодательству или моральным принципам общества (в данном случае возникает проблема с правовой неопределенностью и толкованием данного понятия судьями, по внутреннему убеждению);

2) заключение данного договора (или его отдельных частей) противоречило внутренней свободе одного из супругов (т.е. если договор заключался под влиянием тяжелых жизненных обстоятельств, запугивания, обмана и т.п.);

3) заключение брачного контракта не было направлено на наступление реальных последствий (например, пример из судебной практики, когда подобный договор заключался между супругами с целью сокрытия имущества мужа от кредиторов).

С целью минимизации рисков признания брачного контракта недействительным, следует комплексно и качественно подходить к подготовке брачного договора и, в

частности, закрепить в нем несколько положений, которые будут декларировать, что обе стороны совершают данную сделку согласно своей воле, что на них не совершалось постороннего влияния или обмана, что договор не содержит положений, которые ставят одну из сторон в невыгодное положение и т.д.

Иностраный опыт использования брачного договора показывает, что брачным договором можно регулировать довольно широкий круг отношений между супругами [4]. Например, в Соединенных Штатах довольно обычным и разрешенным законодательством явлением является именно регулирование личных неимущественных отношений с помощью брачного контракта.

Эти основные положения определяют правовую природу брачного договора.

Но при рассмотрении любых брачно-семейных вопросов следует учитывать и этический аспект.

На сегодняшний день брачный контракт как средство регулирования только имущественных отношений супругов в ДНР только начинает свое развитие.

Причиной этого, я считаю, является менталитет народа. В большинстве молодых пар чувства преобладают над разумом. И даже когда кто-то из супругов задумывается над решением имущественных вопросов в случае развода, то чаще всего не решается озвучивать это, чтобы не казаться меркантильным [5].

Чаще всего брачный договор заключается по поручению родителей, которые желают обезопасить имущество своего ребенка.

На практике брачный договор прежде всего применяется не для регулирования совместного проживания и пользования имуществом, а в случае расторжения брачных отношений. Поэтому, безусловно, в брачном договоре можно определить возможный порядок раздела имущества, в том числе после расторжения брака [6]. В этом случае в случае развода можно избежать длительных судебных процессов раздела имущества, имея больше шансов сохранить хорошие отношения после развода.

Как мы видим, брачный договор довольно функциональное понятие в браке. Он регулирует многие отношения, помогает

решать важные задачи в браке, координировать конфликты и избавляет от множества проблем при разводе [7].

Заключение такого контракта «подстегивает» людей и заставляет относиться с большей долей ответственности и к самой процедуре брака, и к семье.

Вывод. Проанализировав правовой и этический аспекты брачного договора, можно сделать вывод о том, что введение этого института является позитивным явлением, ведь брачный договор позволяет урегулировать имущественные отношения супругов, определить их имущественные права и обязанности как родителей, а в случае расторжения брака быстро и без разногласий осуществить раздел имущества.

В нашем государстве признание обществом брачного договора является довольно критичным, но тенденция к заключению увеличивается с каждым годом. Поэтому можно говорить, что все-таки молодые люди понимают преимущества заключения брачного договора.

Достаточно только вспомнить о правовых последствиях в случае развода, однако не превращать брачно-семейные отношения в источник обогащения.

Список использованных источников

1. Семейный кодекс Украины: Закон Украины от 10.01.2002 г. № 2947-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov>.

2. Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 3 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2011. – С. 310.

3. Михеева Л.Ю. Брачный договор: основные проблемы / Л.Ю. Михеева // Нотариальный вестник. – 2011. – № 7. – С. 15.

4. Савченко Е.С. Правовые аспекты брачного договора / Е.С. Савченко // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2013. – Т. 34. – № 5. – С. 283.

5. Зайцева Т.И. Семейное право в нотариальной практике / Т.И. Зайцева, Р.Ф. Галеева, В.В. Ярков // Бюллетень нотариальной практики. – 2012. – № 1. – С. 15-17.

6. Пчелинцева Л.М. Семейное право России: учебник / Л.М. Пчелинцева. – 5-е изд., перераб. – М., 2017. – С. 226.

7. Симонян С.Л. Имущественные отношения между супругами / С.Л. Симонян. – М.: Контур, 2012. – 378 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ
ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ О ДОРОЖНО-
ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ
С ПОСТРАДАВШИМИ В КОНТЕКСТЕ СОБЛЮДЕНИЯ
СРОКОВ УПК ДНР**

ТОКАРЕВА А.М.,

преподаватель кафедры

уголовного процесса

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел»

Министерства внутренних дел

Донецкой Народной Республики;

КУ-ЯН-МЫ О.В.,

доцент кафедры уголовного процесса

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел»

Министерства внутренних дел

Донецкой Народной Республики

В данной работе авторами исследуется такой вид преступления, как дорожно-транспортное происшествие, акцентируется внимание на специфике проведения следственных проверок по дорожно-транспортным происшествиям (далее ДТП) с пострадавшими. Кроме этого, освещаются актуальные проблемы назначения и производства судебно-медицинского исследования как одного из элементов проверки и соблюдения при этом сроков, предусмотренных требованиями ст. 107 уголовно-процессуального кодекса ДНР (далее – УПК).

Ключевые слова: *доследственная проверка, дорожно-транспортное происшествие, материалы проверки, специалист, срок проведения исследования.*

In this work, the authors investigate such a type of crime as a road traffic accident, focusing on the features of pre-investigation checks on road traffic accidents (hereinafter RTA) with victims. In addition, the current problems of the appointment and production of forensic medical research are highlighted as one of the elements of verification and compliance with the deadlines provided for by the requirements of Art. 107 of the criminal procedure code of the DPR (hereinafter referred to as the CPC).

Key words: *pre-investigation check, road traffic accident, check materials, specialist, term of the study.*

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями. В связи с увеличением автомобильного парка, объемов перевозимых грузов, а также интенсивностью движения, возрастает число нарушений правил дорожного движения, которые являются одним из видов правонарушений, формирующих особую категорию преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. Однако не все, а лишь те дорожно-транспортные происшествия, в результате которых наступили серьезные вредные последствия – тяжкие телесные повреждения либо смерть потерпевшего, именуются дорожно-транспортными преступлениями, то есть деяниями, влекущими уголовную ответственность в соответствии с УК ДНР.

Остальные случаи дорожно-транспортных происшествий являются, как правило, основанием дисциплинарной, административной и гражданско-правовой ответственности. Расследование нарушений правил дорожного движения имеет специфические особенности, обусловленные необходимостью привлечения значительного объема специальных знаний, производством разнообразных по природе, в том числе сложных в техническом отношении, видов исследований и экспертиз.

При расследовании преступлений о нарушении правил дорожного движения все большее значение приобретает использование научно-технических средств и методов, позволяющих представлять следствию и суду объективные данные.

В данной работе хотелось бы акцентировать свое внимание на судебно-медицинском исследовании, которое имеет огромное значение как источник доказательственной базы, позволяющей определить время наступления и протекания событий и действий, установление тождества лиц, веществ, предметов, а также их групповую принадлежность, количественный и качественный состав материалов и веществ, и многие другие факты, имеющие немаловажное значение по делу.

Судебно-медицинское исследование является специфическим действием и имеет ряд особенностей, которые

отличают ее от других видов исследований, а также имеет особую правовую регламентацию.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследования по данному вопросу изложены в трудах процессуалистов и ученых-криминалистов, таких как Т.С. Волчецкая, Т.В. Аверьянова, Г.И. Грамович, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Н.П. Майлис, В.М. Быков, А.И. Винберг, А.В. Дулов, Г.Г. Зуйков, Л.М. Исаев, В.Н. Махов, Е.Р. Россинская, И.Н. Сорокотягин, В.В. Степанова, Л.Г. Шапиро, С.А. Шейфер, А.А. Эйсман и др.

Актуальность. На сегодняшний день существует проблема нарушения сроков доследственных проверок именно по материалам о ДТП с пострадавшими, поскольку именно в таких случаях в короткие сроки не представляется возможным на уровне судебно-медицинского исследования установить степень вреда здоровью пострадавшего и определиться с квалификацией деяния (уголовное преступление или административное правонарушение).

Несмотря на то, что проблеме оценки заключения эксперта органами расследования и судом уделено немало внимания в научной литературе на теоретическом уровне, она остается актуальной и на сегодняшний день в процессе реализации на практике.

Данный вопрос требует проработки с точки зрения сегодняшних реалий, а также с учетом развития современной науки, ведь глупо отрицать, что исследования второй половины прошлого столетия, в различных областях науки, охватывают те же проблемы, применяют те же технические возможности, что и современные исследования.

Полагаем, что на сегодняшний день определенные вопросы, касающиеся данной темы, остаются неразрешенными и, исходя из актуальности, требуют дополнительного осмысления.

Целью исследования является освещение и дальнейшее решение проблемы необоснованного затягивания срока проведения судебно-медицинского исследования по пострадавшим в ДТП, превышающий нормы законодательства УПК ДНР, что в свою очередь делает

невозможным оперативность принятия законного и обоснованного решения.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Главной спецификой в разграничении дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими в категории административных правонарушений и уголовных дел остается определение последствий ДТП и разграничение их на указанные категории в зависимости от степени тяжести вреда, причиненного здоровью лицам, пострадавшим в ДТП.

Уголовное дело может быть возбуждено при наличии не только поводов, но и достаточных оснований для этого, а в конкретном случае с ДТП, обязательным основанием для возбуждения уголовного дела будут наступившие последствия в виде телесных повреждений, относящихся по степени вреда здоровью не менее чем тяжкого, так как законодатель четко определил, что менее тяжкие степени вреда здоровью лицам, пострадавшим в ДТП, не образуют состава преступления, предусмотренного УК ДНР, и являются административными правонарушениями.

Так в чем же авторы статьи видят проблему по данной теме? А проблема в том, что следователь, по долгу своей службы, обязан неукоснительно соблюдать действующие нормы УПК ДНР и, в частности, требования ст. 107 УПК ДНР, в которой речь идет о сроках проведения доследственной проверки, которые не должны превышать «...10 дней, и лишь при невозможности завершить проверку в течение 10 дней, в связи с получением истребованных документов, данный срок может быть продлен до 30 дней согласованным с прокурором мотивированным постановлением органа, проводящего проверку» (ч. 4 ст. 107 УПК ДНР) [1].

Практика следователей, закрепленных за линией расследования уголовных дел о ДТП, показывает, что если происходит ДТП с летальным исходом, то вывод очевиден и доследственная проверка в кратчайшие сроки (при наличии медицинского документа о наступлении смерти лица) завершается возбуждением уголовного дела.

Если же в результате ДТП пострадавший, или несколько таких лиц, госпитализированы в лечебные учреждения с разными категориями физических травм, начиная от СГМ, ЗЧМТ, ушибов мозга и различных не осложненных или многооскольчатых переломов костей скелета, то для определения наличия или отсутствия состава преступления следователю необходимо прибегать к профессиональной помощи не простого медика (лечащего врача), а к помощи судебно-медицинского эксперта, который на стадии доследственной проверки может осуществить медицинское исследование и дать оценку степени тяжести полученного телесного повреждения, а, следовательно, и степень вреда здоровью, причиненного лицу.

Если на стадии доследственной проверки по ДТП с пострадавшими требуется проведение медицинского исследования, такая процедура выяснения обстоятельств о степени вреда здоровью лицу занимает не два и не три дня, и потому в 100% случаев срок доследственной проверки превышает 10 суток.

Поэтому следователи вынуждены выходить с постановлением о продлении этих сроков перед прокурором до 30 суток, что не противоречит законодательству, в частности, ч. 4 ст. 107 УПК ДНР.

В ДНР в ноябре 2014 г. был создан и работает специализированный отдел по расследованию ДТП при Следственном управлении МВД ДНР. Данным отделом обслуживаются все ДТП с пострадавшими на территории г. Донецка, а также резонансные ДТП на территории Республики, поэтому отдел поднадзорен Генеральной прокуратуре ДНР, и сроки по своим материалам доследственных проверок вынужден продлевать именно в вышеуказанном органе.

А поскольку абсолютно все материалы доследственных проверок этого отдела по срокам продлеваются, то нагрузка на прокурора отдела Генеральной прокуратуры в данном случае очевидна.

В Российской Федерации ситуация по материалам доследственных проверок имеет аналогичные проблемы.

«В ходе рассмотрения материалов по ДТП на практике срок рассмотрения материала продлевается до 30 суток, а затем, если заключения экспертов не изготовлены, выносится решение об отказе в возбуждении уголовного дела с последующей отменой его руководителем как преждевременного, после чего устанавливается новый срок проверки» [2].

Как видим, и в РФ следователь не обходится без ухищрений, при помощи которых ему можно избежать грубых нарушений закона.

Таким образом, законодательство ДНР, противореча своим же требованиям, указанным в ч. 2 ст. 107 ПК ДНР: «По заявлению или сообщению о преступлении прокурор, следователь, орган дознания или судья, **обязаны не позднее трехдневного срока** принять одно из следующих решений...» [1], четвертой частью ст. 107 УПК ДНР сделало нормой работы правоохранительных органов возможность продления, а на взгляд пострадавших – «затягивания» доследственных проверок до 30 суток по ДТП с пострадавшими.

На первый взгляд, проблемы нет, нормы закона не нарушаются, механизм взаимодействия между следственными органами МВД и прокуратуры налажен, но исполнителю законодательства в этой части приходится сталкиваться с проблемами, вытекающими из вышеописанной ситуации.

Во-первых, по истечении 30 суток, если возбудить уголовное дело еще не представляется возможным из-за затянувшихся исследований, следователь отказывается в возбуждении уголовного дела, а затем его постановление отменяется прокурором, как незаконное, что уже является «минусом» для следователя и оценки его работы.

Затем отмененный материал направляется для проведения дальнейшей доследственной проверки и требует установления новых сроков ее проведения, из-за чего следователь вынужден повторно регистрировать его, и в результате одно и то же ДТП получает двойную, а иногда и тройную регистрацию, а статистика – увеличение (искажение) показателей учета.

Во-вторых, как показывает нынешняя следственная практика, при таких сроках проведения доследственной проверки об оперативности принятия решения не может идти и речи, а из этого вытекают иные проблемы, связанные с человеческим фактором.

Сущность человека такова, что при наступлении негативных последствий от преступления, а тем более при получении физического и материального вреда (а дорожно-транспортные происшествия имеют прямое отношение к такому виду ущерба), человек, обращаясь за помощью в полицию, желает видеть незамедлительный результат работы правоохранительных органов: компенсацию причиненного ему вреда и справедливое наказание виновника.

На деле же оказывается так, что сотрудники полиции в течение целого месяца решают вопрос о том, будет ли возбуждено уголовное дело, и если это происходит, то виновное в преступлении лицо будет стремиться возместить потерпевшей стороне ущерб, чтобы смягчающие вину обстоятельства повлияли на степень применимого к нему наказания по делу.

И, в-третьих, если таки по результату доследственной проверки спустя 30, а то и более суток, будет отказано в возбуждении уголовного дела, то только после этого решения материалы доследственной проверки будут переданы на комиссию для рассмотрения их в порядке административного производства, и только после вынесения комиссией законного решения пострадавший сможет получить копию этого решения и обратиться в суд за возмещением причиненного ему вреда. А до этого времени пострадавший столкнется с проблемами лечения своих травм, с ограничениями в передвижении из-за аварийности транспорта или его утраты из-за невозможности восстановить, с иными непредвиденными материальными проблемами, возникшими по вине правонарушителя.

В итоге мы получаем озлобленного ситуацией и действиями правоохранительных органов человека,

порождающего жалобы в разные инстанции для защиты своих законных интересов.

Законодательство нашей Республики во всех направлениях отраслей права гласит блюсти, обеспечивать и защищать законные права и интересы граждан ДНР, но даже обеспечение исполнения действующих норм не решило вышеописанную проблему волокиты и сроков.

Отдельно хочется обратить внимание на то, что срок проведения судебно-медицинского освидетельствования (исследования) регламентируется действующим законодательством, а именно ст. 23 Закона ДНР «О судебно-экспертной деятельности» и 1.18, 1.22 Инструкции «О назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований» [3, 4].

Здесь же вопрос соблюдения этих сроков экспертами не оспаривается и критике не подвергается. Сложность проведения судебно-медицинского исследования в пределах сроков доследственной проверки, установленных законом, заключается в сложности сбора медицинских документов, необходимых следователю для назначения и проведения такого исследования.

При обращении в медицинские учреждения с запросом о получении необходимых медицинских документов (историй болезни, рентген-снимков и т.п.), где на стационарном лечении находятся пострадавшие, поступившие с травмами после ДТП, следователь получает лишь медицинскую справку с диагнозом больного, которой судебному медику недостаточно для того, чтобы определить степень вреда здоровью человека, и, следовательно, дать правильную квалификацию ДТП (происшествие или преступление?).

Предоставить медицинские документы в первый период после ДТП (медицинскую карту, историю болезни, рентген-снимки) лечащий врач не может, так как ежедневно их использует при лечении, а получение этих копий возможно только в случае их качественного исполнения (копирования), что в условиях медицинского учреждения невозможно.

И даже получение таких документов не дает гарантии правильных выводов СМИ, так как требуется окончание лечения для полных выводов.

Поэтому следователь вынужден ждать срок окончания лечения больного для получения медицинских документов и последующего назначения исследования, что в 90% случаев и становится причиной продления срока доследственной проверки. Не следует забывать при этом и про иные виды исследований, проводимых в ходе доследственной проверки: автотехническое, трасологическое, и т.п.

Разрешение сложившейся проблемы усматривается в следующем: необходимо вернуть практику оперативного разрешения материалов доследственных проверок по линии ДТП, это существенно снизит количество жалоб и недовольных работой правоохранительных органов граждан.

Но для этого потребуется изменить и принципиальность взгляда системы МВД на линию ДТП: не как на преступления общеуголовной направленности, а как на отдельную категорию преступлений, требующих специфического подхода в их разрешении.

Следовательно, потребуется и внесение корректировок в законодательную базу действующих Министерств ДНР. Так, Министерству здравоохранения ДНР в своих действующих положениях необходимо будет обязать лечащих врачей, именно в случаях с пострадавшими от ДТП, в кратчайший срок предоставлять по запросу следователя медицинские документы с развернутыми диагнозами и рентген-снимками. Министерству внутренних дел и Министерству юстиции ДНР пересмотреть действующую «Инструкцию о назначении и проведении экспертиз и экспертных исследований» в части соблюдения сроков судебно-медицинских исследований. Такой законодательный процесс для молодой и развивающейся Республики трудоемок и по содержанию, и по времени, но он найдет своё действенное позитивное отражение в практике, в случае его апробации и практическом применении.

Выводы по исследованию. С учетом предоставления общественности сложности всего процесса грамотного формирования материалов по ДТП с пострадавшими, для правильности квалификации и последующей правовой помощи, защиты законных прав и интересов граждан, считаем необходимым пересмотр действующего законодательства в этой части и внесение корректировки и изменений для его усовершенствования и облегчения в практическом применении.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики; Уголовно-процессуальный кодекс ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

2. Рассмотрение материала или следственная проверка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dtp-profi.ru/page66.html>.

3. О судебной-экспертной деятельности: Закон ДНР №12-НС от 20.02.2015 г. (с изм. от 12.03.2020 г. № 108-ПНС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-sudebnoj-deyatelnosti/>.

4. Инструкция о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований (в ред. приказов Министерства юстиции ДНР от 11.01.2017 г. № 7, 02.10.2018 г. № 527, 10.02.2020 г. № 62-ОД) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0027-99-20160210/>.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНУ НАСЛЕДНИКАМИ ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ

ШЕСТАК С.В.,
канд. юрид. наук, доцент
кафедры гражданского и
предпринимательского права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;
КВАСНИЦКАЯ И.А.,
магистрант кафедры
гражданского и
предпринимательского права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

Возникновение права собственности и развитие брачно-семейных отношений обусловили потребность ответа на вопрос о судьбе имущества, которое остается после смерти человека. Бесспорно, и в обеспечении, и в поддержке достаточного уровня жизни человека существенную роль играет наследие. Каждое новое поколение не начинает жизнь с нуля, а продолжает начатое, стремится к его приумножению, совершенствованию.

Ключевые слова: наследование по закону, наследник, очередь наследства, семья.

The emergence of property rights and the development of marriage and family relations necessitated an answer to the question about the fate of property that remains after a person's death. Undoubtedly, heritage plays a significant role in both ensuring and maintaining an adequate standard of living. Each new generation does not start life from scratch, but continues what it started, strives to increase and improve it.

Keywords: inheritance by law, heir, line of inheritance, family.

Постановка проблемы. Наследственное право призвано защищать собственность физических лиц, стимулирует их материальную заинтересованность в результатах труда, укрепляет отношения, поскольку закон относит к наследникам лиц, связанных с наследодателем кровным происхождением, брачными отношениями, усыновлением. Нормами наследственного права предусмотрена защита прав

несовершеннолетних, а также нетрудоспособных лиц. Итак, одной из целей правовых норм, регулирующих наследование, является материальное обеспечение наследников.

Анализ научных исследований и публикаций. В юридической литературе советского периода наследование по закону исследовали такие специалисты, как М.В. Гордон, К. Дроников, В.И. Серебровский, Е.Б. Эйдинова. Определенные наработки имеют и современные цивилисты – Е.А. Харитонов, Н.А. Саниахметова, Я. Шевченко и другие.

Интерес ученых к вопросам наследования природный, ведь в процессе своей жизни человек в основном накапливает определенное количество материальных благ и ценностей, которыми он желает удовлетворить не только свои потребности, а и потребности своих близких.

Целью этой статьи является характеристика проблем правового регулирования наследования наследниками по закону, входящих в первую очередь.

Актуальность статьи. Современное гражданское право – это яркий пример постепенного перехода от доминирования государственной собственности на средства производства до утверждения основ частного права собственности.

Исследование правовых вопросов наследования обусловлено возрастающим значением частной собственности граждан и порядка ее наследования, необходимостью разработки правового механизма, который должным образом мог бы защитить права и интересы граждан Донецкой Народной Республики.

Изложение основного материала. Нормы наследственного права призваны урегулировать переход принадлежащих лицу прав и обязанностей в случае его смерти.

Кроме того, наследственное право, особенно в наше время, стало актуальным не только для физических, но и для юридических лиц, поскольку оно существенно влияет на формирование и состав их высших органов, их деятельность (прежде всего это касается вопросов наследования акций, паев в уставном фонде).

Вопрос о том, какими критериями должен руководствоваться законодатель, определяя круг наследников по закону, один из самых спорных в цивилистической литературе.

Определение круга лиц, призываемых к наследованию по закону в случаях, когда наследование по завещанию по каким-либо фактическим или юридическим причинам невозможно, является главным содержанием норм при наследовании по закону.

Законодатель называет в числе наследников по закону лиц, которые по характеру семейно-бытовых отношений были ближайшими к покойному.

Несмотря на то, что наследодатель не оставил завещания, законодатель пытается предсказать, кому бы этот гражданин мог оставить свое имущество, и вполне обоснованно считает, что это должны быть близкие умершего лица.

Гражданское законодательство предусматривает такие основания наследования по закону: родственные отношения; отношения усыновления (удочерения); брак; семейные отношения; нахождение на иждивении.

Доминирующим признаком, который определяет наследников по закону, является наличие родственных связей лиц, претендующих на получение наследства, с умершим. Однако законодатель должен ограничить их круг соответствующими правовыми нормами.

В СССР было предусмотрено две очереди наследников. В действующем законодательстве Донецкой Народной Республики установлено четыре очереди наследников по закону.

Определяя круг наследников по закону, стоит отметить, что наследниками первой очереди являются: дети (в том числе и усыновленные), супруги, родители (в том числе усыновители), а также дети, родившиеся после смерти наследодателя [1].

Законодатель употребляет термин «ребенок» не в смысле определенного правового статуса физического лица, предусмотренного п. 1 ст. 54 СК ДНР, в которой указано, что правовой статус ребенка имеет лицо до достижения им совершеннолетия (18 лет) [2], а как факт происхождения человека от определенных родителей и наличие между ними родства первой степени.

Ведь основная обязанность по жизнеобеспечению и воспитанию ребенка, получения им физического, духовного, интеллектуального, культурного, социального развития, возложена на родителей (лиц, их заменяющих).

К наследникам по закону отнесены дети наследодателя, которые были зачаты при его жизни, но родились после его смерти. При наследовании по закону к наследникам первой очереди рядом с детьми и родителями умершего законодатель относит и супруга, который пережил.

В семейном законодательстве заложена презумпция общего имущества, приобретенного супругами в период брака. Но супруг признается наследником по закону только в тех случаях, когда он находился в зарегистрированном браке с умершим лицом, причем правовое значение здесь играет сам факт пребывания в зарегистрированном браке, а не наличие фактических брачных отношений.

Каждый зарегистрированный в установленном законом порядке брак считается таким, который заключен законно и является действительным.

Брак – это многогранное социальное явление, которое имеет различные аспекты своего проявления и может рассматриваться с различных точек зрения.

Не будет преувеличением, если сказать, что осмысление и определение основных признаков брака осуществлялось на протяжении веков. За это время сложились различные теории брака. В частности, брак рассматривался как свободный союз мужчины и женщины, священное таинство, гражданский договор, специальный статус лица и тому подобное.

В наиболее обобщающем понимании брак – это семейный союз мужчины и женщины по взаимному согласию. Однако в юридическом смысле такое определение является неприемлемым.

Дело в том, что брак вызывает целый ряд правовых последствий, которые имеют важное значение как для самих участников брачных отношений, так и для других лиц и общества в целом.

Сегодня в нашем государстве получил распространение фактический брак. Если обратиться к истории, то такой вид отношений между мужчиной и женщиной был присущ людям всегда, но в разные эпохи он был то в так называемом расцвете, то в упадке. Фактические брачные отношения среди молодежи, как правило, предшествуют браку и, естественно, требуют своего урегулирования.

Поэтому, по нашему мнению, было бы целесообразно урегулировать фактические брачные отношения, именуемые конкубинат, с помощью конкубинатного договора, поскольку конкубинат сам, учитывая как гражданское право, так и семейное право, является сделкой, а любая сделка должна быть обязательно урегулирована законом или договором.

Конкубинатный договор – это соглашение лиц, вступающих в фактические брачные отношения, именуемые конкубинат, что определяет их имущественные права и обязанности в момент существования такого союза и (или) в случае его расторжения, алиментные права и обязанности фактического мужа и жены по отношению друг к другу, а также детей, рожденных от такого союза, личные неимущественные и имущественные отношения родителей и детей между собой.

К объективным факторам, при которых лица не заключают брак, можно отнести финансовую несостоятельность лиц к содержанию семьи; недостаточную гражданскую зрелость человека в возрасте от 17 до 25 лет; невозможность, при наличии определенных обстоятельств, в том числе по состоянию здоровья, воспроизведения рода; различные социальные противоречия и тому подобное.

Следует обратить внимание на определенные коллизии, возникшие между отдельными положениями Гражданского и Семейного кодексов Донецкой Народной Республики, которые определяют правовое положение лиц, находящихся в фактических брачных отношениях.

Эти различия и противоречия обусловлены, прежде всего, длительной дискуссией относительно правового значения факта регистрации брака и фактических брачных отношений, возникающих и без его регистрации.

Семейный кодекс ДНР практически уравнил правовое положение лиц, находящихся в фактических брачных отношениях, с зарегистрированными супругами. По общему правилу, имущество, приобретенное за время совместного проживания одной семьей женщиной и мужчиной, которые не находятся в браке между собой или в любом другом браке, принадлежит им на праве общей совместной собственности.

Право на содержание мужу и жене, которые не находятся в браке между собой, предоставляются в случаях, когда они стали нетрудоспособными во время такого фактического брака.

Итак, несмотря на то, что СК ДНР практически уравнил в правах супругов и лиц, проживающих одной семьей без брака, последние нередко испытывают имущественные притеснения в правовом смысле.

Наиболее ярким примером таких неравных условий является порядок наследования. В научной литературе уже было высказано оптимистичное мнение, что фактическая жена (муж) при условии длительного проживания одной семьей с наследодателем, может претендовать на наследство в первой очереди по закону. Однако такая позиция не совпадает с официальным толкованием норм Гражданского кодекса.

В связи с вышеизложенным, мы предлагаем отнести фактических супругов к наследникам первой очереди из условия закрепления таких отношений между мужчиной и женщиной путем заключения конкубинатного договора.

По заявлению супругов или иску одного из них суд может установить так называемый «режим отдельного обитания», правовыми последствиями которого является приостановление действия двух презумпций: презумпция общей совместной собственности на имущество, приобретенное за время брака, и презумпция отцовства.

Наследственные права супругов прекращаются с момента оформления в надлежащем порядке расторжения брака. Момент прекращения брака зависит от того, в каком порядке его разывают.

В случае расторжения брака государственным органом регистрации актов гражданского состояния, брак прекращается в день регистрации расторжения брака, в случае расторжения брака судом – в день вступления в силу решения суда о расторжении брака. В случае, когда супруги призываются к наследству наряду с другими наследниками первой очереди, необходимо сначала выяснить размер его доли в имуществе, которое было совместно нажито в браке. Затем выделяется доля имущества, которая принадлежала умершему супругу.

Имущество делится между наследниками первой очереди, к которой относится и переживший супруг. При признании

брака в судебном порядке недействительным, лицо, которое находилось в браке с умершим, права на наследство не приобретает.

Брак, признанный в судебном порядке недействительным, независимо от времени признания (до смерти наследодателя или после) не порождает правовых последствий и не дает лицам, которые его зарегистрировали, право на наследование как супругам.

Однако, если на время рассмотрения иска о признании брака недействительным отпали обстоятельства, которые в соответствии с законом были препятствием для его заключения (лицо достигло брачного возраста или было восстановлено в дееспособности и т.д.), суд отказывает в иске и одновременно признает, что брак является действительным, начиная со дня, когда отпало такое препятствие. В юридической литературе супругов, которые не знали и не могли знать о препятствиях, существующих до заключения брака, называют добросовестными супругами.

Нет оснований лишать добросовестных супругов права на наследство в том случае, если брак признается недействительным после смерти одного из супругов. Смерть супругов является тяжелой моральной травмой, а при признании брака недействительным добросовестный супруг еще и вынужден участвовать в судебном процессе и доказывать свое участие в приобретении имущества. В некоторых случаях интересы добросовестного супруга по действующему законодательству вообще невозможно защитить.

Итак, Гражданский кодекс ДНР при определении оснований наследования предоставил приоритет наследованию по завещанию, однако нотариальная практика показывает, что наиболее распространенным в Донецкой Народной Республике остается наследование по закону. Обстоятельства, которые способствуют доминированию наследования по закону, разные. Это недостаточная правовая культура большинства населения, иногда преждевременная смерть наследодателя и обстоятельства психологического характера, ведь составление завещания обычный человек рассматривает как предпосылку смерти. Итак, граждане ДНР оставляют правовое регулирование проблем одной из важнейших сфер своей жизни – сферы имущественных отношений

– на рассмотрение государства. При наследовании по закону функции завещателя берет на себя законодатель, который реализует гипотетическую волю наследодателя по переходу его прав и обязанностей к определенному кругу наследников.

Выводы. Положение об очередности наследования наследниками по закону базируется на презумпции, что в случае выражения своей воли наследодатель оставил бы наследственное имущество ближайшим лицам, которые по закону определены в определенные очереди в зависимости от близости родственных связей по происхождению, брачных отношений, усыновления, предоставления содержания наследодателю и нахождения на иждивении наследодателя. Законодатель строит абстрактную модель очередности без учета особенностей конкретной семьи, что в определенных случаях может противоречить истинной воли умершего. Поэтому исключено, что наследниками умершего могут быть лица, с которым наследодатель, несмотря на близкие родственные связи, мог находиться в неприязненных отношениях. Основные проблемы наследования по закону наследниками первой очереди связаны с невозможностью наследования в первой очереди фактических супругов, что не совсем соответствует современному состоянию развития общества, а потому требует их дальнейшего изучения и совершенствования действующего законодательства.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

2. Конституция Донецкой Народной Республики: офиц. текст (принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>.

3. Цыпляева Е.В. Отказ от наследства и непринятие наследства: их правовые последствия / Е.В. Цыпляева // Наука. Южно-Уральский государственный университет: материалы 65-й науч. конф. – 2013. – С. 240-243.

4. Фиошин А.В. Фактическое принятие наследства: спорные вопросы правоприменения / А.В. Фиошин // Наследственное право. – 2014. – № 3. – С. 39-42.

Научное издание
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики»

**СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
СЕРИИ «ПРАВО»**

Выпуск 19

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В
СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Материалы представлены на языке оригинала.

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов,
которая может не совпадать с мнением редколлегии сборника.

При цитировании или частичном использовании текста публикаций
ссылка на сборник обязательна.

Ответственный за выпуск – Саенко Б.Е.
Научный редактор – Ворушило В.П.
Редактор – Моисеенко З.И.
Компьютерная вёрстка – Зензеров В.И.

Подписано в печать решением учёного совета ГОУ ВПО «ДонАУиГС».
Протокол № 3 от 22.10.2020 г. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 11,28. Тираж 100 экз.

Адрес редакции: 83015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 163а,
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»